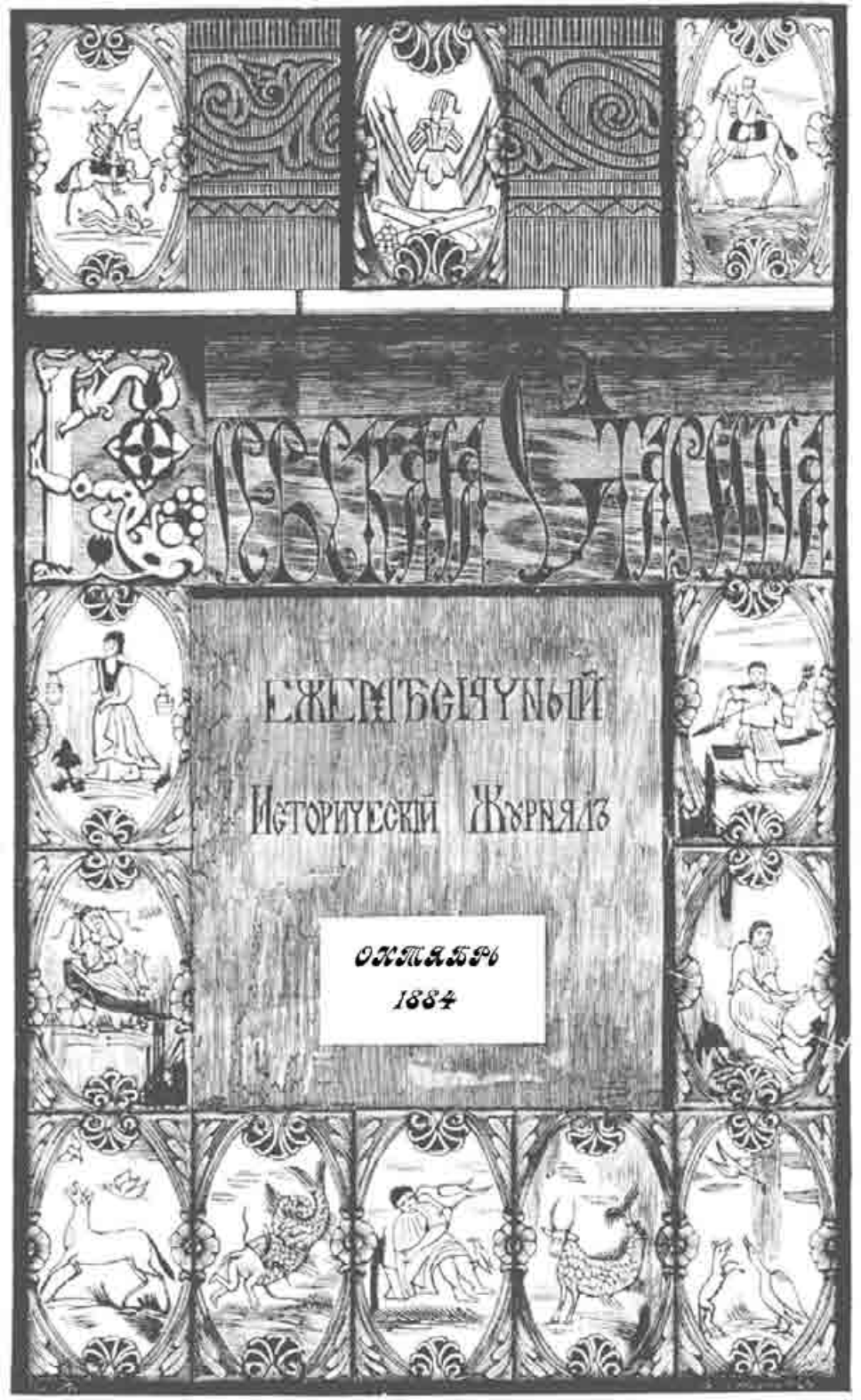

Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Октябрь
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1884 г.

стр.

О продолженіи изданія «Кіевской Старины» въ 1885 г.

I. ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). **Н. Ѳ. Сумцова.** 183

II. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ. **Л. Л—ва.** 227

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІИ. *(Продолженіе).* **К. М.** 254

VI. СОФРОНІЙ ДОБРАНЕВИЧЪ, АРХІМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРБІИ. **Архимандрита Арсенія** 276

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ШТУНДЫ НА ЮГѢ РОССІИ 305

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Извѣстіе о сочиненіи Симеона Степановича Пешчевича. 1731—1785 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ, подъ ред. дѣйств. члена Нила Попова. Москва. 1884 г. IV+561.—*В. Я.*—б) Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммиссіею, томъ седьмой. С.-Петербургъ, 1884 г.—*О. Л.*—в) О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. 1871 г., 8°. 157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ 1884 г., 8°. 131 стр.—*А. Лазаревскаго.*—г) Сулимовскій Архивъ—факсимильныя буквы Сулимъ, Сворупъ и Войцеховичей. Кіевъ 1884 г. Издатель А. Лазаревскій.—*В. Л.* 321

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) VI Археологическій съѣздъ въ Одессѣ.—б) Два случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель.—*С—.—ва.*—в) Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ г. Полтавѣ.—Сообщ. *В. Е. Бучневичъ.*—г) Лаконтанія кіево-братскихъ монаховъ конца XVII в. д) Дополнительныя свѣдѣнія о бывшихъ на ладожскомъ каналѣ казакахъ.—Сообщ. *Дм. Багалѣй.*—е) Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ.—*В. Горленка.*—ж) Къ портрету Кирилла Терлецкаго. з) Поправка и объясненіе. 337

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 97—113

XI. ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Кирилла Терлецкаго.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

ПОДПИСКА

на ежемѣсячный историческій

ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1884-й ГОДЪ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

По трехъ-лѣтнему опыту нашего изданія, наши постоянные читатели могли удостовѣриться, что оно остается вѣрнымъ той скромной задачѣ, которую намѣтило для себя при самомъ началѣ, т. е. разработкѣ мѣстной исторіи. Но самая мысль о необходимости спеціальной разработки южно-русской исторіи для пополненія и расширенія нашей общей исторической науки возникла сравнительно недавно и прививается въ обществѣ, да и въ самой наукѣ туго и медленно. Успѣхъ нашего изданія стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этой мысли въ сознаніи общества и дѣятелей науки. Въ какой мѣрѣ способствовало этому само наше изданіе, судить не намъ; но мы не могли не видѣть въ теченіи трехъ

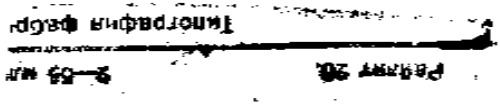
лѣтъ возрастающаго сочувствія и довѣрія къ нашему труду, обогащавшихъ портфель редакціи новыми статьями и матеріалами, а отсюда заключаемъ, что и самый трудъ нашъ не безъуспѣшенъ. Успѣхъ этотъ идетъ, правда, медленно, въ размѣрахъ скромныхъ; но успѣха быстраго мы и не ищемъ, а въ самой постепенности его усматриваемъ залогъ его прочности.

Съ такими мыслями мы приступаемъ къ началу новаго, четвертаго года изданія, выражая живѣйшую нашу благодарность всѣмъ постояннымъ и случайнымъ нашимъ сотрудникамъ и надежду, что они не оставятъ насъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою и въ наступающемъ году.

Подписная цѣна **за 12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** На заграничную пересылку прибавляется **1 р.**

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Трехъ-святительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.



КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

ОКТЯБРЬ.

1884 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го сентября 1884 года.

Кириллъ Терлецкій,

ЕПИСКОПЪ ЛУЦКІЙ И ОСТРОЖСКІЙ † 1607 Г.

ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ Малороссіи въ XVII столѣтіи весьма немногія лица пользовались столь обширной и почетной извѣстностью, какъ кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Ему писали письма московскій царь и патріархъ, гетманы искали у него совѣта и посредничества. Высшія духовныя лица, кіевскій митрополитъ и черниговскій архіепископъ, дорожили его расположеніемъ. Ученые иностранцы являлись къ нему съ поклономъ или вступали съ нимъ въ двлюкую переписку. Безъ преувеличенія. Гизель долгое время былъ въ Малороссіи духовнымъ свѣточемъ, общепризнаннымъ руководителемъ по пути истины, правды, любви къ ближнему. Историкъ южно-русской церкви и историкъ южно-русской литературы съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на Гизелѣ, первый, потому что Гизель участвовалъ во многихъ важныхъ церковныхъ событіяхъ XVII столѣтія, второй потому, что «Синопсисъ» Гизеля имѣлъ вліяніе на развитіе русской исторіографіи, потому еще, что въ «Мирѣ» Гизеля до нѣкоторой степени обнаруживаются умонастроеніе и нравственный характеръ эпохи.

Гизель принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ въ нашей исторіи иностранцевъ, которые, поселившись въ Россіи, отдали ей весь свой умственный трудъ, всю свою энергію посвятили на пользу своего новаго отечества. Въ Малороссіи въ XVII ст. было два такихъ иностранца, Иннокентій Гизель и Адамъ Зернкавъ; оба нѣмцы, оба приняли православіе, и тотъ и другой писали въ защиту православія.

Иннокентій Гизель родился въ Пруссіи, въ реформатскомъ исповѣданіи, и тамъ-же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы онъ пришелъ въ Кіевъ и здѣсь принялъ православіе. Какія обстоятельства привели Гизеля въ Украйну, что побудило его принять православіе, когда произошла перемѣна вѣроисповѣданія,—все это вопросы открытые, на которые древніе акты и лѣтописи не даютъ никакого отвѣта. Молодость Гизеля покрыта такимъ-же густымъ мракомъ неизвѣстности, какъ молодость знаменитыхъ его современниковъ, Барановича и Галятовскаго. Гизеля могла привести въ Малороссію жажда познаній, стремленіе ознакомиться съ православіемъ среди прямыхъ его послѣдователей и исповѣдниковъ, стремленіе ознакомиться вообще съ религіозными исповѣданіями въ южной и западной Россіи, исповѣданіями разнообразными и многочисленными, съ разными сектантскими оттѣнками. Могъ Гизель явиться въ Украйну, какъ простой, мирный поселенецъ. Что нѣмецкія поселенія были въ Малороссіи уже въ XVI и XVII ст., доказываетъ современный малорусскій языкъ, въ лексическомъ составѣ котораго нѣмецкія слова составляютъ значительный процентъ. Какія-бы однако обстоятельства ни привели Гизеля въ Малороссію, для Малороссіи человѣкъ этотъ оказался дорогимъ пріобрѣтеніемъ. Онъ слился душей съ пріютившимъ его народомъ, принялъ его вѣру и сталъ служить своему новому отечеству честно и усердно.

Въ столь бурную эпоху, какъ XVII вѣкъ въ Малороссіи, въ періодъ военной и религіозной борьбы, можно было выдвинуться или подвигами военными или трудами богословскими. Неизвѣстныя намъ обстоятельства, а можетъ быть личныя наклонности и душевныя свойства Гизеля привели его на этотъ послѣдній путь, доставившій ему впослѣдствіи столь славную извѣстность: онъ принялъ монашество, получивъ, вѣроятно, при этомъ имя Иннокентія, вмѣсто имени, полученнаго при крещеніи, которое осталось неизвѣстнымъ, и пошелъ въ науку.

Особеннымъ счастьемъ для Гизеля было то, что онъ пришелъ въ Малороссію въ эпоху наибольшаго религіозно-умственнаго ея возбужденія и когда судьбы южно-русской церкви находились въ рукахъ такого высоко-даровитаго, энергическаго и просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ былъ Петръ Могила, сперва печерскій архиман-

хритъ, потомъ кіевскій митрополитъ. Имѣя въ виду учредить въ Кіевѣ коллегію и нуждаясь въ знающихъ и способныхъ учителяхъ, Петръ Могила избралъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей и послалъ ихъ на свой счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ учительству. Къ числу этихъ людей принадлежалъ Иннокентій Гизель, на что имѣется цѣнное документальное указаніе. Гавріилъ Домецкій, который самъ учился въ кіево-братскомъ училищѣ, въ концѣ семнадцатаго вѣка писалъ къ новгородскому митрополиту Іову: «Пославъ Петръ Могила отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ въ разные государства ради наукъ, между которыми былъ покойникъ Иннокентій Гизель». Неизвѣстно, кто были товарищи Гизеля по заграничному путешествію; митрополитъ Макарій полагаетъ, довольно гадательно, что, кромѣ Гизеля, за границу были отправлены Софроній Почаскій, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ и Іосифъ Кононовичъ Горбацкій [1]). Это были «люди, испытанные въ святомъ восточномъ православіи, искусные въ знаніи свободныхъ наукъ и благочестивые», какъ засвидѣтельствовалъ самъ митрополитъ Исаія Копинскій, со всѣмъ духовенствомъ, въ своемъ письменномъ удостовѣреніи отъ 5 января 1632 г. Неизвѣстно, въ какихъ заграничныхъ университетахъ учился Гизель, сколько времени онъ провелъ на западѣ и какія познанія вынесъ отсюда [2]). По его «Синопсису», въ которомъ онъ обнаружилъ наклонность къ дѣятельности исторіографа, и «Миру», въ которомъ онъ трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ христіанина, можно заключить, что Гизель, кромѣ богословія, слушалъ за границей исторію и юриспруденцію. Понятно, что пройденная имъ въ молодости школа по тому времени не могла быть иною, какъ только схоластическою, и Гизель во всю жизнь не могъ отрѣшиться отъ вынесеннаго изъ нея доктринерства, формализма, неумѣренной наклонности къ мелочнымъ де-

[1]) Макарій, Ист. рус. ц., т. XI, стр. 409.

[2]) Св. Димитрій Ростовскій замѣтилъ въ своей «Пирамидѣ», что Гизель учился «въ разныхъ школахъ, до которыхъ и черезъ моря путешествовалъ». (Сочин. III. 626). Можно думать, что Гизель былъ въ Англіи.

финиціямъ. Весьма возможно, что схоластическая западно-европейская школа, гдѣ преобладало полемическое богословіе, содѣйствовала развитію въ Гизелѣ наклонности къ бранной и рѣзкой полемикѣ. Если однимъ южно-русскимъ ученымъ, напримѣръ, скромному Барановичу, не нравилась рѣзкость полемическаго тона и діалектическій задоръ Гизеля, то другимъ, напр., Петру Могилѣ, эти свойства Гизеля пришлись по вкусу. Самъ Петръ Могила любилъ сильное и крѣпкое слово въ спорѣ съ латино-уніатами, любилъ выбранить своего противника по вѣрѣ «дурнемъ» или «толстобрюхимъ», какъ видно изъ его «Лѳоса». Петръ Могила оцѣнилъ въ Иннокентіѣ Гизелѣ его богословскія познанія, его литературную бойкость, его ревность о православіи и предоставилъ ему мѣсто сначала учителя, потомъ профессора, наконецъ ректора коллегіи. Въ званіи ректора кіевской коллегіи Гизель долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ ученой борьбѣ съ католиками и уніатами. Еще при жизни Петра Могилы іезуитъ Николай Цыховичъ вызвалъ Гизеля на публичныя религіозныя пренія, которыя продолжались три дня [1]). Во время кончины Петра Могилы и избранія Сильвестра Коссова въ кіевскіе митрополиты, т. е. въ началѣ 1647 г., Иннокентій Гизель состоялъ игуменомъ братскаго монастыря и ректоромъ кіевской коллегіи, какъ видно изъ его подписи подъ актомъ избранія митрополита Сильвестра Коссова [2]). Петръ Могила передъ кончиной своей смотрѣлъ на Гизеля, какъ на главнаго покровителя коллегіи и не задолго до смерти поручилъ ему употребить всѣ старанія на улучшеніе этого дорогаго учрежденія. Гизель свято исполнялъ завѣтъ своего знаменитаго покровителя. Онъ пользовался всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы поднять значеніе коллегіи въ педагогическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Такъ, онъ привлекъ въ число ея преподавателей талантливаго Барановича; при немъ здѣсь учились Галятовскій, Славинецкій, Сатановскій, вѣроятно, Симеонъ Полоцкій. Въ 1649 г. царь вызвалъ на службу въ Москву ученыхъ кіевскихъ иноковъ, Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. По этому поводу Гизель писалъ царю 8 іюня 1649 г.: «По желанію нашему приличное время

[1]) Страдомскій, «Лазарь Барановичъ» въ Ж. М. Н. Пр., т. LXXV, стр. 55.
[2]) Архивъ юго-западной Россіи, II, 346.

обрѣтаемъ, егда царское ваше величество отъ нашего собора учителей себѣ на богоугодную службу призываетъ». Онъ писалъ царю, что на содержаніе коллегіи средства давалъ сначала ея учредитель Петръ Могила, а послѣ его смерти нѣкоторые благородные и благочестивые люди; такъ какъ во время начавшихся войнъ Хмельницкаго одни благотворители были убиты, другіе обѣднѣли, то братія братскаго монастыря обращается къ общему благодѣтелю царю съ просьбой о помощи [1]). Такъ началъ свои сношенія съ Москвой Гизель; впослѣдствіи эти сношенія были очень часты, по разнымъ поводамъ, монастырско-хозяйственнымъ и политическимъ. Ближе знакомство Гизеля съ царемъ произошло въ іюлѣ 1654 г. Въ этомъ году Гизель состоялъ игуменомъ никольскаго монастыря и былъ посланъ къ царю отъ митрополита и всего малорусскаго духовенства съ просьбой объ утвержденіи и правъ привиллегій, данныхъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ отъ польскихъ королей. Онъ представилъ царю грамоты митрополита Сильвестра Косова, печерскаго архимандрита Іосифа Тризны, черниговскаго епископа Іосифа Прокоповича, игумена кіево-архангельскаго златоверхаго монастыря Ѳеодосія Василевича, намѣстника кіевскаго братскаго монастыря Ѳеодосія Софоновича, съ рекомендательными и одобрительными письмами Богдана Хмельницкаго и Ив. Выговскаго. Въ грамотахъ заключались большею частью просьбы объ утвержденіи правъ на маетности, о выдачѣ жалованья, иконъ, ризъ, книгъ. Эта высокая миссія Гизеля показываетъ, какимъ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ онъ пользовался среди малорусскаго духовенства. Что гетманъ Богданъ Хмельницкій и генеральный писарь Выговскій также съ большимъ уваженіемъ относились къ никольскому игумену, видно изъ данныхъ имъ Гизелю одобрительныхъ грамотъ: «Пречестный господинъ отецъ Иннокентій Гизель, писалъ Богданъ Хмельницкій царю, игуменъ никольскій, бывши учителемъ монастыря братскаго училищъ кіевскихъ, послужилъ много церкви Божіей ученіемъ и за вѣру много пострадалъ, и много имѣнія монастырскаго ляхи и литва разграбили» [2]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III., № 323.

[2]) Акты южной и западной Россіи, X., 717, 755, 736.

Въ чемъ состояли главныя желанія малорусскаго духовенства и его уполномоченнаго Гизеля, видно изъ статей, которыя представилъ Гизель царю отъ имени митрополита Сильвестра. Въ статьяхъ излагались просьбы: 1) чтобы государь изволилъ утвердить вольности и привилегіи малорусскаго духовенства, дарованныя великими князьями кіевскими и польскими королями; 2) чтобы малорусское духовенство не было отдалено отъ послушанія константинопольскому патріарху; 3) чтобы кіевскій митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены пребывали до смерти каждый при своей должности, а преемники на мѣста ихъ поступали по вольному избранію духовныхъ и мірянъ, и чтобы московскихъ духовныхъ на ревизію и на всякія начальства въ Малороссію государь не присылалъ; 4) чтобы признано было за кіевскимъ митрополитомъ право безапелляціоннаго суда надъ духовными лицами и виноватое духовенство не отсылалось въ Великороссію; 5) чтобы православные въ Литвѣ и на Волыни свободно могли сноситься съ кіевскимъ митрополитомъ, какъ своимъ пастыремъ; 6) чтобы церквамъ и монастырямъ были возвращены неправильно отнятыя у нихъ имѣнія и въ замѣнъ имѣній, оставшихся въ Литвѣ и на Волыни, даны были другія имѣнія вблизи Кіева; 7) чтобы никого изъ малорусскихъ духовныхъ лицъ насильно не тятали въ Москву, а если кому изъ нихъ случится по дѣламъ быть въ Великороссіи, то чтобы они не были тамъ задерживаемы.

Представляя государю всѣ эти статьи въ русскомъ станѣ подъ Смоленскомъ, Гизель говорилъ: «кіевскій митрополитъ бьетъ съ нами челомъ вашему царскому величеству о всѣхъ вольностяхъ и правахъ, но наиболѣе о первой вольности, которая служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей и правъ, о послушаніи нашему верховнѣйшему пастырю константинопольскому, ко котораго насъ и право Божіе чрезъ св. ап. Андрея и каноны св. отецъ прилучилы и соединили»...

Московскому правительству именно эта «первая» вольность малорусскаго духовенства особенно не нравилась. Вполнѣ забрать въ руки малорусское духовенство, устранить малорусскія особенности религіознаго быта можно было не иначе, какъ перешагнувъ или ниспровергнувъ эту «первую» вольность. Малорусское посольство предстало передъ царемъ въ іюлѣ 1654 г.; но уже въ

мартѣ этого года царемъ было объявлено роковое для малорусскаго духовенства рѣшеніе: «а митрополиту кіевскому, также и иным духовным Малыя Россіи быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго»[1]. Практическое осуществленіе этого рѣшенія было лишь вопросомъ времени; московское правительство могло его отложить до поры до времени, но не могло и не хотѣло отмѣнить: этого требовалъ самый ходъ церковно-историческихъ событій, это истекало изъ всего политическаго строя московскаго государства. Для московскихъ людей XVII ст. просьба малороссіянъ о сохраненіи вольностей должна была звучать очень странно, и самое слово «вольность» должно было представляться чѣмъ то еретическимъ.

Посольство малорусское къ царю не имѣло успѣха. Главныя статьи были отклонены. Царь обѣщалъ Гизелю обсудить ихъ, по возвращеніи въ Москву. Кіевскому воеводѣ была послана царская грамота, чтобы онъ не вступалъ въ духовныя дѣла. Государь пожаловалъ Гизеля и имѣтѣ съ нимъ прибывшаго подъ Смоленскъ Климентія Старушича (игумена выдубицкаго монастыря) соболями и деньгами. Кромѣ того, съ Гизелемъ отправлены были въ Кіевъ митрополиту Сильвестру сорокъ соболей во сто рублей, епископу Іоснифу и печерскому архимандриту Іосифу по сороку соболей, въ семьдесятъ рублей каждый сорокъ, да въ монастыри златоверхомихайловскій и выдубицкій на церковное строеніе по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждый [2].

Въ 1656 году Иннокентій Гизель получилъ высокій санъ архимандрита кіево-печерской лавры,[3]) въ которомъ пробылъ двадцать семь лѣтъ, до самой своей кончины. Печерская лавра, какъ ставропигія константинопольскаго патріарха, не зависѣла отъ кіевскаго митрополита; ея настоятель былъ властнымъ, вліятельнымъ, ни отъ кого въ Малороссіи независимымъ лицомъ; въ его рукахъ находились громадныя монастырскія маетности; печерскій архимандритъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ церковныхъ событіяхъ въ Малороссіи. Московское и польское правительства одинаково соз-

[1]) Макарій. Ист. рус. ц., т. XII, стр. 83.

[2]) Тамъ-же., т. XII, стр. 82.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи. II. 346.

павали его нравственную силу въ краѣ и въ смутныя эпохи склоняли его на свою сторону посылкой тайныхъ агентовъ или подарками, причемъ успѣхъ имѣло лишь правительство московское. На высокій постъ печерскаго архимандрита возводились люди всегда достойные, соединявшіе благочестіе съ образованностью. Необходимость серіознаго научнаго и литературнаго развитія печерскаго архимандрита обусловливалась тѣмъ, что ему часто приходилось вести литературную борьбу съ католиками и уніатами, давать одобреніе и разрѣшеніе на печатаніе въ лаврской типографіи книгъ, послѣ предварительнаго просмотра рукописи, удовлетворять любознательности пріѣзжавшихъ въ Кіевъ ученыхъ иностранцевъ. При избраніи архимандрита печерскаго имѣли также въ виду, чтобы кандидатъ на это высокое званіе былъ человѣкъ дѣятельный, хозяйственный, разсчетливый, съ яснымъ практическимъ умомъ, такъ какъ только такой человѣкъ могъ достаточно хорошо завѣдывать обширнымъ лавреннымъ имуществомъ и отстаивать его неприкосновенность отъ многочисленныхъ сосѣдей. Всѣми этими качествами Гизель обладалъ вполнѣ. Это былъ человѣкъ умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный». Онъ могъ выдержать ученый диспутъ съ католиками, могъ составить богословское полемическое сочиненіе. Кромѣ того, это былъ человѣкъ яснаго практическаго ума. Свободный отъ унизительнаго корыстолюбія, ни разу не обнаруживъ желанія захватить чужую собственность, какъ-бы плохо она ни лежала на лаврскихъ земельныхъ границахъ, Гизель твердо и энергично отстаивалъ неприкосновенность и цѣлость лаврскихъ маетностей и отстаивалъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что сносился непосредственно съ царемъ и съумѣлъ обратить его вниманіе и благотворительность на лавру.

Въ XVII и отчасти въ XVIII ст. печерская архимандрія считалась ближайшей ступенью къ кіевской митрополичьей каѳедрѣ. Многіе печерскіе архимандриты удостоены были званія митрополита кіевскаго; напримѣръ, Петръ Могила, Варлаамъ Ясинскій, Іосифъ Кроковскій, Тимоѳей Щербацкій. Черезъ годъ послѣ избранія Гизеля архимандритомъ печерской лавры, онъ выставленъ былъ кіевскимъ духовенствомъ, какъ самый достойный кандидатъ на мѣсто кіевскаго митрополита, послѣ смерти Сильвестра Косова. Заявляя объ этомъ царскому послу Кикину, кіевское духовенство высказа-

лось въ томъ смыслѣ, чтобы Гизель, по избраніи, былъ рукоположенъ московскимъ патріархомъ и состоялъ подъ властью послѣдняго. Трудно судить, насколько искренно было послѣднее заявленіе. Подъ Смоленскомъ въ 1654 г., въ Кіевѣ въ 1666 г., вообще неоднократно Гизель выражалъ свое и всего духовенства желаніе остаться въ зависимости исключительно отъ константинопольскаго патріарха. Какъ-бы ни было, 18 ноября 1657 г. состоялся предварительный съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для избранія митрополита. На съѣздъ прибылъ только-что избранный въ гетманы Выговскій, затѣмъ черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, виленскій архимандритъ Іосифъ Тукальскій, черниговскій архимандритъ Іосифъ Мецеринскій и намѣстники львовскаго и перемышльскаго епископовъ. На съѣздѣ не было многихъ духовныхъ лицъ, не было епископовъ,—Арсенія Желиборскаго, Діонисія Балабана, ни самаго Гизеля, не было ни одного кіевскаго архимандрита, ни одного кіевскаго игумена. Не явились на съѣздъ и царевіе воеводы. По мнѣнію митрополита Макарія, кіевское духовенство потому уклонилось отъ участія въ съѣздѣ, что не разсчитывало на избраніе въ митрополиты Гизеля [1]. На съѣздѣ выбирали на кіевскую митрополію Діонисія Балабана, Іосифа Тукальскаго и Арсенія Желиборскаго, но ни на комъ окончательно не остановились и отложили выборы до 6 декабря. Весьма возможно, что Гизель самъ не пожелалъ конкуррировать съ малорусскими іерархами въ достиженіе митрополичьяго сана и добровольно уклонился отъ избранія на постъ митрополита, чтобы сохранить расположеніе духовенства и правительства. Ему нельзя было не видѣть, какъ съ одной стороны все южно-русское духовенство усиливалось остаться подъ духовнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха и какъ съ другой правительство московское неуклонно стремилось къ подчиненію малорусскаго духовенства московскому патріарху, и ничего нѣтъ удивительнаго, если Гизель не пожелалъ попасть между наковальней и молотомъ и благоразумно предпочель ограничиться печерской архимандріей, которая въ матеріальномъ отношеніи была лучше обставлена, чѣмъ самая митрополія. На съѣздѣ 6 декабря въ кіевскіе митрополиты избранъ былъ луцкій епископъ Діонисій Балабанъ.

---

[1]) Макарій, Ист. рус. ц., т. XII, стр. 541.

Что Гизель добровольно могъ уклониться отъ кандидатуры въ митрополиты, на это указываетъ еще и то, что онъ остался въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Лазаремъ Барановичемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ созваніи съѣздовъ, а при избраніи митрополитомъ Діонисія не сталъ въ враждебныя или холодныя отношенія и къ этому послѣднему, чего не могло-бы случиться, если-бы Гизель имѣлъ серьезныя домогательства занять митрополичій столъ и былъ кѣмъ либо отстраненъ отъ того, на что онъ имѣлъ весьма солидное право по своему іерархическому положенію и образовательному цензу.

Новоизбранный митрополитъ Діонисій скоро оставилъ Кіевъ, передавшись вмѣстѣ съ гетманомъ Выговскимъ Польшѣ, по гадяцкому договору. Какъ извѣстно, договоръ этотъ сулилъ Малороссіи великія и богатыя милости: свободу вѣроисповѣданія, свободу печати, административную и политическую автономію. Осторожный и благоразумный Гизель не повѣрилъ широкимъ польскимъ обѣщаніямъ. «Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, писалъ кіевскій воевода къ царю, тебѣ, великому государю, служитъ вѣрно, и гетману и полковникамъ говоритъ, не боясь отъ нихъ ничего». Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ въ письмѣ своемъ отъ 25 мая 1659 г. къ боярину князю А. Н. Трубецкому, командовавшему московскими войсками въ Малороссіи, между прочимъ извѣщалъ его: «митрополитъ кіевскій и всѣ владыки и архимандриты, какъ Тукальскій, Василевичъ (игуменъ слуцкій) и протопопы нѣкоторые до Варшавы къ королю на сеймъ поѣхали, на вечестивое сборище. Только отецъ Гизель, игуменъ межигорскій отецъ Варнава и отецъ Клементій Старушичъ, игуменъ выдубицкій, непоколебимо стоятъ; а отецъ Барановичъ тако-жъ въ печерскомъ монастырѣ немощенъ» [1].

Не смотря на очевидную готовность Гизеля служить московскому государству, его обитель и принадлежавшія ей обширныя маетности много страдали отъ великорусскихъ ратныхъ людей. Стоявшее въ г. Кіевѣ и Малороссіи московское войско поступало здѣсь какъ-бы въ непріятельской странѣ: недостатокъ дисциплины и крайняя бѣдность влекли его къ грабежу и кражамъ, а отъ нихъ доставалось нерѣдко и управляемой Гизелемъ обители печерской.

[1]) Макарій. Ист. рус. ц., т. XII. стр. 553.

«Обидъ и насилій нашихъ, писалъ Гизель 16 іюня 1661 г. къ царю, яже ратные люди кіевскіе разными времены обители святой печерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе прежде вотчины и хуторы пресвятой Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, престолы опровержены, тайны святыя съ сосудовъ помстаны, священники обнажены, иноки за выю связаны, біены, порублены, а иные и на смерть побиты, и поддапные наши отъ убожества и пожитковъ своихъ разорены, а иные помучены и попечены, а инымъ руки и ноги отсѣчены, прочіи-же на смерть побиты. Также и въ самой святой обители и въ больницѣ хлѣбные запасы, которыхъ себѣ на 2400 рублевъ рещи смѣемъ, сильно потравлены, кромѣ запасовъ съ нашего мѣстечка поиманы. Отселѣ намъ вѣдомо есть, что по изволенію начальныхъ своихъ ратные люди то чинятъ, и по нашему челобитью ихъ не наказуютъ и управы святой не чинятъ»[1].

И тѣмъ не менѣе Гизель искренно и усердно служилъ интересамъ московскаго государства и былъ вѣренъ царю. Своимъ авторитетнымъ словомъ онъ склонялъ малороссіянъ на сторону Москвы, упрашивалъ и убѣждалъ самаго Дорошенка «не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣняютъ, и угоиарилъ его покориться православному монарху московскому»[2]. Когда московскія войска терпѣли недостатокъ въ провіантѣ или долгое время не получали жалованья, что случалось нерѣдко и доводило ратныхъ людей до нищенскаго состоянія, Гизель оказывалъ имъ пособіе или давалъ взаймы деньги царскимъ воеводамъ, которыя потомъ уплачивались царской казной[3]. При благопріятномъ случаѣ, Гизель оберегалъ честь и доброе имя Москвы. Такъ въ 1669 г. онъ, по просьбѣ царя, выслалъ въ Москву пасквиль, составленный въ Польшѣ на московское государство. Вручая пасквиль подъячему Максиму Алексѣеву для доставки въ Москву, онъ не сказалъ ему, что это за книга, чтобы, какъ онъ писалъ въ Москву, «о той книгѣ не было явно». Когда по этому дѣлу пріѣхалъ въ Кіевъ подъячій Михаилъ Савинъ,

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, № 69.

[2]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 15.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, № 119.

то Гизель сказалъ ему, что онъ давно хотѣлъ отослать пасквиль къ царю, но не посмѣлъ отправить, чтобы въ Москвѣ его, Гизеля, не сочли авторомъ пасквиля [1]. Гизель увѣдомлялъ московское правительство объ интригахъ поляковъ, отсылалъ въ Москву польскіе «прелестные» листы, знакомилъ царя и воеводъ съ внутреннимъ состояніемъ Малороссіи.

Расположеніе къ Москвѣ вліятельнаго и популярнаго Иннокентія Гизеля имѣло большое значеніе, и наиболѣе опытные московскіе политики понимали это значеніе и старались закрѣпить московскія симпатіи печерскаго архимандрита царскимъ жалованьемъ. «Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину въ 1667 г., что печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣютъ. Хорошо было-бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ; также-бы отписать и къ прочимъ игуменамъ и братіи кіевскихъ монастырей, потому что черезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласнее и развратное» [2].

Но услужливость Гизеля Москвѣ имѣла строго опредѣленныя границы. Она кончалась тамъ, гдѣ начинались крупные малорусскіе національные интересы. Въ сохраненіи вольностей малорусскаго духовенства Гизель былъ твердъ. Въ 1666 г. онъ рѣшительно заявилъ московскому послу Іоилѣ Леонтьевичу, что, въ случаѣ назначенія въ Кіевъ митрополитомъ великороссa, о чемъ просилъ въ Москвѣ гетманъ Брюховецкій, онъ, собравъ старцевъ, запрется въ монастырѣ [3]. Въ томъ-же году, 3 мая, въ печерской лаврѣ былъ обѣдъ; обѣдали московскій посолъ Фроловъ, епископъ Меѳодій, Иннокентій Гизель, много другихъ духовныхъ лицъ, кіевскій полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда пошли въ архимандричью келью и здѣсь пили здоровье бояръ и окольничьихъ. На предложеніе Фролова выпить за здоровье гетмана, духовенство крикнуло: «онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ; бывши въ Москвѣ, онъ великому государю былъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобы въ Кіевѣ быть москов-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 39.
[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XII, стр. 17.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, № 147.

скому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ-бы невѣрными» [1]).

Отношеніе московскаго правительства къ Гизелю опредѣлялось степенью услужливости послѣдняго. Въ Москвѣ знали, что Гизель вовсе не расположенъ подчиняться московскому патріарху, знали, что онъ не продастъ малорусскія вольности ни за какія сороки соболей, и потому не совсѣмъ ему довѣряли и не выдвигали его на первое іерархическое мѣсто въ Малороссіи, кіевскую митрополію. Московское правительство не могло однако не цѣнить въ лицѣ Гизеля своего полезнаго и вліятельнаго сторонника. Гизель получалъ большія награды и подарки отъ царя. Такъ въ 1669 г. царь прислалъ печерской лаврѣ черезъ боярина Козловскаго пять сороковъ соболей и пятьсотъ червонныхъ золотыхъ [2]). Московское правительство обѣщало Гизелю безопасное убѣжище, въ случаѣ турецкаго нашествія. Такъ въ августѣ 1674 г. Гизель просилъ царя позволить ему, въ случаѣ турецкаго нападенія на Кіевъ, перевезти лаврскія драгоцѣнности въ Путивль или въ другое безопасное мѣсто, по указанію царя. Въ отвѣтной грамотѣ царь разрѣшилъ перевезти лаврское золото и серебро, въ случаѣ турецкаго нашествія, изъ печерскаго монастыря въ г. Кіевъ. Кіевскому воеводѣ князю Трубецкому былъ посланъ при этомъ приказъ «печерскаго архимандрита принять съ учтивостью» [3]). Повидимому, печерскій архимандритъ разсчитывалъ, что царь дастъ лаврѣ одинъ изъ близкихъ къ малорусской границѣ великорусскихъ монастырей. 8 марта 1680 г. Гизель отправилъ въ Москву посольство изъ старцевъ Паисія, Варлаама Ясинскаго и писаря Ивана Армашенка съ просьбой къ царю пожаловать лаврѣ какой-либо монастырь въ Брянскѣ или въ Трубчевскѣ, гдѣ-бы печерскій архимандритъ могъ-бы поселиться, въ случаѣ непріятельскаго нашествія [4]). Въ 1681 г. царь Осодоръ Алексѣевичъ почтилъ Гизеля тѣмъ, что выслалъ ему въ подарокъ «Обѣдъ душевный», книгу Симеона Полоцкаго, которая одновременно была послана гетману

[1]) Соловьевъ, т. XI, стр. 216; Акты южн. и запад. Россіи, т. VI, № 103.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 71.
[3]) Тамъ-же, т. XI, № 169.
[4]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д., Малор. дѣло, связка 52.

Самойловичу, Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому [1]. Послѣ смерти царя Ѳеодора, молодые цари Іоаннъ и Петръ (вѣрнѣе, правительница царевна Софья) были благосклонны къ Гизелю. Такъ, въ 1683 г. они выслали въ кіево-печерскую лавру священныя одежды, чтобы здѣсь поминали царя Ѳеодора, и Гизель въ письмѣ отъ 20 августа 1683 г. благодарилъ царей за ихъ подарокъ лаврѣ [2].

Былъ открытымъ сторонникомъ Москвы, хотя въ извѣстныхъ границахъ, и пользуясь ея расположеніемъ, Гизель тѣмъ самымъ затруднялъ и усложнялъ свои мѣстныя отношенія къ выдающимся лицамъ малорусской старшины и духовенства, но поддерживалъ оныя, если не всегда съ успѣхомъ, то всегда съ достоинствомъ и искусствомъ.

Къ несчастному митрополиту Іосифу Тукальскому Гизель питалъ дружеское расположеніе и по мѣрѣ своихъ силъ поддерживалъ его. «Изъ давнихъ лѣтъ мнѣ и всѣмъ есть се достовѣрно, писалъ Гизель къ царю 20 марта 1669 г., что преосвященный Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, ихже отъ православныхъ прежде лѣтъ пяти въ архіепископа и митрополита кіевскаго избранъ, а сего году святѣйшимъ Меѳодіемъ, патріархомъ константинопольскимъ присланною сакрою и экзаршествомъ благословенъ, мужъ мудрый, благочестивый, во всемъ искусный, православія преславный ревнитель, вѣры святыя восточныя столбъ непоколебимый, вашему же в.-п. величеству отъ всего сердца временныхъ и вѣчныхъ благъ желатель и работати вѣчно доброхотенъ... А преосвященнаго митрополита Іосифа за его ревность ко православію и весь чинъ здѣшній благоволитъ... Никому онъ ни въ чемъ не виноватъ, развѣ что твердый охраненія православія тщатель; во всемъ-бо своемъ вѣку за сіе до-нынѣ гоненъ бывалъ много отъ иновѣрныхъ и враждою Тетериною страдалъ, отъ престола своего епископія бѣлорусской и отъ прочихъ монастырей православныхъ, аще и привилія на нь отъ королевскаго величества имѣлъ, отторженъ безъ вины, и его монастыри и церкви на унію и римскую вѣру насиліемъ взяты и на самого тяжкія грозы были и для чего здѣ на Украйнѣ, идѣ-же еще православіе не искоренилось, отъѣхати понужденъ, и

[1] Моск. Архивъ Мин. Ин. Д., Малорос. д., связка 56 и 57.

[2] Такъ-же, связка 60.

не согласуя инымъ на унію соизволяющимъ за тѣсноту... Достовѣрно-бо есть намъ его по Бозѣ житіе и надѣемся, что и тѣмъ козаки шатости и съ турки соединятися не похотятъ, егда сей митрополитъ въ Кіевѣ по своему сану сидѣть будетъ, который и вашему царскому величеству не безпотребенъ обрящется: зѣло-бо мужъ сей въ ученіяхъ и подвигахъ изъ древнихъ лѣтъ честенъ и знаемъ, во всякихъ гоненіяхъ и иновѣрныхъ правахъ искусенъ и разсудителенъ»[1]). О любви Гизеля къ Тукальскому писали и воеводы кіевскіе въ Москву. Въ томъ-же 1669 г., въ апрѣлѣ Гизель снова просилъ царя признать Тукальскаго кіевскимъ митрополитомъ[2]). Но ходатайства Гизеля не имѣли успѣха. Въ Москвѣ не знали ни прощенія, ни снисхожденія. Здѣсь признавали только наличную услугу и расплачивались за нее соболями.

При гетманѣ Брюховецкомъ блюстителемъ митрополичьей каѳедры былъ свѣже-посвященный въ Москвѣ изъ протопопа нѣжинскаго въ епископы мстиславскіе Меѳодій Филимоновичъ, человѣкъ умный, но крайне пронырливый, насквозь пропитанный ложью, честолюбецъ и интриганъ первой руки. Между Гизелемъ съ одной стороны и Меѳодіемъ и Брюховецкимъ съ другой существовали враждебныя отношенія. Гизель сильно недолюбливалъ выскочку Меѳодія и старался посадить на его блюстительское мѣсто своего талантливаго друга Лазаря Барановича; но направленныя къ тому попытки кіевскаго духовенства не имѣли успѣха. Епископъ Меѳодій, по своему обыкновенію, постарался повредить Гизелю путемъ доноса и обвиненія его въ сношеніи съ Дорошенкомъ. На допросъ боярина Шереметева, Гизель съ достоинствомъ отвѣтилъ, что дѣйствительно писалъ чигиринскому гетману, но лишь о томъ, чтобы онъ воспретилъ козакамъ грабить имѣнія печерскаго монастыря. Брюховецкій притѣснялъ Гизеля грубымъ образомъ. Съ его вѣдома и соизволенія козаки грабили лаврскія села, били монастырскихъ крестьянъ, уводили коней и воловъ, безчестили монаховъ. Архимандритъ просилъ у него защиты; но просьбы его были пренебрежены, и потому онъ пересталъ молиться за гетмана. Но когда Брюховецкому понадобилось помириться съ епископомъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 30.

[2]) Тамъ-же, т. IX, № 41.

Меѳодіемъ, онъ съ просьбой о посредничествѣ обратился къ Иннокентію Гизелю [1]). Съ паденіемъ Брюховецкаго и Меѳодія, въ характерѣ которыхъ было много сходныхъ чертъ холопства и жестокости, съ устраненіемъ съ историческаго поприща этихъ худородныхъ дѣятелей, Гизель вздохнулъ свободно. Новый мѣстоблюститель кіевской митрополіи Лазарь Барановичъ былъ искренній другъ Гизеля; замѣнившій въ гетманствѣ Брюховецкаго Демьянъ Многогрѣшный нравственно зависѣлъ отъ архіепископа Лазаря и въ значительной степени слѣдовалъ его указаніямъ, а слѣдующій затѣмъ гетманъ Самойловичъ самъ происходилъ изъ духовнаго званія, уважалъ духовенство и покровительствовалъ монастырямъ.

Многолѣтняя дружба Гизеля и Барановича ни разу не была нарушена. Былъ одинъ моментъ, когда Барановичъ, подбиваемый совѣтами новгородъ-сѣверскаго архимандрита Михаила Лежайскаго, хотѣлъ отнять у лавры нѣкоторыя села. Это было въ концѣ 1670 г. Гизель въ письмѣ отъ 10 января 1671 г. жаловался по этому поводу А. С. Матвѣеву на Лежайскаго [2]). Но это недоразумѣніе кончилось благополучно и нисколько не повредило дружбѣ Гизеля и Барановича. Гизель, отстаивая права лавры на разныя маетности, очень осторожно обходилъ тѣ пункты, гдѣ можно было столкнуться съ Барановичемъ. Такъ, въ 1669 г. 15 апрѣля Гизель просилъ царя признать за печерской лаврой ея древнее право владѣнія черниговской успенской церковью и новгородъ-сѣверскимъ спаскимъ монастыремъ съ относящимися къ нимъ угодьями. «Тѣ предѣлы, писалъ Гизель въ своей челобитной, отъ печерскаго монастыря отняли ляхи, а нынѣ владѣетъ имъ отецъ архіепископъ Лазарь Барановичъ и отъ него архимандритъ (т. е. онъ Гизель) не хочетъ тѣхъ предѣловъ отнимать до смерти его, для его любви, а по его смерти, чтобы никому не отдавано, только монастырю печерскому и чтобы ц. в. величество грамотою подтвердилъ» [3]). Между Гизелемъ и Барановичемъ шла частая переписка. Барановичъ сообщалъ ему всѣ свои задушевныя желанія и мысли. Въ печати извѣстно 25 его писемъ къ печерскому архимандриту, и это лишь незначи-

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 22. 41.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 85.

[3]) Тамъ-же, т. VIII, № 48, стр. 148.

тельная часть того, что было написано архіепископомъ Лазаремъ Гизелю. Есть основаніе думать, что Иннокентій Гизель благотворилъ Барановичу еще въ то время, когда завѣдывалъ коллегіей, а Барановичъ былъ здѣсь преподавателемъ. Барановичъ смотрѣлъ на печерскаго архимандрита, какъ на своего благодѣтеля. «Къ вамъ особенно, писалъ онъ Гизелю въ іюлѣ 1669 г., какъ къ давнишнему и единственному моему благодѣтелю, съ покорнѣйшею моею просьбою и со слезами обращаюсь» [1]... «Въ знакъ благодарности моей его милости отцу архимандриту, писалъ Барановичъ Варлааму Ясинскому, а паче во славу св. мученика Иннокентія, я написалъ житіе его, изобразивъ въ общихъ чертахъ обстоятельства его мученичества» [2]... Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ столкновеніи Гизеля съ игуменомъ выдубицкимъ Ѳеодосіемъ Углицкимъ изъ-за маетностей, архіепископъ Лазарь рѣшительно сталъ на сторону печерскаго архимандрита. «Сильно жалуется на васъ и жалобу изливаетъ на бумагу, писалъ Барановичъ Углицкому, преподобный отецъ нашъ архимандритъ печерскій, будто вы на лаврскихъ поляхъ приказываете бить до крови, обирать и истязать поселянъ, не довольствуясь тѣмъ, чѣмъ довольствовались ваши предмѣстники... Не нужно говорить вамъ, вы и сами знаете хорошо, какая особа въ церкви Божіей отецъ архимандритъ и сколько оказалъ онъ ей услугъ. Не прибавляйте къ скорбямъ его новыхъ скорбей, но, имѣя, по Апостолу, *миръ со всѣми*, имѣйте его особенно съ лицемъ, заслуженнымъ въ церкви Божіей. Отецъ архимандритъ пишетъ, что онъ не желаетъ чужаго. Давно сказано: уступи старшему». Въ другомъ письмѣ отъ 2 октября 1674 г. Барановичъ писалъ Углицкому: «Сводилъ я васъ на святой миръ съ отцомъ архимандритомъ печерскимъ, думая, что вы смиритесь предъ нимъ, какъ предъ старшимъ и заслуженнѣйшимъ въ церкви Божіей; и хотя вы отчасти смирились было, но теперь изъ этого вина такой вышелъ крѣпкій уксусъ, что если вы и испіете его вдоволь для отца архимандрита [3], то онъ, не хотя пить его, раз-

[1] Письма Лазаря Барановича, стр. 98.

[2] Тамъ-же, стр. 94.

[3] Намекъ на малорусскій обычай, состоящій въ томъ, что хозяинъ, угощая своего пріятеля или гостя, сперва самъ пилъ за его здоровье.

судилъ писать ко мнѣ, омочивши перо въ слезы, что славу его, достойно имъ снискиваную своею ученостью, благочестіемъ и заслугами въ святой церкви, вы предъ знатными лицами рубите въ клочки. Безъ сожалѣнія я не могъ читать столь жалостнаго письма; да кто-бы изъ насъ православныхъ не почтилъ такую знаменитую и высокую въ церкви Божіей особу?»... Корыстолюбивыя замашки Углицкаго вывели наконецъ изъ терпѣнія архіепископа Лазаря, который въ званіи блюстителя митрополичьей каѳедры былъ духовнымъ начальникомъ выдубицкаго игумена и отъ совѣтовъ и наставленія могъ перейти къ приказанію и даже наказанію. Лазарь послалъ Углицкому рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ: «принадлежащее (по завѣщанію) печерской обители вы забираете себѣ. Не знаю, угоденъ-ли будетъ при этомъ постъ вашъ?... Защищать собственность вашего монастыря вы можете невозбранно, но не обижая никого», и въ добавокъ къ письму наложилъ на Углицкаго запрещеніе. Углицкій смирился [1]).

Барановичъ цѣнилъ въ Гизелѣ главнымъ образомъ его ученость. «Безъ лести скажу, милостивый благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю, что кромѣ пречестности твоей нѣтъ у насъ другаго для этого дѣла (т. е. борьбы съ католиками) Аристотеля»... Архіепископъ Лазарь охотно отдавалъ свои литературныя произведенія Иннокентію Гизелю на разсмотрѣніе и исправленіе. Такъ, посылая «Трубы», а потомъ «Лютню» въ лаврскую типографію, Барановичъ просилъ печерскаго архимандрита на досугѣ пересмотрѣть тетрадки. «Если, по усмотрѣнію вашему, писалъ онъ, угодно будетъ что выбросить, то я охотно готовъ повиноваться и очень благодаренъ буду за ваше предостереженіе». Съ подобнаго рода просьбой Барановичъ обращался и къ другимъ кіевскимъ игуменамъ. Что Иннокентій Гизель, печатая въ лаврской типографіи «Трубы» Барановича, предварительно ихъ просматривалъ и исправлялъ, свидѣтельствуетъ самъ Барановичъ. «За ороніеніе евангельскаго сѣмени, писалъ онъ Гизелю, и истребленіе куколя премного благодаренъ вамъ: покорнѣйше прошу и впредь не оставлять, потому что трудъ мой долженъ подлежать суду церкви, и за то я буду вамъ весьма признателенъ» [2]).

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 178, 193, 194, 197.

[2]) Тамъ-же, стр. 74—75.

Пользуясь благоразумными совѣтами печерскаго архимандрита, архіепископъ Лазарь давалъ въ свою очередь ему весьма полезные совѣты, побуждалъ его къ литературной дѣятельности и отчасти даже дѣйствовалъ на ея направленіе. Барановичъ былъ человѣкъ въ высшей степени дѣятельный и энергическій. Въ его слабомъ тѣлѣ скрывалась большая сила воли. Работая перомъ и живымъ словомъ, онъ призывалъ къ научной и литературной дѣятельности Гизеля, Галятовскаго, Софоновича, Зеринкава. Такъ, Барановичъ убѣдилъ Гизеля составить возраженіе на сочиненіе Боймы «Stara wiara», направленное противъ православія. «Дерзайте, благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю 31 августа 1668 г., совѣтую вамъ выдрюковать [1]) Бойму, хотя-бы изъ Кіева, безъ кія; побьютъ его порядочно и кій порфиріанскаго дерева [2]); вдоволь испортится у него крови; пусть только благополучно дѣло кончится». Гизель составилъ свое возраженіе Боймѣ при неустанномъ побужденіи со стороны архіепископа Лазаря. Тотъ-же Барановичъ побудилъ Гизеля издать въ свѣтъ главное его сочиненіе «Миръ съ Богомъ» и затѣмъ расположилъ въ пользу этого сочиненія московскаго царя и патріарха. Узнавъ о томъ, что Гизель готовитъ къ печати «Миръ», Барановичъ писалъ ему: «Будемъ раскаеваться, если книга о покаяніи не будетъ издана. Теперь во Израилѣ немного учителей... У васъ есть своя типографія и, по настоящему бѣдственному времени, дѣло это полезное... Теперь, когда открывается случай, пречестность ваша по предусмотрительности своей не оставьте воспользоваться имъ, чтобы предупредить народъ отъ ошибокъ. А намъ, прежде нежели ляжемъ въ могилу, дай Богъ радоваться о первенцахъ печерской типографіи. Пусть себѣ завистники терзаются, а я вижу, что Россія подвигается впередъ. Мое мнѣніе о русскихъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею» [3]). Когда «Миръ» былъ напечатанъ и отправленъ въ Мо-

---

[1]) Выдрюковать—побить палками, отъ слова дрюкъ; выдруковать—напечатать, отъ слова друкарня; у Барановича выходитъ каламбуръ, въ смыслѣ побить Бойму сочиненіемъ, какъ палкой.

[2]) Въ діалектикѣ порфиріанскимъ деревомъ назывался рядъ доказательствъ.

[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 30 и 49.

скву черезъ печерскаго старца Кирилла, Барановичъ писалъ къ царю 31 марта 1669 г.: «Ю-же книгу душеполезную отъ писма и святыхъ учителей собранную отъ миротворецъ съ милостію пріяти изволь». 4-го іюня были посланы Барановичу и Гизелю царскія грамоты съ извѣщеніемъ, что «Миръ» государемъ принятъ милостиво. «И мы, великій государь, наше царское величество, писалъ царь къ Барановичу, тому блюстителю (Антоніевыхъ пещеръ) Кириллу велѣли видѣть нашего ц. п. величества пресвѣтлыя очи и книгу у него приняли и, пожаловавъ его нашего царскаго величества жалованьемъ, велѣли отпустить въ кіево-печерскій монастырь къ Иннокентію Гизелю, не задержавъ». Гизелю даны 200 руб., 200 четвертей ржи и утвердительная грамота на нѣсколько вновь пріобрѣтенныхъ монастырскихъ маетностей. Гизель благодарилъ царя за его милостивое принятіе «Мира» и за жалованье. 28 октября 1669 г. послана въ Кіевъ къ Гизелю царская грамота, съ обѣщаніемъ царскаго покровительства относительно лавры, посланы были при этомъ и деньги на сооруженіе монастырской колокольни [1]).

Свѣтлымъ и отраднымъ проявленіемъ общественной жизни въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ, преимущественно во второй его половинѣ, было взаимное ученое и литературное содѣйствіе писателей, напр., Лазаря Барановича, Иннокентія Гизеля и Іоанникія Галятовскаго, Лазаря Барановича и Ѳеодосія Софоновича, Димитрія Туптала и Стефана Яворскаго. Литературная сообщительность отчасти обусловливалась тѣмъ, что всѣ эти писатели, со включеніемъ сюда и бѣлорусса Симеона Полоцкаго, были питомцами одного и того-же высшаго учебнаго заведенія, кіевской коллегіи, учились здѣсь почти въ одно и то-же время и, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, іерархическое ихъ положеніе было довольно сходно. Другая причина ихъ духовнаго единенія и взаимной поддержки кроется въ томъ, что главный врагъ ихъ былъ одинъ и тотъ-же,— воинствующій католицизмъ. Что въ особенности должно было вызывать духовное единеніе между южно-русскими писателями второй половины XVII ст.,—это непогасшая еще искра національнаго малорусскаго самосознанія. Они отдѣлялись довольно рѣзкой

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, №№ 33 и 83; т. IX, № 26.

чертой самобытности отъ великорусскихъ того времени людей. Въ духовномъ отношеніи они ничего не заимствовали отъ нихъ, напротивъ, по причинѣ крайняго культурнаго ихъ убожества, сами удѣляли имъ часть своихъ познаній и служили для нихъ учителями. Естественно, они имѣли поводъ и основаніе гордиться своей украинской наукой и литературой, и каждый изъ нихъ долженъ былъ дорожить представителями этой науки, разъ самъ причислялъ себя къ таковымъ; отсюда главнымъ образомъ проистекала нравственная солидарность южно-русскихъ писателей, обмѣнъ мысли и взаимная поддержка. Какъ ни слабо было національное ихъ самосознаніе, все таки оно въ нихъ теплилось, согрѣвало ихъ, укрѣпляло ихъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, удвояло ихъ силы въ борьбѣ съ врагами православной вѣры, обезпечивало за нимъ значительную степень научнаго и литературнаго вліянія на современниковъ и принесло къ литературному поприщу.

Обращаясь за симъ къ общественной дѣятельности Иннокентія Гизеля въ многоразличныхъ ея проявленіяхъ и опредѣленію ея относительно пріютившаго его народа, мы должны сказать, что можемъ судить объ этомъ лишь приблизительно вѣрно. Ни одинъ соціологъ не открылъ еще точныхъ способовъ измѣрять историческое значеніе общественнаго дѣятеля. Историку приходится старательно собирать разнообразные обрывки и обломки минувшаго, тщательно ихъ сопоставлять, сравнивать, углубляться въ минувшее мысленно, согрѣвать мертвую старину своимъ чувствомъ, искать поддержки въ своемъ собственномъ, дисциплинированномъ въ научномъ смыслѣ воображеніи и отгадывать то, что скрыто документальными памятниками, и такимъ путемъ, на основаніи старинныхъ актовъ, продуманныхъ и прочувствованныхъ, создавать вѣрную дѣйствительности картину прошлой жизни, по крайней мѣрѣ, установить рядъ бытовыхъ фактовъ въ ихъ послѣдовательной органической связи. Такъ и въ данномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя и этимъ труднымъ и не всегда вѣрнымъ путемъ въ уясненіи мало извѣстной доселѣ личности Иннокентія Гизеля, нельзя не видѣть, какія великія и существенныя услуги оказалъ онъ Малороссіи своею дѣятельностью политическою, просвѣтительною, литературною и филантропическою.

Услуги Гизеля, какъ политическаго дѣятеля, весьма разнообразны: въ этомъ отношеніи онъ широко пользовался своимъ высокимъ положеніемъ и близостію къ царю и возвышалъ свой голосъ за страну, которую считалъ родною, каждый разъ, когда къ этому представлялся поводъ или случай. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ Барановичемъ и недругомъ Мееодіемъ Филимоновичемъ, Гизель ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ Польшѣ по андрусовскому договору и чтобы великорусскіе ратные люди не опустошали малорусскихъ селъ и монастырей [1]). Ходатайствовалъ онъ и о томъ, чтобы на «съѣздахъ и договорахъ (москвичей съ поляками) Украйна не была забыта». Такому ходатайству Гизеля въ Москвѣ былъ приданъ частный характеръ, и царь отвѣтилъ ему, что боярину Аѳанасію Нащокину предписано «съ прилежаніемъ о всемъ говорити (съ королевскими послами) и вся требованія св. лавры исполнити» [2]); но Гизелю совсѣмъ не того хотѣлось. Какъ Барановичъ и Многогрѣшный, и онъ, прибѣгая къ такой просьбѣ, имѣлъ въ виду, чтобы на московско-польскіе съѣзды о заключеніи мирнаго договора были допущены малорусскіе послы; но такое допущеніе не нравилось москвичамъ и въ особенности было нежелательно говорливымъ полякамъ; поляки рѣшительно отклоняли вопросъ объ участіи малорусскихъ пословъ. Въ 1669 г. Гизель просилъ царя, чтобы малорусскихъ «духовныхъ людей воеводы не судили, въ чёрь и въ тюрьму не сажали» [3]). 30 ноября 1679 г. онъ обращается къ царю Ѳедору Алексѣевичу по поводу универсала польскаго короля, приглашавшаго православныхъ въ Люблинъ для «нѣкотораго съ уніатами разговора» [4]). Какъ извѣстно, православные очень недовѣрчиво отнеслись къ устроенному уніатами люблинскому собору и уклонились отъ участія въ немъ.

Не менѣе почтенна просвѣтительная дѣятельность Гизеля, хотя объ ней мы имѣемъ болѣе общія, нежели фактическія свѣдѣнія.

Димитрій Туптало въ рѣчи своей, сказанной въ память и похвалу Иннокентія Гизеля, годъ спустя послѣ его смерти, замѣ-

[1]) Соловьевъ, т. XII, 141.; моск. Арх. Мин. Ин. Д. Малорос. д., св. 50.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 26.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 43, стр. 148.

[4]) Моск. Архивъ М. Ин. Дѣлъ. Малорос. дѣла, связка 53.

тилъ, что «его учительныхъ словесъ послушающи немощные, яко лекарствомъ подкрѣплялись». Гизель, какъ всѣ современные ему выдающіяся духовныя лица, говорилъ проповѣди. Проповѣдываніе слова Божія одно время даже было для него служебной обязанностью, какъ профессора, потомъ ректора коллегіи. По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, Гизель «съ каѳедры простиралъ цѣлый неводъ проповѣди слова Божія о царствіи Божіи и тѣмъ ловилъ людей въ смиреніе и набожность» [1]). Кажется впрочемъ, что Гизель не чувствовалъ въ себѣ расположенія къ дѣятельности проповѣдника и, съ переходомъ на высокую степень печерскаго архимандрита, совсѣмъ бросилъ проповѣдь. «Пусть кто речетъ, говоритъ Димитрій Туптало, что въ Богѣ усопшій пастырь, взойдя на властительствы, а особливо въ сей святой высокой обители (т. е. лаврѣ), честь, не восходилъ уже на каѳедру, не сказывалъ проповѣдей; таковому отвѣтствую: больше тотъ ловецъ премудрый Христовъ уловилъ самымъ своимъ добрымъ дѣломъ, нежели кто словомъ; больше тотъ научилъ набожнымъ своимъ житіемъ, нежели кто мудрою проповѣдью» [2])... Что Гизель не дорожилъ своими проповѣдями, видно изъ того, что онъ не напечаталъ ни одной проповѣди. Такъ какъ и въ рукописи не сохранилось ни одной его проповѣди, то нѣтъ возможности опредѣлить характера его проповѣдей, ихъ составъ, къ кому онѣ были обращены, сколько ихъ было, по какимъ образцамъ были составлены и насколько были понятны народу,—были-ли это схоластическія казанья, сухія и безцвѣтныя, какъ казанья Лазаря Барановича, или въ нихъ пробивалась живая струя современности, и онѣ по содержанію и изложенію подходили къ тѣмъ сильнымъ проповѣдямъ, драгоцѣннымъ остаткомъ которыхъ представляется превосходное «Слово во время бездождія и глада» [3]). Если принять во вниманіе, что Гизель получилъ образованіе въ схоластическихъ академіяхъ, то вѣроятнѣе будетъ предположить, что его проповѣди болѣе походили на проповѣди Барановича, чѣмъ на единственное въ своемъ родѣ «Слово о бездождіи».

---

[1]) Св. Димитрій, м. ростовскій, сочиненія. Изд. 5, т. III, стр. 627.

[2]) Тамъ же, стр. 628.

[3]) Бѣлозерскій, южно-русскія лѣтописи, стр. 141.

Завѣдывая лучшей въ Малороссіи типографіей и лаврской библіотекой, архимандритъ Иннокентій содѣйствовалъ современнымъ ему малорусскимъ писателямъ, Радивиловскому, Барановичу, Зерникаву въ ихъ литературныхъ и научныхъ работахъ; онъ снабжалъ ихъ нужными книгами и облегчалъ наборъ и печатаніе ихъ сочиненій. Нужно сказать, что типографія лаврская работала весьма медленно, и безъ содѣйствія Гизеля печатаніе сочиненія, особенно объемистаго, въ родѣ «Огородка» Радивиловскаго, «Меча» и «Трубы» Барановича, могло затянуться на многіе годы. Медленность въ наборѣ и печатаніи происходила отъ малаго числа типографскихъ станковъ и отъ того, что въ смутное время казацкихъ войнъ наборщики часто разбѣгались [1]. Что Гизель снабжалъ людей науки книгами, видно изъ автобіографіи Адама Зерникава.

Адамъ Зерникавъ, родомъ вѣроятно, по вѣроисповѣданію лютеранинъ, въ молодыхъ лѣтахъ объѣхалъ Германію, Англію, Голландію, Францію, Италію, Австрію, повсемѣстно занимался въ библіотекахъ и слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ. Онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія по богословію, исторіи и философіи. Натура крайне подвижная, благородный идеалистъ съ теплымъ религіознымъ чувствомъ, съ стремленіемъ принести пользу своими познаніями, въ добавокъ человѣкъ довольно честолюбивый, Зерникавъ пробрался въ Польшу, потомъ въ Литву, наконецъ въ Малороссію. Здѣсь онъ былъ обласканъ черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, принялъ, по его совѣту, православіе и поступилъ на службу къ гетману. Принявъ православіе въ Черниговѣ въ 1680 г., Зерникавъ отправился въ Кіевъ съ цѣлью познакомиться съ Иннокентіемъ Гизелемъ, «объ учености и добротѣ котораго онъ много слышалъ», какъ отмѣчено въ его автобіографіи. Что по ознакомленіи съ Гизелемъ Зерникавъ убѣдился въ его учености и добротѣ, видно изъ того, что, по возвращеніи въ Черниговъ, онъ началъ писать для Гизеля сочиненіе объ исхожденіи св. Духа, «De processione Spiritus S.» [2]. Когда Зерникавъ чувствовалъ недостатокъ въ книжныхъ пособіяхъ, не могъ отыскать необходимыхъ книгъ въ Батуринѣ или Черниговѣ, онъ находилъ

[1] Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 38.

[2] Труды кіев. дух. акад. 1860 г., т. III, стр. 187.

ихъ въ Кіевъ, куда ѣздилъ за книгами, прочитывалъ здѣсь то, что ему было нужно, и даже забиралъ съ собою книги въ Батуринъ [1], гдѣ постоянно жилъ при гетманскомъ дворѣ. Можно думать, что Зерницава снабжалъ книгами не кто другой, какъ просвѣщенный архимандритъ печерскій.

Въ исторіи южно-русской литературы Гизелю нельзя отвести много мѣста. Онъ немного писалъ, и его литературное вліяніе на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія незначительно. Вскорѣ по вступленіи его на печерскую архимандрію, въ 1661 году, съ его благословенія и подъ его наблюденіемъ изданъ былъ Печерскій Патерикъ. По замѣчанію архіепископа Филарета, въ этомъ изданіи патерика сильно испорченъ текстъ древнихъ повѣствователей [2]. Вторично Патерикъ Печерскій изданъ былъ при Гизелѣ въ 1678 г. [3]. Главнымъ произведеніемъ Гизеля, по объему книги и степени самостоятельности въ ея обработкѣ, представляется «Міръ съ Богомъ человѣку», изданный въ Кіевѣ въ 1669 г., вторично тамъ-же въ 1671 г. «Сочиненіе не сильное», говоритъ о «Мірѣ архіепископъ Филаретъ [4], вѣроятно, съ догматической точки зрѣнія. Нельзя однако не признать за нимъ значительнаго интереса въ историко-литературномъ и историко-бытовомъ отношеніяхъ.

«Міръ съ Богомъ человѣку» (въ л., 666 стран.) [5] посвященъ царю Алексѣю Михайловичу. Въ началѣ книги находится вирша въ честь царя, царскій гербъ и прозаическое посвященіе книги царю. Любопытная особенность въ изображеніи царскаго герба состоитъ въ томъ, что подъ двуглавымъ орломъ изображенъ царь въ рыцарскомъ костюмѣ, за царемъ войско; передъ царемъ бѣгущіе поляки и татары въ ихъ національномъ вооруженіи. Замѣтивъ въ посвященіи о томъ, что царь защищаетъ печерскую лавру, Гизель въ особенности хвалитъ его за благотворительность. «Твоего царскаго

[1] Труды кіев. дух. акад. 1860. III. 195.

[2] Филаретъ. Обзоръ р. дух. литер. I. 285.

[3] Wiszniewski. Hist. liter. polski., т. VIII, стр. 273.

[4] Филаретъ, Обзоръ рус. дух. литер. I, стр. 285.

[5] Мы пользовались экземпляромъ «Міра», находящимся въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи. Экземпляръ этотъ принадлежалъ нѣкогда Стефану Яворскому и заключаетъ въ себѣ нѣсколько отмѣтокъ, сдѣланныхъ рукой митрополита.

пресвѣтлаго величества всещедрыхъ даяній безчисленные суть свидѣтели, всякаго чина утѣшенные люди, иже изобильную милостыню отъ твоея десницы пріемше, веселымъ лицемъ возвращаются».

Въ предисловіи къ читателю Иннокентій Гизель говоритъ: «Извѣстно есть то всѣмъ, яко сія лютая многолѣтняя въ Малой Россіи брань праведнымъ судомъ Божіимъ за наши грѣхи на насъ наведена есть... Егда Господу Богу примиримся, абіе и брани сице отъ иноплеменныхъ на насъ напесенныя, яко-же и междособныя престанутъ, и вся тварь, яже за обиду Божію мстящися на насъ воевала, ко примиренію съ нами преклонится. Во вся мимошедшая лютая времена воевало на насъ небо, еже вредящими своими планетами многія болѣзни и пагубы на насъ наспущало; воевала и земля обычныхъ намъ плодовъ возбраненіемъ и сѣмени умаленіемъ; воевала и вода преизлишнимъ своимъ изліяніемъ и всякихъ плодовъ рыбныхъ недаяніемъ; воевалъ и воздухъ овогда сушами, овогда градами, бурями и безмѣрными мокротами; воевалъ и огнь частымъ градовъ и странъ пожженіемъ. Нынѣ-же егда къ Господу Богу обратимся, вся стихія въ пользу намъ и въ успѣхъ пособствовати будутъ, и будетъ во всей твари тишина велія и миръ многъ любящимъ законъ Божій возсіяетъ... Сихъ блаженствъ дабы удобнѣе всякъ человѣкъ достигнути могъ, се мы... предлагаемъ сію книгу, яже поучаетъ всякого чину человѣка къ искорененію грѣховъ и очищенію совѣсти»... Иннокентій Гизель, составлявшій свой трудъ, между прочимъ, и по латинскимъ источникамъ, предусмотрѣлъ то обстоятельство, что его произведеніе можетъ быть принято православными не совсѣмъ благосклонно. Чтобы не смущать читателя, авторъ не дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи указаній и ссылокъ на латинскихъ авторовъ и въ предисловіи къ читателю прибѣгаетъ къ слѣдующей оговоркѣ: «А зде остаетъ намъ съ таковымъ читателемъ слово имѣти, иже-бы восхотѣлъ, отъ коего либо подвиженія, въ чесомъ-ли буди, сему ученію прекословити. Сицеваго читателя молимъ, дабы аще что ново и странно въ сей книзѣ мнѣтися ему будетъ, не абіе ся того ради отвращалъ и противленіемъ церкви святой то напрасно именовалъ...; ибо аще что и новое здѣ обрѣталося, съ вѣрою православною соглашается... Ащеже что и отъ внѣшнихъ учителей взято быти обрящется, молимъ, да того ради никто-же сего ученія возгнушается; ибо не токмо въ

иновѣрныхъ, но и въ еллинскихъ ученіяхъ иногда истинныя и здравому разуму служащія повѣсти, яко злато посредѣ блата, обрѣтаются». Оговорка эта, можно думать, сдѣлана не столько относительно малороссіянъ, которые давно уже привыкли пользоваться «внѣшними учителями» для своихъ ученыхъ и литературныхъ цѣлей, а главнымъ образомъ, если не исключительно, сдѣлана авторомъ изъ вниманія къ великорусскимъ читателямъ, для которыхъ все «внѣшнее», все католическое и протестанское, тѣмъ болѣе языческое греко-римское, было полно ереси и потому считалось ни къ чему не пригоднымъ. Оговорку эту въ Москвѣ не долго признавали правильной, и въ 1690 г. патріархъ Іоакимъ отнесъ «Миръ съ Богомъ человѣку» въ число зловредныхъ кіевскихъ «новотворныхъ» книгъ.

Нельзя сказать, чтобы московская точка зрѣнія на «Миръ» Гизеля была ошибочной. Нужно было имѣть свѣтлый философскій умъ и глубокія богословскія свѣдѣнія, нужно было имѣть опору, такъ сказать, въ мѣстной строго-ортодоксальной богословской литературѣ, каковой, какъ извѣстно, не было ни въ сѣверной, ни въ южной Россіи, чтобы не подчиниться «внѣшнимъ учителямъ» въ толкованіи религіозныхъ предметовъ и въ рѣшеніи спорныхъ церковныхъ вопросовъ, и Гизель значительно имъ подчинился, въ ущербъ даже чистотѣ православнаго греко-восточнаго вѣроученія. Подчиненіе Гизеля латинскимъ писателямъ обнаруживается уже на первыхъ страницахъ его объемистаго труда, въ разсужденіи о покаяніи.

Восточная церковь всегда учила, что благодать Божія дѣйствуетъ въ таинствахъ непостижимо для ума человѣческаго и независимо отъ воли священнослужителя, отъ какого-либо обряда или изреченія. Она не замыкала благодатную силу таинства въ томъ или другомъ обрядовомъ явленіи, давая остальнымъ, съ нимъ соприкасающимся явленіямъ значеніе только украшеній и распространеній его. Далѣе, по ученію восточной церкви, священнослужитель не отдѣляется отъ тѣхъ, надъ которыми таинство совершается; онъ не «распорядитель и не хозяинъ въ домѣ благодати, но слуга ея» [1]). Римская церковь и въ ученіе о совершеніи та-

[1]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., стр. 245.

инствъ внесла начало единой абсолютной силы и власти. По мудрованіямъ латинскихъ схоластиковъ, каждый обрядъ, какъ опредѣленное дѣло, долженъ возникать и логически развиваться изъ одной мысли, изъ одного положенія. Въ каждой строгой системѣ существенное—это положеніе, опредѣленіе; все остальное только поясненіе, доводы, доказательства или украшеніе главнаго положенія; то же самое и въ обрядѣ; вся сущность его и вся сила благодати должна заключаться въ одномъ главномъ дѣйствіи его. Такимъ образомъ свобода и непостижимость благодати уничтожены схоластикой; божественная сила прикована, по произволу ея, къ одному только дѣйствію въ обрядѣ; цѣлый обрядъ пересталъ быть таинственнымъ божественнымъ учрежденіемъ и сталъ въ подчиненіе разуму. Что-же именно служитъ сущностью въ обрядахъ таинствъ? Въ каждый обрядъ, говорили схоластики, входитъ непремѣнно опредѣленное, ему только принадлежащее вещество, *матерія*, и слова, равно и дѣйствія, которыя даютъ матеріи опредѣленное употребленіе, *форму*. Напр., въ таинствѣ крещенія матерія—вода, а форма—обливаніе съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; въ таинствѣ евхаристіи матерія—хлѣбъ и вино, а форма—произносимыя священникомъ слова Спасителя: *«пріймите, ядите..., пійте отъ нея»*... Въ стремленіи найти въ каждомъ таинствѣ матерію и форму схоластики доходили до смѣшнаго; такъ въ таинствѣ брака одни схоластики матеріей считали взаимное расположеніе жениха и невѣсты, другіе—тѣла ихъ.

Южно-русская церковь приняла схоластическое толкованіе религіозныхъ обрядовъ и таинствъ, преимущественно въ то время, когда исполненіе православныхъ церковныхъ обрядовъ поступило въ руки питомцевъ западной схоластики, Петра Могилы и его помощниковъ и сотрудниковъ. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ впервые въ южно-русской церковной литературѣ появляются въ сочиненіи С. Коссова «О мистеріяхъ албо тайнахъ» 1635 года; но вполнѣ они развиты въ приложеніи къ чинамъ южно-русской церкви Петромъ Могилою въ «Лиѳосѣ» 1644 г. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ вошли въ «Требникъ» Петра Могилы и получили общее признаніе. Положенія эти принималъ Барановичъ и Галятовскій. Галятовскій изложилъ ихъ въ «Ключѣ Разумѣнія», въ казаньѣ на Богоявленіе Господне.

Иннокентій Гизель начинаетъ свое сочиненіе тѣмъ, что различаетъ въ таинствѣ покаянія матерію и форму. На страницѣ 104 читаемъ: «вѣдати подобаетъ, яко до коейждо тайны святой церковной потребны суть сія четыри: *матерія*, или вещь, предложенная къ святынѣ, *форма*, или образъ совершенія тоя святыни, *служитель*, или дѣйствующій св. тайну и *пріемлющій*». Вообще Гизель крайне дробитъ церковныя установленія на части, напримѣръ, усматриваетъ въ исповѣданіи грѣховъ 12 свойствъ: таинственность, смиреніе, простоту, вѣрность, послушаніе и проч.

«Миръ» раздѣляется на три большія части: 1) о покаяніи вообще, 2) о кающемся и 3) о духовникѣ.

Въ первой части Гизель говоритъ о грѣхѣ вообще, о раздѣленіи грѣха на смертный и простительный, о согрѣшеніи вслѣдствіе ненадлежащаго соизволенія, похваленія, незаявленія о грѣхѣ другаго лица и т. п., о такъ называемыхъ «окрестностяхъ» грѣха: кто? что? гдѣ? когда? какимъ образомъ? Въ этомъ отдѣлѣ есть небольшая глава: «како грѣхъ иногда можетъ и грѣхомъ не быти». «Шесть винъ есть, ихъ-же ради грѣхъ не почитается за грѣхъ: неможеніе, невѣдѣніе, скудость разсужденія, вина благословная, разрѣшеніе и нужда. Неможеніе освобождаетъ отъ грѣха: не возвращающихъ вещи чуждая, егда нѣтъ доволства; не чтущихъ обычнаго правила во время веліяго недуга; не постящихъ во время слабости; не слушающихъ въ праздникъ божественной литургіи, егда нѣтъ священника, и проч. Невѣдѣніе разумѣется здѣсь неодолѣмое,... яко аще-бы кто у варваръ сый дѣлати хотѣлъ въ праздникъ, не могій вѣдати о празницѣ. Скудость разсужденія освобождаетъ отъ грѣха дѣло злое отрочатъ, изумленныхъ, спящихъ, иногда же и зѣло пьяныхъ малое нѣкое нестроеніе. Вина благословная освобождаетъ отъ грѣха тогда, егда кто въ коемъ случаѣ творитъ противу заповѣди или уставленія человѣческаго, толкуючи той уставъ по разуму, яко въ такомъ случаѣ не обовязуетъ; яко-же егда бы кто противу уставу церковнаго ялъ рыбу въ постъ великій, ради недуга къ тому принуждающаго. Разрѣшеніе-же знаменуетъ здѣ благословеніе архіерейское, данное въ коемъ случаѣ на твореніе безъ грѣха, противу уставу человѣческаго церковнаго, таковаго, яковый уставъ толкованіе-бы имѣлъ по недоумѣнію, аще обовязуетъ или не обовязуетъ въ таковомъ случаи. Послѣди нужда

свобождаетъ отъ грѣха въ дѣлехъ смертныхъ сихъ: въ неправедномъ взятіи и удержаніи вещей чуждыхъ, еже бываетъ въ послѣдней нищетѣ, ея-же ради не могль-бы кто отнюдь живота соблюсти, аще-бы чуждаго у себѣ не имѣлъ и тѣмъ себя не живилъ. Понеже въ послѣдней нуждѣ вся суть обща, по разумѣнію учителей. И въ убійствѣ, еже бываетъ въ праведномъ защищеніи живота или своего ближняго; но и въ защищеніи имѣній; любо сихъ самихъ лучше есть отщетитися, неже убити». Иннокентій Гизель смотрѣлъ на человѣка глазами истиннаго христіанина, проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. При всей строгости требованій относительно исполненія нравственныхъ правилъ, обнаруживаемой въ «Мирѣ», живой человѣкъ не принесенъ въ жертву отвлеченной идеѣ религіозно-нравственнаго долга и приняты во вниманіе экономическія и въ тѣсномъ смыслѣ слова физическія условія его существованія, которыя, разумѣется, могутъ быть подчасъ такъ тяжки, что человѣкъ невольно впадаетъ въ проступокъ или въ прегрѣшеніе. Весьма характерны слова Гизеля, что «въ послѣдней нуждѣ вся суть обща». Изъ какихъ-бы «учителей» онъ не почерпнулъ свой христіанско-юридическій взглядъ на значеніе и происхожденіе преступленія, взглядъ этотъ дѣлаетъ честь южно-русскому ученому. Нужно замѣтить, что мягкое, гуманное отношеніе къ человѣку вообще, къ бѣдняку въ частности проявляется во многихъ мѣстахъ «Мира»,—доказательство, что человѣколюбіе Иннокентія Гизеля не было явленіемъ случайнымъ, напускнымъ, вызваннымъ только-что прочитанной хорошей книгой.

При перечисленіи грѣховъ противъ богословскихъ добродѣтелей (вѣры, надежды и любви), противъ десяти заповѣдей Божіихъ и противъ церковныхъ заповѣдей, Гизель преимущественно говоритъ о послѣдней категоріи грѣховъ. Противъ церковныхъ правилъ погрѣшаютъ тѣ, которые не слушаютъ литургіи въ дни святыхъ, не соблюдаютъ постовъ, не почитаютъ духовныхъ, не даютъ священникамъ «парохіальныхъ рочныхъ доходовъ», уклоняются отъ исповѣди и причастія, не молятся за властей, бракосочетаются въ запрещенные дни, отнимаютъ у церквей и монастырей ихъ имущество. Не всегда, однако, нарушеніе церковныхъ правилъ является грѣхомъ. Такъ по словамъ Гизеля, «вѣдати подобаетъ, яко отъ обовязку сея первыя заповѣди церковныя (посѣщеніе цер-

ковной службы) свободны суть... слуги, стрегущіе общія цѣлости (т. е. казенное и общественное имущество), служащіи больнымъ и питающіи отрочатъ, ихъ-же безбѣдне въ дому оставити не могутъ; такожде, иже сами слабости ради здравія своего къ церкви пріити не могутъ, или не идутъ ради убѣжанія отъ смертоноснаго воздуха; любъ ради далекаго разстоянія мѣста, вкупѣ-же и ради великаго и долгаго неугодія воздушнаго, яко-же ради дождя долгаго и зѣлнаго, снѣга, вихра и проч.; не повинны-же суть и тыи рабы, иже повелѣніемъ господій своихъ принуждени бываютъ во время божественной литургіи работати что веліе, или аще и малое, но въ чесомъ повинуются, да избудутъ сваровъ и наказаній жестокихъ; тогда-же согрѣшаютъ господіе, яко о спасеніи рабъ своихъ не брегутъ: свободни суть послѣдня и таковыи убогіи, иже не имутъ одѣянія, въ немъ-же бы изъ дому возмогли ити къ церкви»... Въ особенности характеризуютъ гуманную и просвѣщенную личность Гизеля слѣдующія его слова: «Вѣдати подобаетъ, яко изрядиѣйшія вины, яже непостящихъ освобождаютъ отъ грѣха, суть сіи: лѣта, немощь, должность или трудъ, скудость, любовь и благословеніе. Лѣта освобождаютъ отъ поста дѣтей, ибо дѣтямъ, по отлученіи отъ сосецъ, предъ седмымъ лѣтомъ (т. е. до семи лѣтъ) ослаба въ постѣ бываетъ; по седьмомъ-же лѣтѣ не тако; обаче къ яденію единою на день не зѣло обовязуются даже до коликонадесять лѣтъ, занеже требуютъ часто, а немного ясти, ради стяжанія подобающаго возраста... Лѣта такожде свобождаютъ отъ поста и старыхъ, занеже старыи прислужающаго ко посту брашна не возмогаютъ единою пріятаго, слабости ради стомаха своего, во утробѣ истити и претерпѣти, но требуютъ часто и мало ясти (старость начинается съ 70 лѣтняго возраста). Немощь, сіе есть недугъ, и слабое здравіе свобождаютъ отъ поста: и того ради, иже болѣзнь главы или стомаха терпятъ, свободными суть... Здѣ-же ослаба въ постѣ бываетъ женамъ непраздным и доящимъ сосцы своими отрочатъ, яже требуютъ пищи не токмо ради себе, но и ради отрочатъ. Должность належащая свобождаетъ такожде отъ поста; яковыя должности суть учителей труждающихся въ словѣ и ученіи, крилошанъ усердствующихъ и проч.; о нихъ-же, егда-бы извѣстно было, яко не возмогли-бы своея должности по достоянію исполнити, храняще постъ, тогда дѣла ради настоящаго могутъ мало пости-

тися и дважды на день». Изряднѣ-же трудъ явѣ тяжекъ отъ поста свобождаетъ, а таковый есть художниковъ, сице въ дѣлѣ древа, якоже желѣза и камене, труждающихся; такожде земледѣльцевъ, скудельниковъ, златарей, ткателей, сапожниковъ, усмарей и тѣмъ подобныхъ; но убо не кроителей, ни иконописцевъ, ни книжныхъ писателей и иншихъ таковыхъ, легкій трудъ имущихъ... Скудость свобождаетъ отъ поста тогда, егда во время постное инаго брашна, кромѣ непостнаго, не мощно-бы обрѣсти; безъ брашна-же стерпѣти того часа отнюдь не удобно-бы было, развѣ съ нечаяніемъ живота или здравія; такожде аще-бы кто у еретиковъ или невѣрныхъ нужду имѣлъ черезъ храненіе поста изъявитися, яко есть православный или христіанинъ, и было-бы то съ бѣдою узъ, мученій, смерти или пагубы имѣній; тогда яко-же церковь не обовязуетъ до таковая бѣды, сице не обовязуетъ и до поста... Здѣ-же разумѣется и скудость убогихъ таковыхъ, иже, по дворахъ брашна просяще, единымъ малымъ пріятіемъ насытитися не могутъ; сицевымъ не возбраняется удвояти свое укрѣпленіе, дондеже насытятся... Любовь... аще-бы пришлецъ былъ издалече, утружденный и укрѣпленія тѣлеснаго зѣло требующъ, но не смѣлъ-бы подкрѣпитися въ постъ, да же бы самъ дому господинъ съ нимъ ялъ, тогда-бо господинъ и дважды на день моглъ-бы пищу пріяти; до любвѣ-же прислушаетъ поста иногда не хранити и ради убѣжанія домашнія крамолы и распри, якова бываетъ между мужемъ и женой, аще-бы единъ отъ нихъ постилъ, другому не соизволяющу. Наконецъ благословеніе, испрошенное у старѣйшины духовнаго (архіерея или священника) можетъ коея ради вины свободити отъ поста совершеннаго... аще вина есть сомнительная и неизвѣстная»... Въ разсужденіи о постѣ Гизель требуетъ, чтобы лица, имѣющія слугъ и рабовъ, давали имъ во время поста «брашно угодное и прислушащее, дабы ся укрѣпили и постъ понести могли» и чтобы насильно не принуждали ихъ поститься, но склоняли ихъ къ тому добрымъ и ласковымъ словомъ. Въ объясненіи священникамъ, чего должны они требовать отъ кающагося грѣшника, также проводится, такъ сказать, практически гуманный взглядъ на человѣка. Такъ въ случаѣ членовредительства виновный долженъ лѣчить на свой счетъ пострадавшаго и затѣмъ вознаградить его деньгами или землями или обезпечить его на всю жизнь, если нанесенный ему

средь лишилъ его возможности трудомъ добывать средства къ жизни; въ случаѣ насилія дѣвушки виновный или долженъ взять ее себѣ въ жены или дать ей приданое, съ которымъ она могла-бы выйти за другаго мужчину.

Въ разнообразныхъ религіозно-нравственныхъ наставленіяхъ, наполняющихъ «Миръ», открываются нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ южно-русскаго народа въ XVII ст. Въ историко-бытовомъ отношеніи интересъ представляютъ заключающіяся во второй части «Мира» перечисленія грѣховъ духовныхъ лицъ, пановъ, крестьянъ, судей, купцовъ, ремесленниковъ, врачей, учителей и проч. т. н. Архіереи согрѣшаютъ, когда смотрятъ на епископское званіе, какъ на средство для достиженія корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ цѣлей, когда «не суть учительны ни сами черезъ себе, ниже черезъ инихъ умныхъ и богобоязливыхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія», если не созываютъ мѣстныхъ епархіальныхъ соборовъ для обсужденія церковныхъ дѣлъ, «чесого ради потреба ижъ-бы на всяко лѣто соборъ помѣстный имѣти», если не объѣзжаютъ епархіи, рукополагаютъ недостойныхъ лицъ въ священники, ищутъ «безмолвнаго себе гдѣ на единѣ жилія,... еже есть противу естественаго закона, ихже обовязуетъ предпочитати добро общее надъ уединенное». Главными грѣхами священниковъ поставлены рѣдкое и небрежное исполненіе церковныхъ службъ и церковныхъ требъ. Проповѣдники согрѣшаютъ, когда не обличаютъ въ грѣхахъ (безъ именованія лицъ! тѣхъ, преступки которыхъ ясно обнаружились, когда въ угоду мірскимъ людямъ сурово обличаютъ духовенство, когда говорятъ о ложныхъ чудесахъ. Вообще, духовныя лица согрѣшаютъ, когда церковное имущество расточаютъ, употребляя его «на сласти или презбытокъ въ пищѣ и одеждѣ», когда вмѣшиваются въ мірскія дѣла, предаются нѣгѣ и лѣни. Родители согрѣшаютъ, когда для лѣченія большихъ дѣтей приглашаютъ бабъ чарующихъ или шепчущихъ, не обуздываютъ въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, не обучаютъ дѣтей грамотѣ или ремеслу, насильно заставляютъ вступить въ бракъ, принуждаютъ къ послушанію въ ненавистье, отказываются содержать и воспитывать дѣтей, прижитыхъ внѣ законнаго брака («отъ любодѣянія рожденныхъ»). Грѣхи государственныхъ правителей: обложеніе народа большими налогами и податями съ

своекорыстной цѣлью, отягощеніе народа подводной и постойными повинностями, стѣсненіе свободы въ куплѣ и продажѣ, присвоеніе имущества церковнаго, вдовъ, сиротъ, больницъ, небрежность относительно безопасности путешественниковъ отъ разбойниковъ и исправности мостовъ, насиліе въ заключеніи браковъ, присужденіе смертной казни безъ суда и проч. т. п. Грѣхи царскихъ совѣтниковъ: небрежность въ защитѣ отечества отъ враговъ, растрата общественныхъ денегъ, нарушеніе народныхъ вольностей и старинныхъ крѣпостныхъ актовъ безъ изволенія высшей власти, неправильное установленіе цѣнъ на съѣстные продукты, постановленіе въ чиновники людей льстивыхъ и корыстолюбивыхъ и проч. т. п. Въ пространномъ перечисленіи грѣховъ судей, писарей, воиновъ, купцовъ, ремесленниковъ, учителей и проч. можно остановиться на слѣдующемъ: плѣнникамъ запрещается проклинать день своего рожденія и своихъ родителей; запрещается, въ случаѣ женитьбы на чужбинѣ, бросать жену и дѣтей въ невѣрной странѣ; воины согрѣшаютъ, причиняя народу насиліе, когда «бьютъ, мучатъ, изнимаютъ нуждою повозниковъ и труждаютъ ихъ долго; когда военачальники изъ корыстныхъ цѣлей удерживаютъ солдатское жалованье, уменьшаютъ продовольствіе». Купцы согрѣшаютъ, между прочимъ, въ томъ случаѣ, когда продаютъ еретическія книги, иконы «блудническія, натиранія къ украшенію лицъ женамъ» и проч. т. п. и когда снабжаютъ чужеземцевъ оружіемъ. Плотники и каменьщики согрѣшаютъ, когда берутся строить еврейскій или языческій храмъ. Врачи согрѣшаютъ, когда прибѣгаютъ къ волхованіямъ или заговорамъ во время болѣзни зубовъ и кровотеченія, когда вытравляютъ плодъ или даютъ средства къ возбужденію половой дѣятельности; аптекаря согрѣшаютъ, когда ошибаются въ приготовленіи лѣкарства, держатъ испорченный товаръ, продаютъ его выше надлежащей стоимости, по предварительному соглашенію съ врачами. На 426 страницѣ Гизель говоритъ, что «простые», т. е. неграмотные должны знать символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей. «Мнози-же обрѣтаются, замѣчаетъ онъ, иже и состарѣвшася уже, а не умѣютъ положити на себѣ креста святаго». Это—слишкомъ рѣзкое и не основательное замѣчаніе. По свидѣтельству Павла алепскаго, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVII ст., въ Малороссіи большинство народа, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, знало на

память не только молитвы, но даже церковный порядокъ службы и пѣнія, и не только мужчины, но даже женщины и дѣвочки. Священники брали на себя обученіе сиротъ и не позволяли имъ оставаться въ невѣжествѣ [1]).

Изъ отдѣльныхъ церковно-бытовыхъ мелочей, отмѣченныхъ въ «Мирѣ», не лишено интереса высказанное на 154 страницѣ требованіе, чтобы женихъ при бракосочетаніи имѣлъ не менѣе 14 лѣтъ, а невѣста 12 лѣтъ. Этотъ возрастъ признанъ достаточнымъ и по половой зрѣлости.

Направленное противъ іезуита Боймы сочиненіе Гизеля «О истинной вѣрѣ» написано по настоянію Лазаря Барановича. Въ ряду сочиненій противъ католиковъ трудъ Гизеля принадлежитъ къ позднимъ по времени и повидимому къ слабымъ по внутреннему достоинству. Древнѣйшимъ юго и западно-русскимъ сочиненіемъ противъ католиковъ считается «На обличеніе и на посрамленіе ляхамъ и латынамъ» XV вѣка [2]), если не считать противо-латинскихъ сочиненій русскихъ митрополитовъ до-монгольскаго періода. Къ 1578—1580 годамъ относится сборникъ полемическихъ сочиненій противъ жидовъ, протестантовъ и магометанъ, составленный въ супрасльскомъ монастырѣ, а нынѣ хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, въ древлехранилищѣ Погодина [3]). Съ возникновеніемъ въ южной Россіи уніи, т. е. съ конца шестнадцатаго столѣтія, южно-русская противо-латинская литература сильно разростается. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія противъ католичества писали священникъ острожскій Василій, наставникъ львовской братской школы, потомъ энергическій виленскій проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, затѣмъ Христофоръ Бронскій,—человѣкъ глубокаго ума, типичный малороссіянинъ по языку Іоаннъ Вышенскій, талантливый Мелетій Смотрицкій, труженикъ науки Захарія Копыстенскій. Въ половинѣ XVII в. главнымъ литературнымъ противникомъ латино-уніатовъ выступилъ Петръ Могила. Для позднѣйшихъ писателей, Барановича, Галятов-

---

[1]) Рущинскій, Религіозный бытъ русскихъ, стр. 177.

[2]) А. Поповъ, «Обзоръ древне-русскаго полемическаго сочиненія противъ латинянъ XI—XV в.», 1875 г., стр. 155—175.

[3]) А. Поповъ, въ «Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древ. рос.» 1879, I, стр. 41.

скаго и Гизеля поле обличительнаго богословія было достаточно расчищено, и они съ успѣхомъ трудились на немъ. Главнымъ дѣятелемъ въ области религіозной полемики во второй половинѣ XVII ст. былъ Барановичъ, который и самъ работалъ въ этой области, и привлекъ къ полемикѣ Галятовскаго и Гизеля. Сочиненіе «О истинной вѣрѣ» было готово въ 1671 г. Барановичъ ознакомился съ нимъ въ рукописи, и оно ему не совсѣмъ понравилось. Не нравилась ему именно рѣзкость полемическаго тона. «Сочиненіе предостойное! писалъ Барановичъ Гизелю 13 мая 1671 г. Не стыдно пречестности твоей и подписаться своимъ именемъ подъ произведеніемъ своимъ. Надобно только слогъ смягчить, тѣмъ болѣе, что самый предметъ настоятельно этого требуетъ: пусть себѣ они сердятся на авторовъ, откуда это заимствовано, а колкостей не примѣчаютъ; самый предметъ доведетъ до безсилія противника; нѣсколько рѣзкій слогъ можетъ повредить нашимъ православнымъ въ тамошнихъ краяхъ». Въ письмѣ отъ 13 августа 1671 г. Барановичъ замѣтилъ Гизелю: «хорошо заключеніе (т. е. сочиненіе), но оскорбительно; лучше подражать Христу: научитесь отъ Меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ (Матѳ. II, 29)». Гизель хотѣлъ присоединить свое сочиненіе къ «Новой Мѣрѣ» Барановича и издать ихъ вмѣстѣ; но Барановичъ этому воспротивился. «Мнѣ никакъ невозможно трудъ пречестности твоей соединить съ моимъ трудомъ, писалъ онъ Гизелю. Если-бы это была часть, то можно-бы было и присоединить: но такое превосходное полное сочиненіе, по всей справедливости, достойно и праведно, прилично и для церкви полезно издать въ свѣтъ во всемъ его составѣ». [1] Изъ того обстоятельства, что Гизель свое сочиненіе желалъ присоединить къ «Новой Мѣрѣ» Барановича, видно, что оно также было написано на польскомъ языкѣ. О сочиненіи Гизеля упоминаетъ архіепископъ Филаретъ и Винницкій, причемъ первый называетъ его сочиненіемъ слабымъ [2]. Не видно однако, чтобы кто либо въ дѣйствительности прочиталъ это сочиненіе. Такъ Филаретъ не приводитъ ни полнаго заглавія, ни года изданія, не указываетъ на величину книги, не касается ея

[1] Исторія Іазаря Барановича, стр. 144, 153.

[2] Филаретъ, Обзоръ р. дух. лит. т. I, стр. 285.

содержанія. Сколько намъ извѣстно по каталогамъ и по личнымъ и письменнымъ справкамъ, сочиненіе Гизеля «Объ истинной вѣрѣ» не оказывается ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ. То обстоятельство, что изъ современниковъ Гизеля никто не упоминаетъ «Объ истинной вѣрѣ», какъ о сочиненіи вышедшемъ уже въ свѣтъ, что неизвѣстно ни одного латинскаго возраженія на это сочиненіе, ни одной ссылки на него православнаго автора, въ связи съ тѣмъ, что новѣйшіе изслѣдователи польской и малорусской литературъ упоминаютъ лишь названіе этой книги, и самой книги не находится въ такихъ богатыхъ южно-русскими старопечатными книгами библіотекахъ, какъ библіотеки Румянцевскаго музея, кіевской духовной академіи и харьковской духовной семинаріи, все это въ совокупности можетъ привести къ той мысли, что Гизель призналъ слабость своего сочиненія или излишнюю рѣзкость полемическаго тона и не далъ ему хода. Разумѣется, предположеніе это остается только предположеніемъ, вѣроятнымъ до нѣкоторой степени, по изложеннымъ выше соображеніямъ. Нельзя, напримѣръ, отрицать возможности того, что сочиненіе Гизеля благополучно появилось на свѣтъ, быть можетъ, въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, и, какъ сочиненіе ничѣмъ особеннымъ не выдающееся въ ряду религіозно-полемическихъ сочиненій, не было читаемо, было забыто, и потому могло сохраниться въ одномъ, двухъ, трехъ экземплярахъ, покоящихся въ какихъ нибудь старинныхъ польскихъ библіотекахъ. Разнообразный и обширный составъ южно-русской библіографіи прежнихъ временъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, не опредѣленъ даже простымъ перечнемъ названій.

Въ исторіи русской исторической литературы имя Иннокентія Гизеля не можетъ быть пройдено молчаніемъ. Трудъ его «Синопсисъ» былъ въ старинное время единственнымъ учебникомъ исторіи. Въ основаніе «Синопсиса» легла хроника Ѳеодосія Софоновича о событіяхъ въ Россіи до 1290 г., составленная по кіевской и волынской лѣтописямъ; къ хроникѣ этой прибавлены краткія извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ Россіи и потомъ краткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго [1]. Послѣднее

[1]) Филаретъ. Обзоръ р. д. литер., т. I. стр. 284.

добавленіе сохранилось въ рукописи въ библіотекѣ московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Въ рукописи этой находятся 1) «кроника о земли польской» (отъ Леха до 1673 г.), составленная большею частью по Бѣльскому и 2) «кроника о початку и назвиску Литвы», составленная главнымъ образомъ по Стрыйковскому; событія здѣсь доведены до 1529 г. «Синопсисъ» Гизеля есть передѣлка хроники Софоновича, съ дополненіями. До исторіи Ломоносова «Синопсисъ» Гизеля, за неимѣніемъ другихъ, былъ классическимъ сочиненіемъ. Было много изданій «Синопсиса», въ 1674, 1676, 1680, 1718, 1810 годахъ. Послѣднее изданіе (1810) сдѣлано академіей наукъ [1]. Св. Димитрій ростовскій приложилъ «Синопсисъ» Гизеля къ своей лѣтописи, въ концѣ ея, безъ измѣненій [2].

Въ началѣ «Синопсиса» говорится о Ноѣ и трехъ его сыновьяхъ, Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, о происхожденіи славянъ отъ Іафета, а самаго названія ихъ отъ славы, потому что съ древнихъ временъ прославились своими военными подвигами; затѣмъ слѣдуетъ глава о вольности славянской, гдѣ говорится, что славяне помогали Филиппу Македонскому и сыну его Александру Великому и отъ послѣдняго получили «привилегіи или грамату, на пергаминѣ златомъ написанную, въ Александріи, вольности и земли имъ утверждающу, въ 310 г. до Рождества Христова». Затѣмъ говорится, что Октавіанъ Августъ уважалъ славянъ за ихъ храбрость и впослѣдствіи «князь пѣкій славенороссійскій Одоацеръ войною доставъ Рима, держаше его подъ властью своею 30 лѣтъ»... Въ слѣдъ затѣмъ идетъ краткое сообщеніе объ Азіи, Африкѣ и Европѣ. «Еще есть, говорятся здѣсь, и четвертая часть вселенныя Америка, яже нарицается новый свѣтъ; но яко сія послѣдя прочихъ новоизобрѣтена, сего ради безъ описанія оставляется». Послѣ этой небольшой вставки слѣдуетъ краткая глава о происхожденіи названія Россія: русскіе, по мнѣнію однихъ, отъ г. Русы, что близъ Новгорода, по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Роси, отъ русыхъ волосъ, по мнѣнію Стрыйковскаго, принятому авторомъ Синопсиса, отъ слова «разсѣяніе», потому что они поселились на обширномъ пространствѣ, далѣе глава о народѣ сарматскомъ (поляки, русскіе, литовцы), глава

[1] Wisznewski, Hist. liter. polsk., т. VIII, стр. 401.

[2] Св. Димитрій Ростовскій, Сочиненія, т. III, въ концѣ, стр. 1—143.

о народѣ роксоланскомъ (то же русскіе), съ производствомъ козаковъ отъ полководца Козака, побѣдившаго татаръ, татаръ отъ Тартара, Литвы отъ царскаго сына Литвоса, Москвы отъ сына Іафетова Мосоха, глава о мѣстоположеніи и величіи Москвы, краткія главы о Хазарахъ и кимврахъ. Замѣтивъ далѣе о преславномъ, верховномъ и всего народа россійскаго главномъ градѣ Кіевѣ, Гизель говоритъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, призваніи варяжскихъ князей въ Новгородъ, покореніи ими южной Россіи, о княженіи Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Ярополка, Владиміра, о крещеніи послѣдняго. Въ исторію княженія Владиміра вставлены двѣ любопытныя главы, составленныя по Кромеру и Стрыйковскому, глава объ идолахъ (Перунъ, Волосъ, Похвистъ, Ладо, Лель, Полель, Купало, Коляда, Слядь или Ослядь, Корша или Хорсъ, Дашубъ или Дажбъ, Стрибогъ, Семаргль, Макошь), и глава объ обливаніи водою въ Великъ-день. Главы эти интересны для миѳолога. Основываясь на Кромерѣ, Гизель прибавляетъ кое-что и отъ себя. Любопытно, наприм., подробное описаніе купальскихъ огней и обливанія водой въ Свѣтлое Воскресеніе. Любопытно указаніе, что колядки начинали пѣть наканунѣ праздника Рождества Христова, 24 декабря, и при этомъ переряживались. Отдѣлъ Синопсиса о Владимірѣ одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, насчитывается пять крещеній русскихъ; пятое совершено Владиміромъ. Здѣсь-же говорится о Десятинной церкви въ Кіевѣ. Затѣмъ слѣдуютъ главы о княженіи Святополка, Ярослава, Изяслава, Всеволода, Святополка II, Владиміра Мономаха, Мстислава и др., до нашествія Батыя. Замѣтивъ о нашествіи татаръ и разореніи печерской лавры, Гизель вскорѣ переходитъ къ Димитрію Донскому и подробно говоритъ о Куликовской битвѣ. Повѣствованіе о княженіи Димитрія составляетъ почти треть книги. Сказавъ о гибели Мамая, Гизель переходитъ къ исторіи кіевскаго княжества, сначала подъ турецкимъ игомъ, потомъ подъ властью Литвы. Гизель говоритъ, что «грѣхъ ради человѣческихъ», по попущенію Божію, кіевское княженіе было обращено въ воеводства, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ воеводъ кіевскихъ, поставленныхъ польскими королями, витіевато и мимоходомъ замѣчаетъ о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ въ 1654 г., о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича и затѣмъ сразу переходитъ къ турецкимъ походамъ подъ Чи-

гиринъ, которые излагаетъ самостоятельно, какъ современникъ. «Синопсисъ» заканчивается подробнымъ сообщеніемъ о силѣ московскихъ и козацкихъ войскъ, прибывшихъ въ Кіеву въ 1679 г., на оборону святыхъ мѣстъ кіевскихъ отъ грозившаго турецкаго нашествія.

Разсмотрѣніе «Синопсиса» приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Малороссіи отведено въ немъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ Великороссіи, причемъ въ исторіи московскаго государства пройдены молчаніемъ цѣлыя великія княженія и царствованія, напр., правленіе Ивана III, правленіе Ивана IV, умолчано о такихъ событіяхъ, какъ покореніе Новгорода, исправленіе богослужебныхъ книгъ при Никонѣ. 2) Историческія событія въ московскомъ государствѣ поставлены въ «Синопсисѣ» такъ, что должны дополнять собой или разъяснять событія малорусской исторіи. 3) Авторъ «Синопсиса» любитъ малороссіянъ и уважаетъ великороссіянъ; онъ гордится силой Москвы и съ большимъ почтеніемъ отзывается о московскихъ царяхъ; въ то же время онъ питаетъ вражду къ бусурманамъ татарамъ. 4) Авторъ «Синопсиса» очень рѣдко говоритъ о Польшѣ и полякахъ, не обнаруживая враждебнаго къ нимъ отношенія. 5) Съ внѣшней стороны «Синопсисъ», за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Гизель говоритъ о царѣ, отличается обиліемъ фактовъ и изложеніемъ спокойнымъ, простымъ и яснымъ.

Общій выводъ о «Синопсисѣ» тотъ, что въ Малороссіи въ XVII и XVIII ст. это была полезная книга. Относительно развитія и укрѣпленія національнаго чувства, «Синопсисъ», разумѣется, не могъ спорить съ козацкой кроничкой, въ родѣ «Черниговской лѣтописи»: но такія кроники были рѣдкостью, составляли фамильное достояніе и очень немногіе могли читать ихъ. Синопсисъ-же былъ общедоступной книгой. Его можно было найти въ монастырской библіотекѣ, можно было купить у странствующаго книжнаго торговца. Въ Великороссіи «Синопсисъ» долженъ былъ представляться книгой менѣе интересной и менѣе полезной, чѣмъ въ Малороссіи, и нужно только удивляться его продолжительной популярности въ Москвѣ. Въ немъ было мало московскаго содержанія. «Синопсисъ», какъ учебникъ, въ Великороссіи представляется явленіемъ настолько-же неудовлетворительнымъ, какъ, напримѣръ, учебникъ Иловайскаго по русской исторіи нынѣ въ Малороссіи. Въ этомъ учебникѣ, какъ

извѣстно, о Болотниковѣ говорится болѣе, чѣмъ о Конашевичѣ Сагайдачномъ, о великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ рѣчь идетъ на нѣсколькихъ страницахъ крупнымъ шрифтомъ, а о Петрѣ Могилѣ въ нѣсколькихъ строкахъ скромнымъ петитомъ. Какъ великороссіяне въ началѣ XVIII ст. не усматривали въ «Синопсисѣ» ни единаго слова о патріархѣ Никонѣ, такъ современное южно-русское учащееся юношество, одолѣвъ объемистую русскую исторію Иловайскаго, остается въ полномъ невѣдѣніи того, что въ южной Россіи въ XVII ст. былъ, напр., такой энергическій и честный защитникъ православія, какъ Іоаннъ Вишенскій, такой филологъ, какъ Памво Берында, такіе крупные политическіе и литературные дѣятели, какъ Барановичъ, Галятовскій. Гизель, была такая героическая личность, какъ запорожскій кошевой Иванъ Сѣрко, остается въ невѣдѣніи того, что такое историческая дума народная. Не будемъ-же строго осуждать «Синопсисъ» за односторонность, тѣмъ болѣе, что не знаемъ, для кого собственно предназначалась эта книга, какъ великъ долженъ былъ быть районъ ея распространенія, въ первоначальной мысли автора. Можетъ быть, Синопсисъ предназначался авторомъ только для Малороссіи: въ такомъ случаѣ вопросъ о неполнотѣ и односторонности устраняется самъ собой.

О добротѣ сердца и благотворительности Гизеля сохранились весьма похвальные отзывы его современниковъ, Зерникава, Радивиловскаго и Тупгала. Зерникавъ свидѣтельствуетъ, что о добротѣ Гизеля много говорили въ обществѣ [1]. Антоній Радивиловскій сборникъ своихъ проповѣдей «Огородокъ Маріи Богородицы» (1676 г.) посвятилъ Гизелю. Въ предисловіи къ Гизелю онъ говоритъ: «Мнѣлячому мнѣ, кому бы-мъ сей начатокъ працы моей по преблатословенной Маріи Богородици, патронци нашей, мѣлъ приписати и офѣровати, высоце въ Богу превелебный отче архимандрита печерскій, отче, пастыру, патроне и добродѣю мой великій, вприпла на память одна сентенція римского красомовцы, который такъ мовитъ: невдячный есть, который, взявши добродѣйство, не признавается до опаго, же взялъ... А такъ во первыхъ, абымъ ся не показалъ незвячнымъ въ непризнавания взятыхъ добродѣйствъ, признаваю, жемъ досыть великихъ въ сей святой печерской обители дозналь отъ пре-

[1] Труды кіевской духовной академіи 1860, т. III, стр. 187.

велебности твоей благодѣяній. Если уважаю мешканя моего въ обители сей святой печерской початокъ, той ни на чомъ иншомъ не былъ заложенъ, тылко на щегульной по преблагословенной Дѣвѣ Маріи Богородици ласцѣ и добродѣйствѣ превелебности твоей, который мене непотребного раба въ злыи военныи небезпечныи часы, якъ ласкавый отецъ сына своего, до себе пригорнувши, завшесь мнѣ гойные при любвѣ своей отеческой высвѣдчати рачилъ доброчинности... Если припомню себѣ, презъ лѣтъ уже то подъ двадцать, въ обители св. печерской мешкане мое, признаваю, же не было того дня, которого бымъ твоей отеческой не дознаъ ку себѣ любови и ласки. Что справовало, жесь мене недостойнаго раба своего межи честную св. великой обители печерской поличивши братію, напередъ учинилъ проповѣдникомъ слова Божого и братомъ соборнымъ, а потомъ намѣстникомъ?—Особливая любовь и ласка превелебности твоей. Что справовало притомъ, жесь не хотѣлъ, абы и сія моя подлая праца была въ пѣску невѣдомости людской загребена, але которые-мъ словеса, якъ тутъ при бытности твоей въ святой великой чудотворной обители печерской, такъ и въ иншихъ кіевскихъ обителехъ святыхъ съ катедры до людей проповѣдалъ, абы тое типомъ изображенное свѣту оказало было? Справовала то особливая ку мнѣ любовь и ласка превелебности твоей; бо гдѣ-бы въ томъ любви и ласки отеческои твоей ко мнѣ не было, я бымъ ся самъ, будучи подлои науки, нѣколи того не важилъ, чого и высокои науки люде заледво ея важатъ... Правдать хотячому мнѣ сей Огородокъ маріанскій превелебности твоей, добродѣеви моему, приписати, стануло въ очи великое превелебности твоей смиреніе, которое съ великими твоими добродѣйствы ку мнѣ оказанными валчачи, чинило мнѣ встрентъ, приводячи на память тое, же отъ людей на семъ свѣтѣ жадной не потребуешь славы, памятуючи на слова Господни: «славы отъ человѣкъ не пріемлю»; але по долгой спорцѣ смиренія твоего съ добродѣйствами, тріумфуютъ великія твои ку мнѣ освѣдченыи добродѣйства... Пишетъ Аристотелесъ, же есть въ Сициліи жродло *накистаитъ виру*, въ которомъ гды будетъ погружено птаство умерлое оживетъ, и кто-жъ не признаетъ, же естесь такимъ жродломъ превелебность твоя? бо якъ въ ономъ жродлѣ вода птаство умерлое оживляетъ, такъ милосердіе твое нендзныхъ и утрапленыхъ людей, яко то вдовъ, сиротъ, пришельцовъ, неволь-

никовъ, недостаткомъ и гладомъ змореныхъ власне оживляетъ... Не единъ бо зъ людей утрапленныхъ, отъ непріятеля зъ добръ власныхъ вигнаный и зъ всего обнаженный, не маючи гдѣ приклонити главы, въ кіевской области отъ зимна, наготы и гладу умерты мусѣлъ, гды бы его превелебность твоя добродѣйствомъ своимъ не притулилъ, не препиталъ, не пріодѣлъ и не надарилъ» [1]). По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, Иннокентій Гизель «крины имѣнія насаждалъ обильно въ полѣ, въ рукахъ убогихъ, плодовитый былъ милостыни раздаватель...: такъ былъ милостивъ къ убогимъ, что его другимъ Іоанномъ Милостивымъ называли. То его было украшеніе—нищаго ущедрити; то его была утѣха—алчущаго напоити; то его крины—нагаго одѣти... Сей то былъ отецъ сиротамъ, что и найменьшаго не презрѣлъ, но ласковымъ своимъ нань окомъ призрѣлъ; сей то былъ пастырь овцамъ, что и найподлѣйшей овечкѣ промышлялъ довольное прокормленіе; сей то былъ благодѣтель, отъ котораго никто тщима не отошелъ рукама» [2]).

18 ноября 1683 года скончался Гизель [3]). Самуилъ Величко въ своей Лѣтописи замѣтилъ: «нарочитый и знаменитый Иннокентій Гизель, архимандритъ кіево-печерскій, мужъ премудрый, столпъ благочестія святаго непоколебимъ, свѣтило церковное, чрезъ наитіе смертное стаснуло» [4]). 28 ноября 1683 г. гетманъ Самойловичъ увѣдомилъ московское правительство о кончинѣ Иннокентія Гизеля и просилъ разрѣшить избрать для лавры новаго архимандрита [5]). Въ концѣ того-же 1683 г. патріархъ Іоакимъ писалъ

---

[1]) Антоній Радивиловскій, «Огородокъ Маріи Богородицы». Второе посвященіе (первое обращено къ Богородицѣ). Одинъ экземпляръ «Огородка» находится въ фундаментальной библіотекѣ харьковскаго университета; одинъ экземпляръ въ харьковской духовной семинаріи.

[2]) Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, Сочиненія. изд. 5, т. III. стр. 651.

[3]) Похвальное слово Димитрія Туптала Гизелю, произнесенное годъ спустя послѣ его кончины, помѣчено 24 февраля 1685 г. Вѣроятно по этой причинѣ въ нѣкоторыхъ исторіяхъ литературы, напр. въ «Обзорѣ» Филарета, годомъ смерти Гизеля поставленъ 1684. Но цифра эта невѣрна. По многочисленнымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, Гизель скончался въ ноябрѣ 1683 г.; свидѣтельства эти: «Лѣтопись» С. Величка, «Черниговская лѣтопись» Бѣлозерскаго, грамоты гетмана и патріарха.

[4]) С. Величко, Лѣтопись, т. II, стр. 530.

[5]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д. Малорос. дѣла, связки 60—61.

гетману: «Егда наша мѣрность писаніе любве твоея пріятъ, кое намъ извѣстное вѣдѣніе сотворило о отшествіи ко Богу жизни сея Иннокентія Гизеля, кіево-печерскаго архимандрита, иже добродѣтельный мужъ и нашей мѣрности любезенъ бѣ, абіе жалѣніемъ по немъ содержахомся»[1]). Патріархъ послалъ свое благословеніе на избраніе новаго архимандрита. Избранія удостоился игуменъ кіево-никольскаго монастыря, Варлаамъ Ясинскій.

Годъ спустя послѣ кончины Иннокентія Гизеля, Димитрій Тупталo въ кіево-печерской лаврѣ сказалъ въ память его похвальное слово, или «Пирамиду», весьма пространное, обильное текстами изъ св. писанія и разными схоластическими сравненіями и уподобленіями. «Такому человѣку, говорилъ проповѣдникъ, въ Бозѣ усопшему господину отцу Иннокентію Гизелю..., отцу и пастырю нашему годопую нынѣ отправляемъ память, котораго память не отъидетъ, а имя его и въ послѣдующіе вѣки жити будетъ, котораго мудрость и посторонними извѣстна, а за добрыя свои дѣла въ устахъ всѣхъ имѣетъ хвалу. Тутъ и ты, смерть, не берешь, ибо «упованіе его безсмертія исполнено». И ты, время, своими забвенія зубами такого человѣка не изгрызешь памяти, ибо «въ память вѣчную будетъ праведникъ»...

Н. Ѳ. Сумцовъ.

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи. Ч. I, т. V. стр. 211.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ.

1. О началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской духовной академіи.

Исторіографъ Миллеръ и В. Рубанъ въ «Старинѣ и Новизнѣ» 1773 года заявили, что константинопольскій патріархъ Іеремія II во время путешествія своего изъ Москвы чрезъ Кіевъ благословилъ кіевскую школу, существовавшую при кіево-подольской богоявленской церкви и возвысилъ ее, что школа эта въ 1614 году сгорѣла, а въ 1615 году перешла во дворъ, подаренный ей Анной Лозкиной-Гулевичной, женой маршала мозырскаго. Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, митрополитъ Евгеній начало кіевской духовной академіи положилъ въ 1589 году. Ему послѣдовали іеромонахъ (впослѣдствіи московскій митрополитъ) Макарій и В. Аскоченскій, каждый въ своей исторіи кіевской академіи. Но Михаилъ А. Максимовичъ въ «Запискахъ о первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства», изданныхъ въ 1865 году, не призналъ достовѣрнымъ существованіе ни кіевскаго братства съ его церковью, ни кіевской школы до 1615 г., т. е. до записи Лозкиной-Гулевичевой, которою она свой собственный дворъ и землю въ Кіевѣ записала и на вѣкъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской*, подъ школу дѣтей какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ и сверхъ того подъ гостиницу. Свое заключеніе М. А. Максимовичъ основывалъ на томъ, что въ того-времешной письменности не видно богоявленской въ Кіевѣ церкви, при которой находилась-бы братская школа, и что купчая крѣпость 1594 г. на проданный братскому монастырю кіевскимъ земяниномъ Андреемъ Обуховымъ Свирщовскій дворъ на

Подолѣ и сѣножать на Оболони не сохранились въ подлинникѣ, а только упоминаются въ царской грамотѣ 1694 года. Въ слѣдъ за тѣмъ преосвященный м. Макарій въ X томѣ «Исторіи Русской Церкви» отказался отъ прежняго мнѣнія о началѣ кіевской академіи, высказаннаго имъ въ юношескомъ его трудѣ—исторіи этой академіи, согласившись съ мнѣніемъ Максимовича. Мнѣніе Максимовича принялъ и С. Т. Голубевъ въ своемъ изслѣдованіи о Петрѣ Могилѣ. Пріурочивая основаніе кіевской школы къ 1615 году, Максимовичъ и м. Макарій относятъ къ тому-же году и заложеніе первой богоявленской церкви братскаго монастыря, а строителемъ ея признаютъ гетмана Петра Сагайдачнаго, основываясь на Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1799 г., заимствовавшемъ это свѣдѣніе изъ не сохранившагося стараго братскаго синодика. Но при всемъ уваженіи къ памяти такого точнаго изслѣдователя старины, какимъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, мы позволяемъ себѣ усомниться въ вѣрности его выводовъ по сему предмету, въ особенности въ виду нѣкоторыхъ указаній, бывшихъ неизвѣстными ему.

Начнемъ съ вопроса о началѣ богоявленской церкви. Съ мнѣніемъ Максимовича о построеніи первой богоявленской церкви Сагайдачнымъ надлежало бы согласиться тѣмъ болѣе, что создателемъ не только этой церкви, но и обители кіево-братской богоявленской, признанъ того-же Сагайдачнаго и антіохійскій патріархъ Паисій въ своей грамотѣ, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 году [1]). Но «письмо духовныхъ и мірскихъ братій» къ царю Михаилу Федоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г., сохраняющееся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, приводитъ къ нѣсколько иному рѣшенію. Въ этомъ письмѣ кіевскіе братчики просятъ царя «о милостыни на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, Благовѣщенія и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, возведенной уже до верха съ *помощію его царскихъ дворъ*», но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія». Изъ этого документа прежде всего слѣдуетъ, что сооруженная при Сагайдачномъ богоявленская церковь окончена не задолго до его кончины, послѣдовавшей въ 1632 году, и что Сагайдачный былъ не единственнымъ, а только однимъ изъ главныхъ жертвователей на со-

[1]) Памят. кіевской комиссіи. Т. II, стр. 189.

оруженіе этой церкви. Если-же кіево-братская богоявленская церковь въ 1625 году была еще безъ покрова и верха, то во вторыхъ слѣдуетъ, что ее нужно отличать отъ той богоявленской церкви, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Наконецъ естественно возникаетъ вопросъ, когда же построена первая богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ? Безъ сомнѣнія не въ 1615 году, ибо не могла же она обветшать такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковью. По всей вѣроятности это была та богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году. При сей же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іеремія. А что патріархъ Іеремія II дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, какъ свидѣтельствуетъ исторіографъ Миллеръ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія, составленнаго спутникомъ его діаконохъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 году, бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха *Іереміи* во весь ростъ, съ краснымъ лицемъ и бородою, между портретами александрійскаго патріарха Мелетія и іерусалимскаго Ѳеофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена. Да и трудно представить, чтобы патріархъ Іеремія II, путешествовавшій въ Россію преимущественно для сбора милостыни въ пользу своей патріархіи, не посѣтилъ Кіева, главнаго города богатой козацкой страны, между тѣмъ какъ останавливался въ Вильнѣ и Брестѣ и 4 мѣсяца прожилъ въ Замостьѣ. Нельзя также отвергать и свидѣтельства выписи изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ о существованіи кіево-братскаго монастыря въ 1594 году, приведенной на справку въ царской грамотѣ 1694 года, потому только, что выпись эта не дошла до насъ въ подлинникѣ. Досто-

точно и того, что до насъ дошла въ подлинникѣ царская грамота, въ которой приведена эта выпись, такъ какъ безъ подлежащей провѣрки выпись не могла быть помѣщена въ царской грамотѣ. Во всякомъ случаѣ грамота эта болѣе заслуживаетъ вѣроятія, чѣмъ свидѣтельство утраченнаго братскаго синодика о создателѣ богоявленской церкви, переданное въ Кіевскомъ Мѣсяцословѣ 1799 года, которому всѣ вѣрили, не исключая и М. А. Максимовича. Наконецъ въ самой записи Гальшки Лозкиной-Гулевичевой 1615 года находятся довольно ясные намеки на существованіе и братской школы и патріаршеской при ней ставропигіи раньше этого времени. Въ записи этой сама жертвовательница пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской* и что она *тотчасъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Купинскаго и другихъ монашествующихъ, взела и школу. Спрашивается, о какой патріаршеской ставропигіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпораціей Исаія Купинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ дѣтей желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи записи, *ввела* въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихъ и учащихся, которые только переводятся изъ одного помѣщенія въ другое. Итакъ хотя въ записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школой, существовала раньше 1615 года, что зданіе этой школы дѣйствительно сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-

Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія уничтоженныя пожаромъ. Самое умолчаніе о церкви въ этой записи уже предполагаетъ ея существованіе; иначе надлежало-бы сказать, что церковь строится или будетъ построена вслѣдъ за открытіемъ школы и переселеніемъ монашествующихъ, которые не могли существовать безъ церкви. Относя затѣмъ первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, слѣдуетъ въ этомъ-же 1589 году положить и начало кіевской академіи, возникшей изъ этой школы. Слѣдовательно въ 1889 г., въ сентябрѣ или въ октябрѣ, кіевская духовная академія можетъ праздновать 300-лѣтіе своего существованія.

Не совсѣмъ ясна исторія и нынѣ существующей каменной богоявленской церкви кіево-братскаго монастыря. По общепринятому мнѣнію она сооружена въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка бывшимъ малороссійскимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою; но это мнѣніе основывается болѣе на преданіи. Единственное письменное свидѣтельство, на которое ссылались описатели Кіева, заключается въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1799 года, гдѣ сказано, что огромная, каменная, богоявленская церковь братскаго монастыря построена въ 1693 году. Имя создателя этого храма не упомянуто ни здѣсь, ни въ другихъ сочиненіяхъ, касавшихся Кіева. Похилѣвичъ первый назвалъ Мазепу строителемъ братской богоявленской церкви въ «Описаніи церквей и монастырей г. Кіева», означивъ временемъ построенія ея 1693 годъ, показанный въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ, но сдѣлалъ это голословно. Костомаровъ въ своей монографіи о «Мазепѣ», сославшись на Кіевскій Мѣсяцесловъ 1799 года и на Похилѣвича, сказалъ, что братская богоявленская церковь и большая церковь кіево-николаевскаго монастыря построены Иваномъ Мазепою въ 1690 году. Такимъ образомъ строеніе братской богоявленской церкви приписывается Мазепѣ лишь по преданію, а годъ означается приблизительно. Также по преданію, безъ современныхъ письменныхъ указаній, приписывалось ему и построеніе нижняго этажа стараго академическаго корпуса, въ которомъ нынѣ помѣ-

щается музей академіи. Но что приписывалось Мазепѣ однимъ преданіемъ, то можно теперь подтвердить и письменными, современными документами. Въ моск. архивѣ министерства иностр. дѣлъ (Малор. д. 1693 г. № $\frac{901}{886}$) хранится письмо Мазепы къ царямъ Іоанну и Петру отъ 21 мая 1693 года, относящееся къ построенію церквей братской и кіево-николаевской, въ которомъ указаны и строитель и мастеръ этихъ церквей. Въ письмѣ этомъ Мазепа пишетъ, что «москвичъ, каменнаго дѣла мастеръ, Іосифъ Димитріевъ обязался выставить ему двѣ каменныя церкви—одну въ монастырѣ братскомъ, а другую въ пустынскомъ св. Николая и получилъ по условію всѣ деньги 5000 рублей, боронно и солонину, а дѣло церквей еще не окончено и много не приведено до своего совершенства, и потому просилъ выслать сего мастера въ Кіевъ, такъ какъ по слухамъ онъ хочетъ ѣхать на работу въ Смоленскъ». Изъ этого письма видно, что каменная богоявленская церковь кіево-братскаго монастыря строителемъ своимъ имѣла несомнѣнно Ивана Мазепу и что она окончена около 1693 года. Единственное свидѣтельство изъ прошлаго столѣтія о построеніи Мазепой нижняго этажа стараго академическаго корпуса находится въ старой описи кіево-михайловскаго монастыря, гдѣ сказано, что «митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій истощи имѣніе свое на созиданіе кіевскихъ училищъ, яже на *древнемъ Мазепы гетмана основаніи* краснѣ архитекторомъ иноземцемъ соверши». Изъ сличенія-же стараго академическаго корпуса въ нынѣшнемъ его состояніи съ первоначальнымъ его видомъ, сохранившимся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора, на гравюрѣ 1700—1703 г., изданной при ректорѣ Колачинскомъ, можно усмотрѣть, что Мазепой устроенъ для академіи не одноэтажный, а двухъ-этажный корпусъ, и что митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ преобразована только средняя часть верхняго этажа, въ которой устроенъ залъ, съ хорами на двухъ сторонахъ, и пристроена конгрегоціонная церковь съ куполомъ, а двѣ комнаты между церковью и заломъ и двѣ комнаты съ западной стороны, изъ коихъ въ одной въ 1837 году помѣщена лѣстница, служившія до 1869 года классными аудиторіями, остались въ первобытномъ своемъ состояніи, кромѣ задѣлки окошекъ въ южной стѣнѣ, сдѣланной въ 1868 году, при ректорѣ, архимандритѣ Филаретѣ.

2. О преобразованіи бывшаго въ Кіевѣ на Подолѣ доминиканскаго костела св. Николая въ православную церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла.

Изъ «Описанія кіево-софійскаго собора» митрополита Евгенія и изъ «Историческаго извѣстія о мѣстности, занимаемой нынѣ кіевскою духовною семинаріей» Е. М. Крыжановскаго извѣстно, что зданіе нынѣшней петро-павловской церкви кіевской духовной семинаріи, бывшій доминиканскій костелъ св. Николая, отдано въ 1691 году, со всѣми принадлежавшими къ нему угодіями, митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому, по его просьбѣ; съ пособіемъ отъ казны запустѣлое костельное зданіе преобразовано въ церковь св. апостоловъ Петра и Павла, съ придѣломъ во имя Алексія, человѣка Божія, но въ окончательно совершенный видъ оно приведено только въ полозинѣ XVIII вѣка, когда въ 1744 году императрица Елисавета Петровна пожаловала 2,500 рублей для устройства въ этой церкви новаго придѣла во имя св. Захаріи и Елизаветы и для построенія двухэтажной каменной колокольни. Свѣдѣнія эти можно еще пополнить сохранившимся въ моск. архивѣ министерства иностран. дѣлъ (Книга дѣлъ, до кіев. митрополіи относящихся 1681—1690 г.) письмомъ митрополита Варлаама Ясинскаго къ царю Петру Алексѣевичу по сему предмету. Въ этомъ письмѣ митрополитъ проситъ царя отдать ему находящійся въ нижнемъ Кіевѣ, посредѣ града, доминиканскій костелъ каменный, запустѣлый и по многу разоренный, который у ляховъ былъ заложенъ во имя св. Николая». «А понеже, пишетъ онъ, въ Кіевѣ есть много церквей св. Николая, а нѣтъ церкви ангела монаршаго, первоверховнаго апостола Петра, тоже нѣтъ церкви Алексѣя, Божія человѣка, ангела благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, того ради бью челомъ, да по изволенію монаршему будетъ съ того костела церковь Петра и Павла съ придѣломъ Алексѣя человѣка Божія». Къ сему митрополитъ Варлаамъ добавилъ, что «ниже безчестно и ниже неправедно есть, дабы съ того костела построена церковь, понеже тотъ костелъ созданъ весь изъ церковнаго каменія и кирпича отъ ляховъ, разбиравшихъ въ Вышгородѣ церковь каменную св. Бориса и Глѣба». Въ 1695 г. іюля 3 дня, указомъ на имя гетмана Ма-

зены, велѣно къ прежней дачѣ 500 рублей прибавить изъ казны 200 рублей «на совершеніе церкви каменной св. верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и придѣла Алексѣя человѣка Божія и на иконостасъ въ туже церковь». Такимъ образомъ превращеніе зданія доминиканскаго костела въ православную церковь не было присвоеніемъ чужой собственности, а дѣломъ справедливости, возвращеніемъ зданія тѣмъ, кому принадлежалъ древній его матеріалъ. Нынѣ придѣлъ св. Захаріи и Елисаветы не существуетъ уже въ семинарской петро-павловской церкви: въ 1860 году онъ пересвященъ во имя св. Алексѣя человѣка Божія, а придѣлъ алексѣевскій, составлявшій отдѣльную, малую и теплую церковь въ сѣверо-восточномъ углу, упраздненъ по устройствѣ печей въ большой петро-павловской церкви.

---

3. Возобновленіе кіево-софійскаго собора въ концѣ XVII в. и судьба кіевскихъ церквей св. Василія и Екатерины.

Приведеніе кіево-софійскаго собора въ настоящій внѣшній видъ, съ постройкою 2-го этажа на низкихъ папертяхъ съ сѣверной и южной стороны и 6-ти новыхъ куполовъ въ дополненіе къ 5-ти древнимъ, долгое время приписывалось митрополиту Петру Могилѣ. Не давно открытый видъ софійскаго собора въ гравюрѣ 1657 года наглядно убѣдилъ, что переформировка наружной его части совершилась уже послѣ митрополита Петра Могилы, умершаго въ 1647 г. Въ свое время, именно на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ нашемъ рефератѣ о кіево-софійскомъ соборѣ разъяснено и доказано, что преобразованіе это состоялось въ концѣ XVII вѣка, на средства царей Іоанна и Петра и при участіи гетмана И. Мазепы. Еще болѣе уясняется это дѣло документами, находящимися въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ нихъ видно, что митрополитъ Гедеонъ, князь Четвертинскій первый началъ хлопотать о приведеніи своего каѳедральнаго храма въ лучшій видъ послѣ его запустѣнія въ небытность въ Кіевѣ митрополитовъ съ 1651 по 1685 годъ. Воспользовавшись значительными царскими милостями лично для себя при поставленіи своемъ въ санъ митрополита, совершившемся въ Москвѣ, онъ не мало получилъ ихъ и для кіево-софійскаго собора по при-

бытія изъ Москвы въ Кіевъ. Такъ въ 1686 г., по его просьбѣ, чрезъ намѣстника софійскаго Страхловскаго, царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами пожалованы: 1) священные сосуды къ жертвеннику—потиръ, дискосъ, два блюда, звѣзда и лжица серебряные, рѣзные, вызолоченные, вѣсомъ 4 фунта, съ изображеніями евангелистовъ на днѣ дискоса; къ нимъ даны воздухъ и покровы бархатные алые съ четвероконечными крестами, нанизанными на нихъ жемчугомъ, обитые по краямъ золотистымъ кружевомъ и подшитые атласомъ; 2) бархатный покровъ на гробъ великаго князя Ярослава Владиміровича, длиною 3 аршина и шириной 1¼ аршина, съ нашитымъ по срединѣ крестомъ изъ серебрянаго кружева; 3) два серебряные вызолоченные дикирій и трикирій, вѣсомъ 2 фунта 5 золотниковъ; 4) мѣдное паникадило вѣсомъ 23 пуда и 5) одежда червчатаго атласу, съ крестомъ изъ серебрянаго кружева, на престолъ великаго олтаря. Въ 1688 году по царскому указу отправленъ былъ изъ Москвы въ Кіевъ колокольнаго дѣла мастеръ Федоръ Леонтьевъ для перелитія разбитаго софійскаго колокола съ добавленіемъ къ нему 55 пудовъ мѣди къ 172 пудамъ, оказавшимся въ разбитомъ колоколѣ. Когда отлитый колоколъ оказался тонкимъ и вновь разбился, то посланный вновь изъ Москвы мастеръ вылилъ колоколъ уже въ 406 пудовъ съ употребленіемъ на это добавочной казенной мѣди изъ разорванныхъ пушекъ и пищалей. Въ тоже время митрополитъ Гедеонъ просилъ у царей пособія на возобновленіе самаго храма св. Софіи и разрѣшенія разобрать и употребить на починку его «двѣ церкви каменныя, гораздо худыя, что стоятъ пусти въ городѣ, св. Екатерины и св. Василія», а по царскому указу отъ 12 октября 1688 года повелѣно было «боярину Бутурлину съ товарищи осмотрѣть церковь св. Софіи, измѣрить длиною и шириною, и поперекъ и въ вышину, и двери и окна и въ немъ всякое строенье и худые и опалые мѣста въ немъ описать именно и учинить той церкви и всему строенью и худымъ мѣстамъ чертежъ и на чертежѣ подписать, да той прислать къ нимъ великимъ государямъ въ приказъ Малыя Россіи безъ мотчанья» (М. арх. м. ин. т., Дѣла кіев. митр., л. 40, 56, 84, 179 и 214).

Спустя 4 года послѣ сего игумена кіево-михайловскаго дѣвичьяго монастыря просила (ibid., л. 215—219) объ отдачѣ подъ свой монастырь каменной трехсвятительской церкви. По этому поводу но-

вымъ царскимъ указомъ подтверждено было о доставленіи описи и чертежей св. Софіи; но были-ли онѣ доставлены тогда, остается неизвѣстнымъ. Преемникъ м. Гедеона, митрополитъ Варлаамъ Ясинскій въ 1691 г. испрашивая себѣ *полюбную* дань, шедшую прежде на бискупскій костелъ св. Николая, называетъ себя еще «долженствующимъ строити свято-софійскую церковь». Но въ 1699 г. грамотою государевою попеченіе о строеніи церкви св. Софіи поручено кіевской ратушѣ. Бывшій въ 1701 г. въ Кіевѣ, проѣздомъ въ Іерусалимъ, московскій священникъ Лукьяновъ не упоминаетъ о какихъ либо работахъ въ софійскомъ соборѣ, а говоритъ, что «церковь св. Софіи зѣло хороша и образцовата, да въ ней строенья ничего нѣтъ, пусто, иконъ нѣтъ, а старое въ ней письмо митрополитъ извѣстью замазалъ». Въ 1706 году митрополитъ Варлаамъ Ясинскій въ грамотѣ своей, данной выдубицкому монастырю, свидѣтельствовалъ уже, что «благодатію Божіею, по милости его царскаго величества и призрѣніемъ патронскимъ рейментарскимъ ясневельможного, его милости, пана гетмана и кавалера обитель святософійская есть значно обновлена въ своемъ украшеніи сими часы, такъ церковномъ, яко и господарскомъ». Итакъ можно полагать, что наружное обновленіе софійскаго нашего храма началось въ 1690 году и окончено въ 1701 году, а внутреннее его украшеніе продолжалось за тѣмъ до 1706 года [1].

Что касается церквей трехсвятительской и екатерининской, разобрать которыя, съ употребленіемъ ихъ матеріала на подѣлки въ софійскомъ соборѣ, просилъ разрѣшенія митрополитъ Гедеонъ, то ихъ миновала эта участь, такъ какъ митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, вскорѣ по вступленіи своемъ на кіевскую каѳедру, хлопоталъ уже не о разобраніи, а о возстановленіи этихъ церквей. Въ 3-мъ пунктѣ своей просьбы онъ просилъ у царей дать ему «къ досмот-

---

1) Производителемъ работъ по преобразованію софійскаго собора въ настоящій его наружный видъ былъ вѣроятно тотъ-же московскій каменнаго дѣла мастеръ, который строилъ на счетъ Мазепы церкви въ братскомъ и нѣжинскомъ монастыряхъ, что подтверждается и самымъ характеромъ ихъ архитектуры. Онъ то заложилъ арки въ нижнихъ папертяхъ собора, наставилъ верхній этажъ на сѣверной и южной папертяхъ, поставилъ щиты на западной и восточной стѣнахъ, соорудилъ контрфорсы и возвелъ 6 новыхъ куполовъ, по 3 на сѣверной и южной сторонахъ.

рѣніе и въ строенье въ верхнемъ Кіевѣ церковь каменную запустѣлую и по много разоренную, идѣже св. Владиміръ три начальныхъ идолы сокрушн, созданную во имя ангела его св. Василія и равноапостольныхъ Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, заступниковъ всѣмъ россомъ; и чтобы таможде въ верхнемъ градѣ Кіевѣ развалившуюся церковь каменную св. великомученицы Екатерины благоволили тщаніемъ и иждивеніемъ царскимъ *возстановити* и *обновити* въ тезоименитство той святой царевны, дѣвицы Екатерины, благовѣрной царевны и великой княжны Екатерины Алексѣевны». При этомъ прописано, что «церковь трехъ святителей стоитъ пуста, обвисла и утеснена житними анбарами: анбары эти съ западной стороны церкви, да анбаръ въ 11 саженъ отъ олтаря 3 сажени съ аршиномъ; съ лѣвой стороны анбаръ подлѣ самой церкви, а отъ полуденныхъ дверей до анбара 17 сажень» (ibid. л. 4). Въ прошеніи игумена кіево-михайловскаго монастыря Агаѳіи—1688 г. значится, что «трехсвятительская церковь стоитъ безъ главъ, которыя порушились». Просьба митрополита Варлаама относительно трехсвятительской церкви[1]) была удовлетворена и церковь ему отдана съ очищеніемъ ея отъ житныхъ анбаровъ по грамотѣ отъ 28 сентября 1691 года, а Варлаамъ, возобновивши ее, устроилъ при ней мужской монастырь, который въ 1787 году упраздненъ съ обращеніемъ церкви въ приходскую, каковою она считается и нынѣ. Что касается церкви св. великомученицы Екатерины, то дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна, но по всей вѣроятности остатки ея стѣнъ и фундаментовъ скрывались подъ валомъ до 1832 года, а въ этомъ году они открыты Лохвицкимъ и стали извѣстны подъ именемъ остатковъ церкви св. *Ирины*. Впрочемъ слѣды древней каменной церкви можно было примѣтить въ недавнее время еще ближе къ софійскому собору, при самомъ выходѣ

---

[1]) На мѣстѣ этой церкви, гдѣ стоялъ Перунъ, при св. Владиміръ была срублена деревянная церковь во имя св. Василія: въ 1184 г. эта церковь замѣнена новою каменною въ тоже имя, сооруженною Святополкомъ II Всеволодовичемъ. По челобитью игумена кіево-флоровскаго монастыря, церковь василіевская въ 1638 г. приписана къ сему монастырю съ дворами, купчими людьми и землями, пожалованными ей еще отъ великихъ князей около нынѣшней Братской Богоявленской. Въ 1651 годъ она сгорѣла и въ 1682 г. обращена въ дворъ воеводы съ 9-ю житными анбарами.

изъ южныхъ воротъ его ограды, что подъ башней; теперь они закрыты мостовою. Могла быть и здѣсь обгалдшаяся церковь св. Екатерины. Лѣсота въ 1594 г. видѣлъ церковь св. Екатерины въ развалинахъ, близъ св. Софіи; а діаконъ Павелъ, сопутствовавшій антіохійскому патріарху Іоакиму, въ 1655 г. видѣлъ вокругъ софійскаго собора развалины многихъ церквей. Вѣроятно это были еще развалины церквей Богородицы Пирогощей, Симеона въ Козаревѣ концѣ, Андреевской или Янчина монастыря, Вотчей-Ѳедоровской, св. Іоанна, св. Спаса и св. Никиты.

---

4. О дѣвичьемъ монастырѣ при кіево-михайловскомъ мужскомъ монастырѣ.

Что женскій или дѣвичій монастырь былъ въ XVII вѣкѣ при кіево-михайловскомъ монастырѣ и что въ 1712 году онъ по указу Петра I-го перемѣщенъ на Подолъ—въ іорданскій богословскій монастырь, это не подлежитъ сомнѣнію. Описатели Кіева къ сему добавляютъ, что онъ находился по лѣвую сторону соборной михайловской церкви, гдѣ теперь братскій корпусъ, и назывался Богословскимъ, имѣя особую деревянную церковь, вмѣсто которой, по упраздненіи женскаго здѣсь монастыря, построена каменная церковь во имя св. Іоанна Богослова по правую сторону михайловской соборной. О женскомъ или павенскомъ монастырѣ при михайловскомъ монастырѣ, въ которомъ жили дочь и племянница митрополита Іова Борецкаго, упоминается въ его завѣщаніи 1631 года, но монастырь этотъ здѣсь называется женскимъ михайловскимъ, а не *Богословскимъ*. Изъ хранящейся-же въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ просьбы игумена Агаѳія становится извѣстнымъ, что до 1688 г. въ злато-верхо-михайловскомъ монастырѣ не было даже особой церкви для монахинь, а ходили онѣ для слушанія богослуженія въ общую михайловскую церковь, что конечно было не удобно во многихъ отношеніяхъ. Посему игумена кіево-михайловскаго дѣвичьяго монастыря Агаѳія, прибывши въ Москву

---

*) Въ завѣщаніи митрополита Гедеона Четвертинскаго 1689 г. михайловскому дѣвичьему монастырю, въ числѣ прочихъ 4-хъ, назначено 100 золотыхъ.

съ 3 старицами и 20-ю служками, просила царей о переселеніи своего монастыря на иное мѣсто. Прописывая, что онѣ терпятъ большое утѣсненье отъ игумена Сильвестра и братіи 15 человѣкъ, ходя въ михайловскую церковь и работая въ огородахъ и на поляхъ монастырскихъ, монахини просили дать имъ опустѣлую церковь трехъ-святителей (Малор. дѣла 1683 г. № 584). Въ отвѣтъ на эту просьбу было затребовано отъ кіевскаго воеводы свѣдѣніе о состояніи этой церкви, но была-ли окончательна просьба удовлетворена, изъ дѣла не видно. Между тѣмъ изъ уцѣлѣвшихъ въ архивѣ кіев. консисторіи нѣкоторыхъ бумагъ видно, что спустя еще около 20-ти лѣтъ шло дѣло лишь о перенесеніи михайловскаго дѣвичьяго монастыря на иное мѣсто. Въ 1706 году Петръ I-й, будучи въ Кіевѣ по пути въ Польшу, и въ день Рождества Христова слѣдуя изъ Печерска въ Старый Городъ, усмотрѣлъ значительное количество лѣснаго матеріала, приготовленнаго на горѣ, между Печерскомъ и городомъ, для устройства михайловскаго дѣвичьяго монастыря, имѣвшаго переселиться на ту гору. На какой именно горѣ предположено было устроить этотъ монастырь, изъ бумагъ не видно, но по всей вѣроятности это была мѣстность нынѣшняго института благородныхъ дѣвицъ, ибо другой горы между Печерскомъ и Старымъ Городомъ нѣтъ, а въ государевомъ саду монахинямъ безъ указу конечно невозможно было селиться. Государь, пріѣхавши къ генералу Андрею Гульцу, б. губернатору, призвалъ вечеромъ къ себѣ переяславскаго епископа (вѣроятно Захарію Корниловича, викарія кіевскаго митрополита), софійскаго намѣстника Іоанникія Сенютовича и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и бѣлорусскаго епископа Сильвестра, при всѣхъ великороссійскихъ полковникахъ приказалъ не строить тамъ монастыря, а монахинь размѣстить по прочимъ монастырямъ, повелѣвъ тогда-же не постригать молодыхъ женщинъ въ монахини. Когда послѣ полтавской баталіи государь прибылъ во второй разъ въ Кіевъ, Іоанникій Сенютовичъ, въ то время уже игуменъ михайловскаго златоверхаго монастыря, съ вѣдома и благословенія митрополита, подалъ государю по дѣлу о женскомъ монастырѣ челобитную, на обѣдѣ въ архіерейскомъ домѣ; государь, приявъ челобитную, удивился, что досель не приведенъ въ исполненіе его указъ объ упраздненіи михайловскаго дѣвичьяго монастыря и приказалъ князю Дмитрію (Голицыну), согласясь съ пре-

освященнымъ, исполнить Высочайшее о семъ повелѣніе. За тѣмъ предъ праздникомъ Рождества Христова полученъ изъ Курска отъ того-же князя приказъ кіевскому коменданту, чтобы онъ немедленно, до праздника, всѣхъ черницъ михайловскихъ вывелъ въ іорданскій монастырь. Приказъ былъ исполненъ, монахини переведены, при чемъ имъ даны келіи въ замѣнъ ихъ прежнихъ келій съ тѣмъ, чтобы жили онѣ здѣсь подъ вѣдѣніемъ одной начальницы. Переселяясь, монахини вывезли съ собою всю церковную утварь и взяли сундучекъ съ немалою суммою монастырской казны, а монастырь, по словамъ игумена, оставили впустѣ въ разореніе, не заявивши даже архипастырю о своемъ переселеніи. Чрезъ нѣсколько дней, игуменъ Іоанникій, освѣдомясь какъ о семъ, такъ и о расхищеніи разными лицами оставшагося въ монастырѣ строенія, просилъ коменданта приставить къ монастырскимъ зданіямъ караулъ; за тѣмъ въ теченіи всего дальнѣйшаго времени зимы «черницы безпрепятственно вывозили изъ своихъ келій все свое, разбирая даже бывшія свои келіи, а иныя продавали то солдатамъ, то въ михайловскій мужской монастырь, а отъ келій, отказанныхъ монастырю по умершихъ монахиняхъ отрывали окна, двери и замки». По наступленіи весны игуменъ Іоанникій, съ дозволенія князя, присоединилъ мѣстность дѣвичьяго монастыря къ своему мужскому михайловскому монастырю, снявши ограду, раздѣлявшую оба эти монастыри. Оказалась теперь и церковь въ дѣвичьемъ монастырѣ, которая съ благословенія митрополита взята въ полкъ печерскаго коменданта Николая Кринка; за это обѣщано доставить въ монастырь полтретя-ста осмакъ вапны, но обѣщаніе не исполнено подъ предлогомъ, что это была церковь не монашеская, а государева [1]). «Звоничка, бывшая на брамѣ, разобрана и звонцы перевезены на михайловскую монастырскую звоницу. Гетманскіе деньги отецъ епископъ (Захарія Корниловичъ) упросилъ отдать въ михайловскій мужской монастырь на томъ основаніи, что бывшій гетманъ (Мазепа) имѣлъ дать для этого монастыря на *деисусъ* (иконостасъ) тысячъ десять». Такъ объяснялъ игуменъ михайловскаго монастыря Іоанникій Сенютовичъ въ 1714 году въ отвѣтѣ своемъ на

[1]) Вѣроятно это была домовая церковь, устроенная при келіяхъ игуменіи изъ какой-либо военно-походной церкви.

челобитье, поданное митрополиту Іоасафу Кроковскому монахинями бывшаго михайловскаго монастыря. Послѣднія, какъ видно изъ ихъ челобитья, переселились въ іорданскій монастырь въ числѣ 20-ти старицъ, а ихъ начальницы (намѣстница Ѳеодосія и госпожа Анастасія) [1]), забравши книги, серебро и всю церковную утварь, перешли на жительство въ кіево-флоровскій монастырь и кромѣ того взяли съ собою 200 золотыхъ, оставшихся отъ надѣлу. Коренныя монахини іорданскаго монастыря попрекали переселенныхъ тѣмъ, что они заняли у нихъ 15 келій и не принесли съ собою ничего изъ имущества бывшаго михайловскаго монастыря; почему эти послѣднія просили или отдать утварь бывшей ихъ обители іорданскому монастырю или всѣхъ ихъ перемѣстить въ кіево-флоровскій монастырь, а кромѣ того, чтобы михайловскій намѣстникъ уплатилъ имъ 500 золотыхъ за келіи умершихъ инокинь. Просительницамъ дано 300 золотыхъ, 9 червонцевъ, богослужебныя книги и священнослужительскія обличенія; но они вновь просили объ отдачѣ имъ и 5-ти бывшихъ въ ихъ монастырѣ колоколовъ, заявляя, что всѣ эти колокола, кромѣ одного государскаго, пріобрѣтены ихъ собственнымъ стараніемъ. Результатъ послѣдней просьбы неизвѣстенъ; но самая просьба о колоколахъ, въ числѣ которыхъ упоминается одинъ государскій, и то, что богослужебныя книги были московскаго изданія, показываетъ, что у монахинь михайловскихъ была послѣ 1688 г. своя особая церковь, устроенная игуменьею Агаѳіею съ помощію жертвъ изъ Москвы отъ царскихъ щедротъ. Церковь была устроена въ честь царевны Софіи и посвящена имени св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви.

Іорданскій богословскій монастырь, въ который переселены монахини михайловскаго дѣвичьяго монастыря, нѣкоторые смѣшиваютъ съ іорданскимъ николаевскимъ женскимъ монастыремъ, признавая два эти монастыря за одинъ то богословскій, то николаевскій. Но въ Плоской части Кіево-Подола, подъ горою, не доѣзжая

---

[1]) По реестру значится, что въ флоровскомъ монастырѣ поселились съ намѣстницей Ѳеодосіей 2 послушницы, а за монастыремъ 5-ть. Въ флоровскій монастырь изъ утвари поступило, кромѣ богослужебныхъ книгъ, 3 серебренные кресты, серебренное кадило, 3 Евангелія, 3 серебренныя чаши съ принадлежностями, 16 ризъ священническихъ, 13 стихарей, хоругви, подризники, воздухи и проч.

кирилловскаго монастыря, въ прошломъ столѣтіи существовалъ не одинъ, а два монастыря женскіе—николаевскій и богословскій. Николаевскій дѣлается извѣстнымъ гораздо ранѣе богословскаго. Первое упоминаніе о церкви св. Николая іорданскаго встрѣчается въ грамотѣ Сигизмунда III, по которой въ 1605 г. церковь св. Николая іорданскаго съ угодіями приписана къ кирилловскому монастырю по просьбѣ игумена Василія Красовскаго; затѣмъ о ней-же говорится въ выпискѣ изъ трибуналскихъ книгъ кіевскаго воеводства 1618 г. и въ выпискѣ изъ земскихъ книгъ кіевскаго воеводства 1626 г., по случаю разграниченія земель печерскаго монастыря и притиконикольской церкви отъ угодій кирилловскаго монастыря, гдѣ сказано, что добро и земли св. Николая іорданскаго во время запустѣнія захвачены безправно. Іорданскому женскому монастырю, въ числѣ прочихъ четырехъ кіевскихъ монастырей, митрополитъ Гедеонъ, князь Четвертинскій въ 1689 г. завѣщалъ 100 золотыхъ. Въ іорданскомъ николаевскомъ женскомъ монастырѣ жили сестры святителя Дмитрія ростовскаго, бывшаго прежде игуменомъ кіево-кирилловскаго монастыря: *Наѳанаила*, *Февронія* и *Параскева*, преемствуя одна другой въ санѣ игуменіи; послѣдняя изъ нихъ скончалась здѣсь въ 1710 году. Въ первой четверти XVIII вѣка дѣлается извѣстнымъ, кромѣ іорданскаго николаевскаго, и богословскій, также женскій монастырь[1]). Онъ значится и въ вѣдомости о монастыряхъ кіевской епархіи за 1756 годъ.

По всей вѣроятности онъ основанъ монахинями кіево-михайловскаго женскаго монастыря, когда онѣ, по его упраздненіи, испросили себѣ возвращеніе церковной утвари и капитала; а въ такомъ случаѣ начало его нужно полагать около 1710 года. По свидѣтельству Новгородцева бывшая въ немъ деревянная церковь во имя св. Іоанна Богослова устроена казеннымъ коштомъ. Монастыря іорданскій и богословскій показаны на планѣ Кіева 1745 г. съ 2-мя церквами въ каждомъ изъ нихъ: іорданскій въ сторону Подола, а богословскій въ сторону кирилловскаго монастыря, рядомъ одинъ подлѣ другаго; по преданію ихъ раздѣлялъ только

[1]) Въ первый разъ упоминаетъ онъ въ циркулярѣ архіепископа кіевскаго Варлаама Ванатовича въ 1724 году, которымъ настоятельницы монастырей и протопопій кіевской епархіи извѣщались о совершившемся коронованіи императрицы Екатерины I-й.

ручей, текущій изъ горы. Іорданскій богословскій монастырь по указу св. синода отъ 10 декабря 1789 года переведенъ въ золотоношскій монастырь нынѣшней полтавской епархіи, а иконостасъ церкви этого монастыря поступилъ въ кіево-софійскій соборъ въ особый на его хорахъ богословскій придѣлъ. Николаевскій женскій монастырь просуществовалъ до 1808 года и въ этомъ году упраздненъ. Въ немъ была деревянная церковь во имя св. Николая о 3-хъ куполахъ, на каменномъ фундаментѣ, достаточно украшенная внутри и снаружи. Она обращена въ приходскую, но въ 1821 г. сгорѣла отъ сосѣдняго кирпичнаго завода, а вмѣсто ея сдѣлана приходскою Дмитріевская церковь, служившая трапезною монастырской, существующая и нынѣ въ ветхомъ видѣ. На мѣстности николаевскаго монастыря уцѣлѣли доселѣ фундаменты древней кирпичной кладки, сходной съ кладкой XI и XII вѣка; они большею частію завалены глиной обвалившейся горы. Вѣроятно, это остатки церкви св. Николая, существовавшей до XVII вѣка. Можетъ-быть, при ней-то существовалъ и тотъ женскій монастырь св. Николая, въ которомъ постригласъ мать преподобнаго Ѳеодосія печерскаго. Наименованіе іорданскаго усвоено бывшему здѣсь женскому монастырю по всей вѣроятности отъ того, что, по свидѣтельству умершаго недавно на 97 году протоіерея о. Іоакима Игнатовича, въ день Богоявленія изъ этого монастыря совершался, при участіи монашествующихъ кирилловскаго монастыря, крестный ходъ, для освященія воды, на лежавшее противъ сего монастыря на Оболонь озеро, которое и теперь называется также іорданскимъ.

---

5. О церкви св. Симеона въ Копыревѣ концѣ.

Въ XII вѣкѣ существовала въ Кіевѣ церковь св. Симеона въ *Копыревѣ концѣ*, при которой былъ и мужескій монастырь. Созданіе этого монастыря и его церкви въ лѣтописи приписывается *Олегу Святославичу* и *Святославу Ярославичу* — черниговскимъ князьямъ. Стараясь указать его мѣстность, одни изъ описателей кіевскихъ древностей ставятъ прямо вопросъ о мѣстѣ церкви св. Симеона и разрѣшаютъ его на основаніи историческихъ свидѣтельствъ объ этой церкви; другіе рѣшаютъ прежде вопросъ о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева и уже мѣстностью Копырева конца

опредѣляютъ мѣсто церкви св. Симеона, бывшей въ Копыревѣ концѣ. Къ послѣднимъ принадлежатъ покойный Закревскій, издавшій описаніе Кіева въ 2-хъ большихъ томахъ, и П. А. Лашкаревъ, помѣстившій въ Трудахъ кіев. дух. академіи за 1879 годъ статью: *Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева*. Закревскій, полагая, что Копыревъ конецъ былъ тамъ, гдѣ Глубочица соединяется съ Кожемяками, ставилъ Подольскія ворота на житнемъ базарѣ, въ промежуткѣ между горами Кисилевкой и Скавлкой, а церковь св. Симеона на мѣстѣ нынѣшней кресто-воздвиженской, что на Кожемякахъ церкви, хотя чрезъ нѣсколько страницъ сказалъ, что монастырь св. Симеона могъ быть ниже андреевской церкви, гдѣ Берлинскій въ началѣ нынѣшняго вѣка видѣлъ остатки древняго щебня. Такимъ образомъ у него вышло два Копыревыхъ конца—одинъ на Кожемякахъ, а другой на андреевской горѣ. П. А. Лашкаревъ утверждаетъ, что Копыревъ конецъ былъ не на Подолѣ, а на Кудряевской горѣ, которая составляетъ сѣверо-западную часть старокіевской возвышенности, и отсюда заключаетъ, будто здѣсь, на этой-же горѣ, не вдалекѣ отъ жидовскихъ или львовскихъ воротъ, находилась церковь св. Симеона.

Не смотря на разность выводовъ, основанія у Закревскаго и Лашкарева одни и тѣже. Сказанія ипатской лѣтописи о томъ, что Всеволодъ Ольговичъ, прибывши изъ Вышгорода къ Кіеву въ 1140 г., сталъ зажигать дворы въ Копыревѣ концѣ; что при наступленіи Юрія Долгорукаго на Кіевъ въ 1151 году, участвовавшіе въ защитѣ Кіева берендѣи стояли съ своими вежами и стадами «межи дебрьми отъ Олеговой могилы къ огороду св. Іоанна», котораго церковь была въ Копыревѣ концѣ; что въ 1162 году раненнаго въ борку у Кіева Изяслава Давидовича отвезли въ монастырь св. Симеона, иже есть въ Копыревѣ концѣ; что тѣло убитаго кіевлянами въ 1147 году Игоря Ольговича отвезено изъ церкви св. Михаила на конецъ града, въ монастырь св. Симеона, и наконецъ что подольскія ворота, которыми Романъ Галицкій въ 1202 году въѣхалъ въ Кіевъ, были въ Копыреви концы. Но Всеволодъ Ольговичъ, слѣдуя изъ Вышгорода, могъ подойти къ Кіеву и чрезъ Подолъ у горы Взыхальницы и Крещатикомъ у бывшихъ лядскихъ воротъ, какъ подошелъ Батый, и всего меньше «дебрьми у Кудряевской горы», куда почти не было путей и гдѣ ихъ не указы-

ваетъ лѣтопись. Церковь св. Іоанна была въ Копыревѣ концѣ, но огородъ св. Іоанна могъ быть и въ другомъ мѣстѣ, какъ и теперь огороды церквей и монастырей не всегда бываютъ при самихъ церквахъ и монастыряхъ: огородъ не погостъ церковный, который всегда въ одной мѣстности съ церковью. Игоря Ольговича отвезли въ монастырь св. Симеона—въ Копыревъ конецъ потому, что это былъ монастырь *отній* черниговскихъ князей, къ роду коихъ принадлежалъ Игорь Ольговичъ; по той-же самой причинѣ отвезли туда и раненнаго на р. Лыбеди Изяслава Давидовича, происходившаго изъ того-же рода, а не потому, будто этотъ монастырь былъ ближе прочихъ къ р. Лыбеди. Наконецъ, чтобы правильно понимать смыслъ словъ лѣтописи о вступленіи Романа Галицкаго въ Кіевъ подольскими воротами, бывшими въ Копыревѣ концѣ, не нужно забывать, что въ древности городомъ назывался не весь нынѣшній Кіевъ, а только Старый Кіевъ, который находился на срединной, старокіевской возвышенности и былъ укрѣпленъ валами, что въ валахъ этихъ было нѣсколько воротъ и что подольскими воротами назывались не тѣ ворота, которыя будто вели въ Подолье изъ Глубочицы, Оболонья или Крещатика, а тѣ, которыми съѣзжали въ Подолье изъ Стараго города или выѣзжали изъ Подола на Старый Городъ. Потому разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какой части Стараго Кіева Романъ Галицкій въѣхалъ въ Кіевъ въ 1202 г., зависитъ въ свою очередь отъ разрѣшенія того, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева, а это-то пока остается неизвѣстнымъ. И такъ всѣ приведенныя у Закревскаго и повторенныя г. Лашкаревымъ свидѣтельства лѣтописи не рѣшаютъ вопроса о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева. Изъ нихъ нисколько не слѣдуетъ, чтобы Копыревымъ концемъ называлась сѣверо-западная часть старокіевской возвышенности, извѣстная теперь подъ именемъ Кудрявской горы; изъ нихъ видно только, что Копыревъ конецъ былъ на одной изъ оконечностей Стараго Кіева и что въ Копыревѣ концѣ были подольскія воротъ и церковь св. Симеона.

Гораздо яснѣе историческія указанія на то, гдѣ стояла церковь св. Симеона и гдѣ были подольскія ворота. Изъ нихъ важнѣе всего свидѣтельство Кальнофойскаго въ его «Тератургимѣ». Упомянувъ о древнихъ старокіевскихъ церквахъ св. Михаила златоверхого, св. Ѳеодора, св. Василія и Десятинной, онъ говоритъ: *Cerkiew s.*

Symeona nad samym Kijowem (т. е. надъ Подоломъ, который въ XVII вѣкѣ носилъ названіе города, когда Старый Кіевъ былъ почти безлюденъ), a drugie mogiłami leżą podobnie na wieki przywalone. *Z tych bramą*, mimo zamek na wysokiey górze erigowany, *spuscić sie do opłakanego Kijowa*, ponieważ starego teraznieyszy zaledwie imienia godzien (т. е. церковь св. Симеона надъ самымъ Кіевомъ, а прочія церкви лежатъ могилами прикрытыя, какись, на вѣки. Отсюду чрезъ ворота, мимо замка, устроеннаго на высокой горѣ, спуститься къ Кіеву, достойному плача, ибо настоящій едва-ли достоинъ имени прежняго). Соотвѣтственно сему указанію мѣстности церкви св. Симеона, она такъ означена и на приложенномъ къ Терагургимѣ чертежѣ Кіева—подлѣ Десятинной церкви, правѣй отъ нея, т. е. на сѣверной окраинѣ нынѣшней андреевской церкви. Съ немалымъ точностью здѣсь-же, а не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, указана церковь св. Симеона въ выпискахъ изъ кіевскихъ градскихъ книгъ 1633 года и въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ «Пчелѣ» по списку, сдѣланному въ Крупичъ-Полѣ 1679 года. Въ выпискахъ сказано: «дня 17 іюля его милость отецъ Могила церковь св. Софіи изъ слободаны, а также въ местечку церквей три—першую св. Николы, названную Десятинною, другую *св. Симеона подле брамы меншое, на горе лежащую*, а третю св. Василія, названнаго нагорнаго, подъ себе загорнулъ». Въ житіи Владиміра говорится: «св. Андрей первозванный, пришедши на горы кіевскія, благословилъ ихъ и крестъ святый на нихъ, идѣже теперь церковь св. Симеона стоитъ, поставилъ». А самое мѣсто, гдѣ по преданію св. Андрей поставилъ крестъ, опредѣляется въ густынской лѣтописи 1670 года, въ которой сказано: «св. Андрей, пришедъ идѣже нынѣ горы кіевскія, ихъ же благословивъ и крестъ на нихъ водрузи, *недалеце нынѣшней брамы, отъ полудня*».—Кажется, что и положеніе подольскихъ воротъ или брамы, которою пробѣзжали изъ Стараго Кіева на Подолъ, достаточно опредѣлено въ вышеприведенныхъ свидѣтельствахъ Кальнофойскаго, кіевскихъ градскихъ книгъ и густынской лѣтописи: ворота эти стояли подлѣ Десятинной церкви и того мѣста, гдѣ по преданію св. Андрей водрузилъ крестъ, а дорога отъ нихъ шла на Подолъ мимо литовскаго замка, стоявшаго на нынѣшней флоровской горѣ. Но желающихъ еще точнѣе, наглядно знать ихъ мѣсто отсылаемъ къ хранящемуся въ главномъ

московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ плану Кіева, составленному въ 1693 году въ обширномъ размѣрѣ. На этомъ планѣ ворота кіевскія не только означены, но даже нарисованы съ восточной стороны Десятинной церкви. Онѣ значатся тамъ-же и на планѣ Кіева 1744 года, находящемся въ С.-Петербургѣ, въ главномъ инженерномъ управленіи. Оба эти плана составлены военными инженерами по всѣмъ правиламъ съемки и не даютъ никакого повода смѣшивать Вздыхальницу съ Кудрявской горой и Андреевскій спускъ на Подолъ выдавать за Кудрявскій взвозъ, что можно было дѣлать, толкуя такъ и иначе чертежъ монаха Кальнофойскаго. Впрочемъ такія толкованія плана Кальнофойскаго можно было дѣлать только повѣривъ Закревскому, будто по разсказамъ старыхъ кіевлянъ, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ, Андреевскаго спуска на Подолъ не было до постройки андреевской церкви въ 1744 году и будто до того времени ѣздили съ Стараго Кіева на Подолъ только по одному Кудрявскому взвозу. Мало-ли чего не написалъ Закревскій въ своемъ описаніи Кіева? Онъ и горы переставлялъ, соединивши Киселевку и Вздыхальницу въ одну гору, тогда какъ онѣ стояли отдѣльно одна отъ другой уже въ половинѣ XVI вѣка, во время составленія описи кіевскаго замка королевскими комиссарами.

Итакъ изъ историческихъ свидѣтельствъ и плановъ г. Кіева ясно до очевидности, что церковь св. Симеона стояла не надъ Кожемяками, а надъ Подоломъ, на югъ отъ Десятинной церкви, подлѣ такъ называемыхъ кіевскихъ воротъ, которыми съѣзжали на Подолъ изъ Стараго Кіева и выѣзжали въ оный изъ Подола. Здѣсь еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, ниже андреевской церкви, по свидѣтельству Берлинскаго, видны были остатки древняго кирпичнаго щебня; здѣсь-же, при пониженіи горы Вздыхальницы съемкой земли на 5½ сажень въ 1616 году, открыта пещера въ 3 сажени длины и 1 сажень ширины съ надписью на стѣнѣ «Павелъ», какъ значится о семъ въ современной записи въ рукописной книгѣ: *Хроника Кромера* въ русскомъ переводѣ. Эта пещера подвижника не сомнѣнно свидѣтельствуетъ, что близъ нея существовалъ монастырь, который и дѣйствительно былъ при церкви св. Симеона въ Копыревѣ концѣ.

Съ разрѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ церкви св. Симеона самъ собою разрѣшается и вопросъ о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ и что имъ называлось въ древности. Копыревъ конецъ, въ которомъ находилась церковь св. Симеона съ монастыремъ при ней, былъ не на сѣверо-западной, а на сѣверо-восточной сторонѣ Стараго Города; имъ называлась не Кудрявская покатая гора, а высокая и крутая сѣверо-восточная оконечность старо-кіевской возвышенности, которая въ XVI еще вѣкѣ носила названіе горы «Вздыхальницы». Это гора, выдающаяся въ видѣ мыса между Подоломъ и Гончарами какъ разъ противъ Киселевки; отъ послѣдней она отдѣляется такъ называемымъ теперь Андреевскимъ спускомъ. Заканчивавшій ее бугоръ, какъ замѣтили въ 1555-мъ году королевскіе комиссары, высотой своей превосходилъ гору Киселевку, на которой стоялъ литовскій замокъ, а такая высота бугра вполнѣ соотвѣтствовала названію «Копыревъ конецъ», т. е. конецъ копырчащійся, поднявшійся, вздувшійся. Въ этомъ смыслѣ и теперь понимается слово «копыриться» въ малороссійскомъ нарѣчіи, напр. въ пословицѣ: «копырчыця, якъ шкуратъ на огни», т. е. вздувается, какъ баранья кожа на огнѣ.

Если-же церковь св. Симеона находилась на горѣ Вздыхальницѣ, а не на Кудрявской горѣ; то въ чье имя на этой послѣдней создана была церковь, древніе фундаменты которой открыты въ 1878 году искателями кладовъ? На Старомъ Кіевѣ, кромѣ церквей, которыхъ мѣста болѣе или менѣе извѣстны, были еще церкви св. Спаса, Никиты, св. Іоанна, Екатерины, св. Ѳеодора и Воздвиженія честнаго Креста, коихъ мѣстности еще не опредѣлены. Послѣдняя изъ нихъ, церковь Воздвиженія Креста Господня, построена, какъ извѣстно изъ лѣтописей, около 1215 года княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, который и погребенъ въ ней въ 1228 году. Свидѣтельства о мѣстѣ, гдѣ она находилась, различны и не сходятся между собою. Церковь съ этимъ именемъ упоминается въ южнорусскомъ лѣтописцѣ, принадлежавшемъ М. А. Максимовичу; тамъ сказано, что она «стоитъ отъ полудня, вшедши (съ Подола) на гору, подлѣ которой брама кіевская». Съ этимъ согласно свидѣтельство Синопсиса, что св. Андрей водрузилъ крестъ на мѣстѣ, «идѣже нынѣ (1674 г.) церковь Воздвиженія Креста Господня». Въ грамотѣ Владислава IV, данной игумену кіево-братскаго монастыря

Оксеновичу въ 1638 году, церковь Воздвиженія честнаго Креста называется стоящею «на горной фундаціи». На основаніи этихъ свидѣтельствъ слѣдовало-бы признать, что Мстиславова воздвиженская церковь стояла близъ Десятинной церкви, гдѣ назначалъ ей мѣсто и Берлинскій, выше колодца, бывшаго еще въ недавнее время предъ андреевскою церковью. Но изъ «протестаціи» 1616 г. (Кіев. Ен. Вѣд. 1873 г., стр. 357) видимъ, что церковь Воздвиженія честнаго Креста была въ софійской *слободѣ*, что когда она обвалилась, то священникъ перешелъ на гору и послѣ него жилъ также на горѣ, при церкви св. Василія, другой священникъ—Филиппъ, а въ 1616 г. уже не было и слѣда церкви Воздвиженія. Изъ сопоставленія этого свидѣтельства съ приведенными выше необходимо заключить, что 1) упоминаемая въ нихъ и существовавшая въ XVII вѣкѣ подлѣ Десятинной церкви церковь Воздвиженія была не первоначальная воздвиженская церковь, а какая-то вновь сооруженная и по всей вѣроятности деревянная, какъ можно видѣть изъ путешествія священника Лукьянова въ 1700 году; 2) что каменная, отъ времени обвалившаяся, воздвиженская церковь находилась не на горѣ, а вдали отъ церкви св. Василія (нынѣ трехсвятительской), именно въ софійской слободѣ, хотя на нѣсколько возвышенной мѣстности. Въ какой-же части Стараго Кіева могла быть эта мѣстность? Земельныя угодія крестo-воздвиженской церкви, присоединенныя къ церкви св. Василія, въ 1638 году переданы братскому монастырю по грамотѣ Владислава IV, а въ этой грамотѣ приводится выпись изъ гродскихъ книгъ кіевскаго воеводства за 1593 г., изъ которой видно, что эти угодія находились съ западной стороны Кіева — отъ р. Бобрицы къ Кіеву, простираясь «къ валу, гдѣ стояла *старая* церковь Воздвиженія честнаго Креста», и шли по обѣ стороны дороги, «по *Яцкову* межу», т. е. граничили съ землями Яцкова доминиканскаго монастыря, основаннаго въ Кіевѣ Яцкомъ Одровонжомъ (Памятники Кіев. Ком. Т. II, стр. 292). Изъ грамоты Сигизмунда I-го, данной кіево-михайловскому монастырю, видно, что за львовскими воротами, между ними и Кудрявцемъ, шелъ такъ называемый *пробитый* валъ. Остатки вала на Кудрявской горѣ видны и теперь вблизи той мѣстности, на которой въ 1878 году открыты остатки фундаментовъ древней церкви. По соображенію этихъ историческихъ указаній и того, что Кудрявская гора отдалена отъ трехсвятитель-

ской церкви, что она не составляетъ особой какой-либо горы, а есть только склонъ старокіевской возвышенности, что уровень ея значительно ниже той мѣстности, на которой стоитъ трехсвятительская церковь и въ XVII вѣкѣ эта мѣстность дѣйствительно входила въ составъ софійской слободы, нужно признать, что открытые въ 1878 году на кудрявской митрополичьей усадьбѣ фундаменты принадлежатъ церкви Воздвиженія честнаго Креста, созданной въ началѣ XIII вѣка галицкимъ княземъ Мстиславомъ Мстиславовичемъ Удалымъ, убитымъ на р. Калкѣ въ 1228 году.

---

6. О мѣстности р. Почайны.

Почайной называется нынѣ небольшой ручей, протекающій по кіевскому Оболонью въ направленіи отъ запада къ востоку; въ половинѣ своего теченія онъ образуетъ, въ видѣ озера, бассейнъ воды около 20 саженъ длины и ширины и по выходѣ изъ него впадаетъ въ заливъ Днѣпра, между его косой и набережной улицей Кіево-Подола. Каково было направленіе Почайны въ древности и какова была ея длина, мнѣнія о семъ не одинаковы. Одни полагаютъ, что Почайна нѣкогда протекала по самому Подолу и впадала въ Днѣпръ близъ рождественской церкви; другіе думаютъ, что Днѣпръ нынѣ течетъ у Кіева по древнему руслу Почайны, оставивши свое старое русло, которое находилось ближе къ черниговскому берегу; иные наконецъ того мнѣнія, что Почайна не простиралась дальше нынѣшняго своего впаденія въ Днѣпръ выше Турца. Которое-же мнѣніе ближе къ истинѣ?

Изъ древней нашей лѣтописи видно, что во времена княгини Ольги Почайна служила пристанью для судовъ, приходящихъ по Днѣпру къ Кіеву, чѣмъ это въ родѣ константинопольскаго Золотаго Рога, съ которымъ сравнила его сама Ольга, сказавши посламъ греческаго императора, что она пошлетъ ему дары только тогда, если онъ постоитъ у нея въ Почайнѣ столько времени, сколько она простояла у него въ Судѣ (Золотомъ Рогѣ). По свидѣтельству тойже лѣтописи у Подола—на ручьѣ стояла церковь св. Иліи, въ которой присягали крещеные кіевляне при Игорѣ, заключая договоръ съ греками, и ручай, по которому влекли

въ Днѣпръ низверженнаго при Владимірѣ Перуна, протекалъ противъ Боричева взвоза, т. е. противъ рождественской и трехсвятительской церквей, изъ коихъ одна была началомъ, а другая концемъ Боричева взвоза. Безъ сомнѣнія въ обоихъ случаяхъ въ лѣтописи идетъ рѣчь о Почайнѣ, такъ какъ никакой другой ручей здѣсь не извѣстенъ ни въ древнее, ни въ новое время. Крещеніе кіевлянъ по древней лѣтописи совершилось въ Днѣпрѣ, по хроникамъ XIV и XVII вѣка въ Почайнѣ, близъ того мѣста, гдѣ въ XIV вѣкѣ стояла на Старомъ Кіевѣ церковь св. Петра, а въ XV церковь св. мучениковъ (Бориса и Глѣба) у Турова. Берлинскій, умершій въ 1840 году и прожившій въ Кіевѣ 60 лѣтъ, въ своемъ описаніи Кіева говоритъ, что Почайна еще въ началѣ XVIII вѣка составляла довольно глубокую рѣчку, которая, отдѣляясь отъ Днѣпра узкою косой, соединялась съ Днѣпромъ ниже Крещатика. Закревскій, позднѣйшій описатель Кіева, родившійся въ 1805 г. и прожившій въ Кіевѣ 30 лѣтъ, слышалъ тоже отъ старожиловъ Кіева и самъ, какъ очевидецъ, удостовѣряетъ, что коса, отдѣлявшая Почайну отъ Днѣпра, въ 1814 году начиналась противъ кузницъ, стоявшихъ по днѣпровскому берегу, ниже рождественской церкви, что коса эта имѣла въ длину до 60, а въ ширину около 7 саженей, отъ Подола-же отстояла на 40 саженей и что остатокъ этой косы совершенно снесенъ во время разлива Днѣпра въ 1829 году. Такія, довольно сходныя между собою, свидѣтельства двухъ кіевскихъ старожиловъ вполнѣ подтверждаются планомъ г. Кіева 1693 г., хранящимся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

На этомъ планѣ, на который нанесенъ Днѣпръ со всѣми его рукавами и притоками у Кіева, Почайна представлена протекающею по восточной окраинѣ Подола, отдѣляясь отъ Днѣпра песчаною косой, которая начиналась противъ нынѣшней борисоглѣбской улицы и оканчивалась нѣсколько ниже крещатицкаго источника. Въ концѣ борисоглѣбской улицы, противъ стоявшей здѣсь Духовской церкви, былъ перекинутъ мостъ съ набережной черезъ Почайну на косу, а путь по косѣ противъ рождественской церкви сворачивалъ на другой мостъ, устроенный съ косы чрезъ Днѣпръ къ противоположному черниговскому берегу.

Причины исчезновенія Почайны можно видѣть изъ «Описанія Кіева» Берлинскаго. Основываясь на бывшемъ въ его рукахъ предписаніи кіевской губернской канцеляріи кіевскому магистрату около 1710—1718 года, онъ говоритъ, что во время турецкой войны этого времени барки съ грузами, приходившія изъ Брянска рѣкою Десной, для предохраненія отъ льдинъ заводились на зимовье въ вершину Почайны и тамъ причаливались къ деревянымъ клѣтямъ, сдѣланнымъ для укрѣпленія береговъ, почему мѣсто ихъ стоянки названо «*Притыкой*». Для сокращенія прохода изъ Десны чрезъ Днѣпръ въ Почайну, проколанъ былъ тогда-же противъ Оболони каналъ въ материкѣ, отдѣлявшемъ Почайну отъ Днѣпра: между тѣмъ въ этотъ каналъ устремилось главное теченіе Днѣпра, такъ что срѣзало большую часть косы, находившейся между двумя рѣками, оставивъ отъ нея лишь верхнюю часть, прилегавшую къ сѣверной сторонѣ Оболонья, и нижнюю у устья Почайны, отъ Духовской церкви до крещатицкаго источника. Смывши постепенно и нижнюю часть косы, Днѣпръ совершенно поглотилъ Почайну, и за тѣмъ сталъ напоромъ своимъ отмывать материкъ самаго Подола: уничтожено такимъ образомъ до 300 домовъ постояннымъ отмываньемъ берега Подола, пока не положенъ этому предѣлъ по всему его протяженію отъ канавы до крещатицкаго источника устройствомъ около 1840 г. набережной изъ туровъ и фашинника.

Представленное Берлинскимъ объясненіе убавленія и наконецъ совершеннаго поглощенія Почайны Днѣпромъ подтверждается сохраняющимся въ С.-Петербургѣ въ главномъ инженерномъ управленіи планомъ г. Кіева 1745 г., составленнымъ въ огромномъ размѣрѣ при кіевской инженерной командѣ. На этомъ планѣ означены подъ № 64 Духовскія ворота противъ борисоглѣбской улицы, съ поясненіемъ, что здѣсь переправляются въ Подолъ чрезъ Днѣпръ, а на особой наклейкѣ подъ № 100 означено мѣсто въ верховьѣ Почайны, гдѣ затоплены байдаки для отвода стремленія Днѣпра отъ кіевскаго берега на противоположную (черниговскую) луговую сторону. При этомъ отмѣчено, что гдѣ нѣтъ мельницъ, тамъ вода пробѣгаетъ 40 саженей въ 3 минуты, а вблизи мельницъ отъ 80 до 90 саженей въ тотъ-же промежутокъ и что рѣка у этого берега годъ отъ году становится глубже.

Но не помогли и затопленные байдаки. Тогда инженеры придумали для отвода Днѣпра отъ кіевскаго берега прорыть материкъ, отдѣлявшій отъ Днѣпра рѣчку Чарторыю: но вышла отъ сего новая бѣда: Днѣпръ устремился съ такою силою по каналу въ Чарторыю, что явилось опасеніе, какъ-бы Днѣпръ совсѣмъ не ушелъ отъ Кіева къ черниговскому берегу. Вотъ съ этого-то времени и началось пруженіе прохода въ Чарторыю, которое продолжается до нынѣ съ слабымъ успѣхомъ для дѣла и съ большими затратами для казны, хотя не безъ выгоды для производителей работъ, съ поводу которыхъ образовалась въ Кіевѣ поговорка, будто самая лучшая рыбка ловится въ Чарторыѣ.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ становится довольно яснымъ и опредѣленнымъ положеніе р. Почайны въ древности: она, выходя изъ Оболонья, протекала не посреди Подола, а по восточной его окраинѣ и впадала въ Днѣпръ ниже Крещатика; у рождественской церкви устье ея представляло собою какъ-бы заливъ Днѣпра, весьма удобный для судоходной пристани. Хотя Почайна была ближе къ городу, чѣмъ Днѣпръ; но какъ она была всегда наполнена большими и малыми судами, приходившими по Днѣпру; то естественно, что крещеніе кіевлянъ съ большимъ удобствомъ могло совершиться въ Днѣпрѣ, гдѣ оно и дѣйствительно происходило по сказанію нашей лѣтописи.

П. Л—въ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе) [1]).

VII.

Дорога въ г. Бакоту.—Расположеніе села.—Монастырскія вещеры.—Вѣдьмы и знахарки.—Преданіе о панѣ Фармазонѣ.—Мѣстные промыслы.—Историческія свѣдѣнія о Бакотѣ.—Вѣдьмы и знахари.

Подвигаясь дальше внизъ по Днѣстру, верстахъ въ 5—6 къ сѣверо-востоку отъ Студеницы встрѣчаемъ древнюю столицу галицкаго Понизья, теперь село Бакоту.

Ближайшая дорога изъ Студеницы въ Бакоту идетъ сухимъ путемъ, поэтому мы вошли въ согласіе съ однимъ изъ крестьянъ, съ которымъ успѣли познакомиться и который подрядился доставить насъ вмѣстѣ съ пожитками въ Бакоту, а затѣмъ въ Старую Уницу. Въ назначенное время, часовъ около шести утра, хозяинъ подводы зашелъ освѣдомиться, собираемся-ли мы въ путь и, увидѣвъ, что мы уже совсѣмъ готовы, отправился домой запрягать лошадей. Такая аккуратность, разумѣется, удивила насъ несказанно, давая поводъ надѣяться, что на этотъ разъ по крайней мѣрѣ намъ не придется имѣть дѣло съ традиціонной подольской медлительностію. Не тутъ-то было! Проходитъ часъ, другой, а подводы все нѣтъ какъ нѣтъ; мы ждемъ съ минуты на минуту, стараясь какъ-нибудь убить время. Наконецъ часовъ въ одиннадцать, потерявъ терпѣніе, рѣшаемся идти пѣшкомъ въ Бакоту, оставивъ вещи на квартирѣ. На улицѣ встрѣтила насъ мать нашего возницы, весьма благодушно

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрьск. кн., стр. 53—81.

объяснившая промедленіе своего сына тѣмъ, что онъ «доварює мамалыгу и черезъ те ибы грохи й спизнився»; сверхъ того онъ долженъ у всѣхъ мѣстныхъ евреевъ забрать письма и порученія къ бакотскимъ и ушицкимъ купцамъ. При этомъ съ особенной живостью припомнилась намъ трагическая судьба Подольской земли въ удѣльное до-литовское время, когда здѣшній народъ пропустилъ собственное историческое развитіе, доваривая мамалыгу. Уже за мѣстечкомъ догнала насъ подвода, запряженная парой невѣроятно малыхъ лошадокъ, съ ясной примѣсью турецкой породы (слѣды турецкой культуры XVIII в.), по наружному виду чрезвычайно похожихъ на крысъ, и мы уже спокойно могли пуститься въ путь.

Тотъ-часъ по выходѣ изъ мѣстечка, миновавъ «*горальню*», дорога сначала довольно круто подымается въ гору вдоль оврага, въ которомъ найдены мамонтовыя кости, затѣмъ извивается по сѣвернымъ, болѣе пологимъ склонамъ *Бѣлой горы* и наконецъ выходитъ на довольно возвышенную, слегка волнистую равнину. Вправо отъ дороги тянется высокій днѣстровскій берегъ, влѣво все дальше и дальше отходятъ зеленѣющія горы и дорога вьется среди свѣже вспаханныхъ полей, на которыхъ при солнечномъ свѣтѣ блестятъ тысячи кремневыхъ осколковъ; послѣ особенно удачнаго сбора кремневыхъ орудій на вспаханныхъ поляхъ *Бѣлой горы*, любопытство наше, какъ археологовъ, было сильно возбуждено; въ каждомъ кремнѣ намъ чудилось орудіе и мы ежеминутно жалѣли, что время не дозволяетъ намъ встать съ воза и обойти всѣ нивы, хотя для осмотра ихъ потребовалось-бы нѣсколько дней. По мѣрѣ приближенія къ Бакотѣ мѣстность постепенно понижается и по обѣ стороны дороги, на сколько глазъ захватитъ, тянутся сплошныя, необозримыя плантаціи кукурузы почти въ человѣческій ростъ, при чемъ отдѣльныя нивы едва раздѣляются между собою самыми узкими тропинками.

Наконецъ дорогу пересѣкаетъ маленькая горная рѣчка, или скорѣе ручей, Теремка, которую свободно переѣзжаютъ и переходятъ въ бродъ; по другую сторону ея начинается самое село Бакота. Кажется, ручей получилъ свое названіе отъ села Теремецъ, расположеннаго по его теченію нѣсколько выше Бакоты; здѣсь, правдоподобно, находился загородный княжескій теремъ въ то время, какъ Бакота была стольнымъ городомъ; по крайней мѣрѣ существуетъ

въ южной Руси нѣсколько селъ съ такимъ именемъ, расположенныхъ вблизи древнихъ княжескихъ столицъ.

Нынѣшняя Бакота расположена, подобно Студеницѣ, при впаденіи р. Теремки въ Днѣстръ въ глубинѣ весьма значительнаго днѣстровскаго залива; глубокая долина, по которой раскинулось село, окаймлена съ запада пологими склонами и ручьемъ Теремкой; на сѣверѣ тянется амфитеатромъ довольно крутая, поросшая тощимъ дерномъ гора, на вершинѣ которой, вѣроятно, находилась древняя Бакота. У подножія этой горы, среди густыхъ садовъ и огородовъ раскинулось небольшое село, состоящее изъ двухъ-трехъ рядовъ хатъ, вытянутыхъ вдоль днѣстровскаго берега; посреди села выглядываютъ изъ зелени три купола маленькой деревянной церкви настоящей украинской архитектуры; противъ церкви усадьба мѣстнаго помѣщика съ огромнымъ фруктовымъ садомъ. Глубокій оврагъ отдѣляетъ село и окаймляющую его гору отъ третей горы, защищающей Бакоту съ востока, и подходитъ къ самому берегу Днѣстра. Послѣдняя гора представляетъ большое сходство съ *Бѣлою горою* въ Студеницѣ, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по другимъ особенностямъ; это самая высокая изъ окрестныхъ горъ (по недавно сдѣланнымъ измѣреніямъ она достигаетъ 72 саженъ надъ уровнемъ Днѣстра); она состоитъ изъ той-же самой известковой породы, что и студеницкія горы, и такъ-же называется *Бѣлою горою*. Югозападный склонъ, обращенный къ Днѣстру, чрезвычайно обрывистый; верхняя его половина представляетъ почти отвѣсную стѣну, съ нависшими по мѣстамъ скалами, которыя вскорѣ должны обрушиться; ближе къ основанію горы спускъ становится болѣе отлогимъ, благодаря осыпямъ вывѣтривающагося камня сверху. Вершина и остальные склоны *Бѣлой горы*, такъ-же какъ и въ Студеницѣ, покрыты неглубокимъ слоемъ наносной земли, поросшимъ травою или воздѣлываемымъ подъ пахать, при чемъ каменная подпочва зачастую обнажается на поверхности земли. Чтобы взойти на *Бѣлую гору*, приходится сначала подыматься по оврагу, вырытому въ скальномъ грунтѣ дождевою водою; его русло, представляющее рядъ уступовъ, даетъ въ общемъ естественныя ступеньки, значительно облегчающія довольно крутой подъемъ; дальше въ гору зигзагами вьются тропинки, проложенныя пастухами. На вершинѣ горы виднѣется курганъ, еще издали привлекшій наше вниманіе; тотчасъ

явилось желаніе его раскопать и вмѣстѣ съ тѣмъ невольная надежда, что это могила какого-нибудь князя, похороненнаго примѣрно въ такомъ костюмѣ, въ какомъ лѣтопись рисуетъ Даніила Галицкаго, въ гостяхъ у венгерскаго короля или, можетъ быть, здѣсь погребенъ самъ Милѣй, народный предводитель, которому признательные галичане насыпали высокую могилу на самомъ видномъ и неприступномъ мѣстѣ Баколы... Какъ-бы то ни было, курганъ надо было раскопать.

Зная изъ рѹсскихъ и польскихъ источниковъ кое-что о минувшей жизни Баколы, мы знали такъ-же, что въ Бѣлой горѣ находится довольно извѣстная пещера; были сверхъ того указанія на существованіе похороннаго поля близъ села. Въ виду высокаго историко-археологическаго интереса, заключающагося въ этихъ свѣдѣніяхъ, рѣшено было обратиться къ мѣстному помѣщику, г. Шиманскому съ просьбой о содѣйствіи и указаніяхъ при осмотрѣ названныхъ памятниковъ древности.

Г. Шиманскій, не смотря на свои занятія хозяйствомъ, съ величайшей любезностью дозволилъ намъ произвести на его землѣ какія угодно раскопки, самъ помогъ отыскать проводника и рабочихъ и весьма обязательно сообщилъ все, что зналъ о мѣстныхъ древностяхъ и достопримѣчательностяхъ, о бытѣ, характерѣ и занятіяхъ населенія и т. д. Оказалось, что въ селѣ и на поляхъ довольно часто встрѣчаются старинныя, большею частью польскія монеты; почти при каждой постройкѣ находятся человѣческія кости и черепа, но о похоронномъ полѣ въ собственномъ его смыслѣ ничего неизвѣстно. Вмѣсто него г. Ш. указалъ намъ на окраинѣ села камень, повидимому искусственно здѣсь положенный и пользующійся у жителей суевѣрнымъ уваженіемъ. Подъ этимъ камнемъ, по разсказамъ селянъ, долженъ находиться кладъ, заклятый своимъ владѣльцемъ; съ своей стороны, пріученные къ преданіямъ о кладахъ, мы разсчитывали найти здѣсь слѣды древняго, быть можетъ языческаго погребенія.

Проводникъ и рабочіе весьма неохотно указывали дорогу, нѣсколько разъ останавливались, увѣряя, что ничего особеннаго мы не увидимъ, камень самый обыкновенный и т. д. Тоже самое повторяли встрѣчные селяне, узнавъ отъ нашихъ людей, куда мы идемъ; наконецъ, видя наше упрямство, публика рѣшилась подѣй-

ствовать на насъ страхомъ: принялись разсказывать, какъ нѣсколько времени назадъ одинъ изъ крестьянъ, жившій вблизи отъ таинственнаго камня, задумалъ открыть спрятанный подъ нимъ кладъ. Какъ принято въ такихъ случаяхъ, темною ночью принялся онъ за работу, но едва только поднялъ камень и скатилъ съ мѣста, какъ его поразила невидимая сила: судорога свела всѣ его члены, такъ что онъ едва ползкомъ добрался до хаты и тотчасъ заболѣлъ: около года оставался онъ безъ движенія и почти безъ пищи и сталъ уже готовиться къ смерти. Наконецъ одинъ знахарь посовѣтовалъ больному положить обратно заклятый камень, бывшій причиною несчастья. Будучи слишкомъ слабъ, чтобы самому выполнить приказаніе, крестьянинъ пригласилъ на помощь нѣсколькихъ пріятелей, которые привели его къ роковому мѣсту и принялись поднимать камень. Тутъ-же присутствовалъ упомянутый знахарь и распоряжался церемоніею; когда камень былъ поднятъ и оставалось только поставить его на старомъ мѣстѣ и въ прежнемъ положеніи, знахарь приказалъ больному помогать по мѣрѣ силъ, или хоть держаться за камень рукою. Едва окончилось водруженіе святыни, какъ силы возвратились къ больному—онъ могъ расправиться и уже безъ посторонней помощи воротился въ хату, а вскорѣ и совсѣмъ выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ камень пользуется религіознымъ уваженіемъ и никто не рѣшается его тронуть съ мѣста.

Разсказъ этотъ, съ незначительными варіантами, повторялся всѣми встрѣчными крестьянами; мало по малу общественное мнѣніе стало враждебно настраиваться противъ невѣдомыхъ пришельцевъ, рѣшившихся нарушить неприкосновенность святыни; въ публикѣ громко начали раздаваться замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «отъ-таке и вамъ буде, що ноги до головы притягне». Мы пробовали отнучиваться въ отвѣтъ на подобныя замѣчанія и кое какъ, черезъ чужіе дворы и перелазы, вышли на край села близъ устья Теремки; здѣсь на открытомъ мѣстѣ, на склонѣ небольшаго холма, среди поля или выгона увидѣли мы наконецъ чудесный камень. Видъ его дѣйствительно не представлялъ ничего замѣчательнаго—просто глыба мѣстнаго известняка, весьма неправильной формы и безъ малѣйшихъ слѣдовъ отдѣлки; положеніе его мало подавало надежды на какую нибудь находку, но желаніе открыть похоронное поле было слишкомъ велико и мы рѣшились приступить къ раскопкѣ.

Между тѣмъ вышелъ хозяинъ сосѣдней хаты—тотъ самый крестьянинъ, который поплатился за покушеніе на неприкосновенность камня, и самъ началъ разсказывать извѣстную уже намъ исторію. Подъ вліяніемъ-ли суевѣрнаго страха, или неодобрительнаго шопота окружающей публики, рабочіе на отрѣзъ отказались копать. Въ первый разъ еще намъ пришлось столкнуться съ такимъ глубокимъ суевѣріемъ и нужно было-бы оставить свое намѣреніе, если-бы Мариничукъ, съ свойственной ему находчивостью, не побѣдилъ сопротивленія, *побожившись*, что мы принимаемъ на себя весь грѣхъ и отвѣтственность за него. Только тогда рабочіе, хотя и неохотно, принялись за дѣло, вѣроятно съ тайной надеждой, что невидимая сила покараетъ дерзкихъ пришельцевъ. Впрочемъ раскопка не увѣнчалась успѣхомъ. Подняли ломами грозный камень, оказавшійся довольно значительнаго объема, такъ что нужно было удивляться, какъ, не смотря на большую легкость известняка, одинъ человѣкъ могъ сдвинуть его съ мѣста; вѣроятно нашъ кладоискатель просто подорвался и это и была поразившая его невидимая сила. Подъ означеннымъ камнемъ оказалось нѣсколько другихъ поменьше и затѣмъ, на глубинѣ около аршина, во всѣ стороны пошла скальная подпочва,—дальше вести раскопку не было нужды. Такимъ образомъ похоронное поле оказалось фикціею; видя, что мы остались невредимы, публика нѣсколько ободрилась, но все таки наемѣшливо посматривала, радуясь нашей неудачѣ и вѣроятно соображая, что кладъ, не для насъ положенный, по мѣрѣ приближенія къ нему, глубже уходилъ въ землю.

Какъ-бы то ни было, не отчаиваясь послѣ первой неудачи, мы рѣшились попытать счастья въ другомъ мѣстѣ и отправились раскапывать курганъ, видѣвшійся на вершинѣ *Бѣлой горы*.

Нужно было снова пройти село во всю его длину и затѣмъ подыматься по стѣнкамъ оврага. Взобравшись на гору, намъ удалось найти вблизи кургана два-три кремневые ножа и такое-же отбивное долото, ясно палеолитическвой эпохи. Эта, по видимому, незначительная находка сразу подняла упавшій духъ бѣдныхъ археологовъ и они съ новой энергіей приступили къ предварительному осмотру и промѣрѣ кургана. Хотя величина его незначительна—всего около аршина въ вышину, но видѣнъ онъ издали, благодаря своему положенію на самой вершинѣ горы, почти на краю обрыва;

курганъ выложенъ въ два яруса довольно большими камнями неправильной формы.

Въ самой насыпи кургана, за исключеніемъ скелета въ сидячемъ положеніи и разбитаго глинянаго сосуда, по величинѣ и формѣ чрезвычайно похожаго на нашу «покрышку», ничего больше не найдено. Ниже скелета начинался скальный грунтъ; такимъ образомъ и на этотъ разъ надежды наши не оправдались: могила не могла принадлежать лицу богатому или съ высокимъ общественнымъ положеніемъ и, за исключеніемъ черепа и нѣкоторыхъ костей, не давала матеріала для сколько нибудь точнаго опредѣленія эпохи.

Одновременно съ этимъ насъ ожидало еще одно разочарованіе. Пока Маринчукъ слѣдилъ за раскопкой, его вѣрный спутникъ, мучимый страстью къ колекціонерству, отправился на поиски каменныхъ орудій, но и въ этомъ отношеніи жатва была не велика—мнѣ попались всего три-четыре обломка кремневыхъ ножей и скребковъ, и только. Блуждая по горѣ, я замѣтилъ невдалекѣ отъ кургана многочисленную группу маленькихъ, продолговатыхъ холмиковъ, сложенныхъ изъ камня и поросшихъ сверху травою; раскинутые на большое пространство, холмики чрезвычайно напоминали могилы, сходство довершала покрывавшая ихъ растительность—трава и полевые цвѣты, встрѣчающіеся по преимуществу на кладбищахъ.—Вотъ это и есть настоящее похоронное поле, подумалъ я и съ восторгомъ принялся раскапывать одинъ изъ курганчиковъ, не смотря на убѣжденія рабочихъ, что никакихъ могилъ здѣсь нѣтъ. Однако и на этотъ разъ рабочіе были правы: дѣйствительно, раскопавши въ разныхъ мѣстахъ три-четыре насыпи, мы не нашли ничего похожаго на могилы, просто кучи камней, набросанныя на поверхности земли, и ничего больше; правда, въ землѣ, наполнявшей промежутки между камнями, попадались изрѣдка обломки костей и кремневыхъ осколковъ, но было ясно, что они попали сюда случайно или вмѣстѣ съ землей.

Происхожденіе этихъ насыпей объясняется весьма просто: въ прежнее время вершина горы распахивалась для посѣвовъ, при чемъ крестьяне сбрасывали въ сторону всѣ попадавшіеся подъ плугъ камни, какъ это дѣлается повсюду въ горныхъ мѣстностяхъ; теперь эти поля оставлены подъ пастбища и курганчики начинаютъ по-

крываться землей, что придаетъ имъ еще больше сходства съ могилами.

Я позволяю себѣ остановиться на этихъ неинтересныхъ подробностяхъ единственно изъ желанія предостеречь отъ ошибки археолога, который захотѣлъ-бы искать похоронныхъ полей въ окрестности Бакоты: если такія поля существуютъ здѣсь, то ихъ надо искать въ другомъ направленіи, дальше отъ днѣстровскаго берега. Мы-же, послѣ всѣхъ понесенныхъ неудачъ, рѣшили покончить съ этими поисками, тѣмъ болѣе, что оставшееся время едва дозволяло осмотрѣть пещеру и прилегающее къ ней древнее урочище Монастырисько.

Пещера находится шагахъ въ пятидесяти къ югу отъ кургана, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горы. Ея корридоры, очевидно искусственно вырубленные въ скалѣ, или по крайней мѣрѣ подѣланные, винтообразно спускаются внизъ въ видѣ громадной спирали въ два оборота, расширяющейся къ низу на подобіе улитки, при чемъ и самый ходъ становится шире. Входъ въ пещеру открывается въ видѣ колодца въ пагорной площадкѣ, на которой въ этомъ мѣстѣ незначительный слой чернозема покрываетъ скалу. Вышина всей пещеры достигаетъ до десяти саженъ въ обоихъ оборотахъ; значительная часть поля въ верхнемъ оборотѣ провалилась, поэтому крестьянскіе мальчики, которые часто лазятъ въ пещеру, набросали здѣсь противъ входа кучу камней, на которую прыгаютъ сверху: взрослый человѣкъ можетъ достать до нея, ухватившись обѣими руками за края входнаго отверстія, или-же долженъ спуститься сюда по канату и дальше продолжать путь по крутому спуску, держась руками за противоположныя стѣны корридора. Вообще спускаться по канату удобнѣе и безопаснѣе для человѣка непривычнаго или не обладающаго особенно крѣпкими нервами, такъ какъ широкій нижній конецъ выходитъ прямо въ отвѣсной скалѣ надъ Днѣстръ, надъ урочищемъ Монастырискомъ, и сверхъ того боковая стѣнка въ началѣ второго оборота выпала и представляетъ открытое отверстіе надъ пропастью. Здѣсь уже канатъ необходимъ для человѣка непривычнаго, потому что можно держаться только за одну стѣнку, а между тѣмъ достаточно только слегка оступиться, чтобы потерять равновѣсіе и очутиться внизу. Глядя сверху въ отверстіе, прямо подъ вами на страшной глубинѣ видиѣется Днѣстръ—

земли не видно, такъ какъ береговая полоса и осыпи у подножія горы слишкомъ незначительны,—подобный видъ, разумѣется, не можетъ придать храбрости зрителю. Несомнѣнно, что въ древности пещера была обширнѣе и представляла больше удобствъ для жилья, но съ теченіемъ времени она мало по малу обрушивается, по причинѣ вывѣтриванія известковой скальной породы и, подобно всѣмъ подольскимъ пещерамъ, становится все меньше и неприступнѣе.

Мы можемъ только догадываться съ большей или меньшей вѣроятностью о происхожденіи и первоначальномъ назначеніи бакотской пещеры въ древнѣйшую пору, но извѣстно, что въ послѣдствіи, уже въ историческія времена, она составляла часть христіанскаго монастыря, лежавшаго вѣроятно у подошвы горы и соединявшагося нѣкогда съ пещерою ступеньками, вырубленными въ скалѣ; этимъ объясняется ея внутреннее расположеніе. Въ нижнемъ оборотѣ спирали замѣчаются двѣ небольшія келіи съ нѣсколько выпуклыми сводами, высѣченныя въ скалѣ одна надъ другою съ правой и съ лѣвой стороны; размѣры келій весьма незначительны: около девяти футовъ длины, четыре фута ширины и около шести вышины; сверхъ того онѣ наполнены до половины занесенной сверху рыхлой наносной землею. При самомъ концѣ послѣдняго оборота, нѣсколько ниже означенныхъ келій, замѣчаются съ каждой стороны пещеры по двѣ глубокія зарубки въ стѣнѣ, расположенныя другъ противъ друга, которыя очевидно закладывались досками, представляя возможность постройки третей келіи на половину деревянной, на половину каменной; въ серединѣ ея, въ лѣвой стѣнѣ вырубленная небольшая ниша, которая могла служить изголовьемъ, правда не очень мягкимъ, но для отшельника другаго и не полагается.

Отверстіе пещеры выходитъ прямо на урочище «Монастырисько», съ которымъ она, очевидно, находилась въ связи въ прежнее время, теперь-же по причинѣ сильныхъ обваловъ прекратилась возможность сообщенія между двумя частями древняго монастыря. Прямо спуститься съ горы нѣтъ никакой возможности; чтобы попасть на «Монастырисько», нужно возвращаться прежнею дорогою въ селю, отъ котораго урочище отдѣляется топкимъ, болотистымъ лугомъ.

Спускаясь вдоль оврага, крестьяне разсказали намъ связанное съ нимъ преданіе о прежнемъ панѣ, которому принадлежала Ба-

кота, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія; къ сожалѣнію, я забылъ его имя. Панъ этотъ былъ медикъ, большой оригиналъ, одаренный какою-то сверхъестественной силой, по мнѣнію современниковъ, которыхъ онъ поражалъ своими оригинальными выходками. Такъ напримѣръ, не желая жить въ селѣ среди людей, панъ поселился въ оврагѣ, при началѣ *Бѣлой горы*; къ одной изъ стѣнъ оврага онъ пристроилъ домъ, такъ что нависшій утесъ образовалъ плоскую крышу, на которой онъ насадилъ виноградникъ. Вокругъ дома, къ удивленію всѣхъ окрестныхъ жителей, панъ развелъ огромный фруктовый садъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ на обнаженномъ почти известковомъ грунтѣ; это предпріятіе потребовало, конечно, много знанія, терпѣнія и самаго упорнаго труда; неудивительно поэтому, что суевѣрное населеніе Бакоты приписывало успѣхъ сверхъестественнымъ силамъ. Изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжали къ доктору больные, прогуливались въ его висячихъ садахъ и часто жили здѣсь во все время лѣченія.

Память народная сохранила много разсказовъ, въ которыхъ бывшій панъ является лицемъ полумиѳическимъ. Такъ напримѣръ разсказываютъ, что панъ всегда ходилъ пѣшкомъ, не стѣсняясь разстояніемъ, и ходилъ съ неимовѣрной быстротой; напримѣръ, если ему нужно было отправиться въ Каменецъ, онъ посылалъ кучера съ лошадьми и экипажемъ почтовой дорогой, а самъ шелъ напрямикъ, черезъ горы и рѣки, и пѣшкомъ поспѣвалъ всегда раньше кучера, и т. п. Въ одну изъ такихъ экскурсій зимою, его захватила вьюга и онъ замерзъ на пути. Какъ-бы то ни было, это повидимому была на столько выдающаяся личность для своего времени и окружающей среды, что какъ современники, такъ и потомки не могли считать его обыкновеннымъ человѣкомъ и видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ волшебника или «характерника», какъ у насъ называетъ народъ, — «фармазонъ бувъ покійний панъ», прибавилъ разсказчикъ.

По смерти *пана фармазона* его оригинальное жилище было оставлено наслѣдниками и мало по малу приходило въ разрушеніе; садъ и виноградникъ, разведенные съ такимъ трудомъ, тоже не многимъ пережили своего владѣльца—вскорѣ они были вырублены бакотскими жителями на разныя хозяйственныя нужды. Показываютъ еще мѣсто, гдѣ стоялъ домъ и садъ, но отъ нихъ уже не со-

хранилось и слѣда: чего не успѣли разрушить люди, то докончила дождевая вода, унесшая даже плодородную почву изъ оврага, такъ что теперь остался только чистый скальной грунтъ.

Минуя оврагъ и болото, подходимъ къ самому берегу Днѣстра; у подножія *Бѣлой горы* берегъ на столько возвышенъ, что не заливается даже весною,—это и есть «Монастырисько». Урочище занимаетъ пространство до двухъ десятинъ, поросшее густымъ бурьяномъ почти въ человѣческій ростъ и заваленное глыбами камней, которыя въ продолженіи столѣтій обрушивались съ горы. Противъ пещеры сохранились слѣды стѣны, явно циклопической постройки; стѣна тянется по прямой линіи отъ огромнаго утеса, лежащаго уже въ водѣ, почти до самаго подножія горы. Не вдалекѣ отъ стѣны расположены горизонтально въ разныхъ мѣстахъ три плоскія продолговатыя плиты изъ того-же известняка, похожія на надгробныя плиты, но безъ всякихъ слѣдовъ надписей, очень толстыя и плохо отесанныя. Вмѣстѣ съ пещерой и остатками стѣны это все, что осталось отъ древняго монастыря.

По осматривая со вниманіемъ разсѣянные на полянѣ камни, мы встрѣтили нѣчто несравненно болѣе интересное и неожиданное,—цѣлое открытіе въ археологическомъ отношеніи. Среди множества скалъ разной величины и самой неправильной формы, скатившихся съ горы, вниманіе мое привлекли попадавшіяся мѣстами группы камней, какъ будто бы искусственно расположенныя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ монастырской стѣны. Расположенныя на самомъ берегу рѣки, противъ пещеры, обращенной выходомъ на юго-западъ (характерный признакъ жилищъ каменнаго вѣка), вблизи которой вдобавокъ попадаются каменныя орудія, подобныя группы невольно наводили на мысль о мегалитахъ.

Правда, этого рода сооруженій еще мало извѣстно въ Россіи; но если существуютъ ясные мегалитическіе памятники въ Херсонщинѣ, то еще вѣроятнѣе встрѣтить ихъ въ Подоліи. Вѣдь открытія и толковаго описанія двухъ-трехъ подобныхъ памятниковъ достаточно, чтобы пролить яркій свѣтъ на состояніе этого вопроса въ наукѣ, а при этомъ удобномъ случаѣ и самому прославиться и получить извѣстность въ археологическомъ мірѣ—перспектива, конечно слишкомъ заманчивая для нашего брата, но въ тоже время требующая большой осторожности при оцѣнкѣ и опредѣленіи па-

мятниковъ. Такъ думалъ я, сидя въ нерѣшительности на одномъ изъ камней и соображая, слѣдуетъ-ли его промѣрить и опредѣлить его отношеніе къ другимъ, или не стоитъ.

Восклицаніе моего друга вызвало меня изъ задумчивости. Не смотря на свой скептицизмъ по вопросу о мегалитахъ, Марунчукъ въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе меня. Я нашелъ его въ почтительномъ созерцаніи передъ скалой около сажени въ вышину, очень явственно описанной въ видѣ не совсѣмъ правильной пирамиды, стоящей на основаніи; на ея фасѣ, обращенномъ къ рѣкѣ, глубокими и весьма грубыми чертами вырѣзанъ рисунокъ, изображающій двѣ человѣческія фигуры. Одна, около аршина вышины, представляетъ человѣка, идущаго на лѣво,—ступни обѣихъ ногъ обращены въ эту сторону, но голова и туловище представлены *en face*, руки разставлены въ обѣ стороны, грудь и животъ очерчены одной линіей,—очевидно первобытный художникъ не совладалъ съ трудной задачей представить цѣлую человѣческую фигуру въ профиль. Впрочемъ нужно отдать ему справедливость, фигура эта отдѣлана съ нѣкоторыми подробностями: на рукахъ сдѣланы пальцы, шея нѣтъ, за-то на головѣ волосы на подобіе лучей или сіянія. Рядомъ съ этой стоитъ другая фигура болѣе грубой отдѣлки и значительно меньше первой: головы ихъ на одномъ уровнѣ, а ноги второй какъ-бы стоятъ на протянутой лѣвой рукѣ первой: второй человѣкъ весь представленъ *en face*, руки безъ пальцевъ, ноги запяты врозь на подобіе полозьевъ; онъ какъ будто издали слѣдуетъ за первымъ. Между головами вырѣзанъ маленькій крестъ, сдѣланный, повидимому, другой рукой и въ позднѣйшее время, вѣроятно жившими здѣсь монахами.

Какъ по положенію фигуръ, такъ и по характеру выполненія эта картинка должна быть отнесена къ древнѣйшей порѣ человѣческой культуры, къ разряду рисунковъ на скалахъ, причисляемыхъ нѣкоторыми археологами къ числу украшеній мегалитическихъ памятниковъ. Итакъ, не оставалось больше сомнѣнія, сдѣлано наконецъ открытіе, вознаграждавшее насъ за неудачи цѣлаго дня; оставалось только продолжать изслѣдованіе терена. На той-же полянѣ замѣтны еще три пирамиды, подобныя первой, но опрокинутыя и безъ рисунковъ, по крайней мѣрѣ на трехъ открытыхъ сторонахъ не замѣчено никакихъ изображеній, а поднять камень, чтобы осмо-

трѣть обращенную къ землѣ грань, мы не могли по причинѣ ихъ огромности. Наконецъ къ тому-же разряду памятниковъ можно отнести громадный утесъ, упирающійся острымъ концемъ въ дно рѣки, а другимъ краемъ прилегающій къ берегу; его окружаетъ и поддерживаетъ группа камней меньшихъ размѣровъ, такъ что можно на него вылѣзть, не замочивши ногъ. Положеніе этой скалы ясно указываетъ на то, что она не могла, оборвавшись съ горы, сама докатиться сюда и стать такъ безъ посторонней помощи; очевидно, здѣсь дѣло искусственной постановки. Поверхность утеса покрыта множествомъ круглыхъ углубленій, на подобіе чашекъ разной величины; одно изъ нихъ продолговатое имѣетъ видъ какъ-бы человѣческой стопы. Эти чашки, выдолбленныя повидимому человѣческими руками, еще болѣе подтверждаютъ догадку объ отдѣлкѣ и постановкѣ утеса еще въ доисторическія времена. Позже, во время существованія здѣсь монастыря, онъ могъ исполнять другое назначеніе, чѣмъ служить алтаремъ для принесенія жертвъ душамъ умершихъ; можетъ быть онъ составлялъ передовой выступъ монастырской ограды, такъ какъ къ нему прямо примыкаетъ конецъ фундамента древней стѣны.

Какъ бы то ни было, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ остатками двухъ различныхъ эпохъ. Правдоподобно, естественная скальная пещера могла служить жилищемъ для людей каменнаго вѣка, оставившихъ слѣды своего пребыванія въ видѣ каменныхъ орудій, разсѣянныхъ на поверхности *Бѣлой горы*[1]; чашечный камень, пирамиду съ рисункомъ и другіе искусственно отдѣланные и поставленные камни можно, кажется, съ достовѣрностью признать памятниками искусства и религіи этихъ людей. Много вѣковъ протекло съ того времени, пока христіанскіе монахи воспользовались готовой пещерой, поддѣлали ее и приспособили сообразно своимъ потребностямъ, такимъ образомъ она вошла въ составъ православнаго монастыря: что же касается памятниковъ язычества, то они частью уцѣлѣли, частью, вѣроятно, употреблены на хозяйственныя

[1]) Кромѣ отбивныхъ кремневыхъ орудій здѣсь попадаются иногда и полированныя.—г. Шманскій показывалъ намъ найденный на полѣ Бакоты фрагментъ прекрасно отполированной булавы изъ зеленоватаго кремнистаго сланца, залегающаго въ горахъ вблизи села.

нужды монаховъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ, что началомъ для огромнаго большинства нашихъ скальныхъ монастырей и монастырскихъ пещеръ послужили уже готовыя пещеры, служившія пріютомъ первобытному человѣку въ доисторическую пору.

Наслоеніе позднѣйшаго времени предоставляютъ основаніе циклопической [1]) стѣны и келіи—это несомнѣнно остатки христіанскаго монастыря, существовавшаго здѣсь въ средніе вѣка, но мы не можемъ опредѣлить время его основанія по недостатку точныхъ историческихъ свидѣтельствъ.

Что касается кургана, то судя по характеру погребенія и по отдѣлкѣ найденнаго при скелетѣ сосуда, его нужно отнести къ концу языческаго курганнаго періода, прямо предшествовавшаго введенію христіанства въ юго-западной Руси.

Вотъ и все, что удалось намъ собрать о древнѣйшей, до-исторической Бакотѣ,—немногимъ полнѣе будутъ наши свѣдѣнія о ней и въ позднѣйшую пору по малочисленности историческихъ данныхъ. До насъ дошло такъ мало документальныхъ свидѣтельствъ о Бакотѣ и между ними встрѣчаются такіе огромные пробѣлы, иногда въ цѣлое столѣтіе и больше, что нѣтъ возможности составить сколько нибудь цѣльную картину жизни этого города. Поэтому ограничусь только нѣсколькими характерными эпизодами, которые сохранили намъ лѣтописи.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о времени возникновенія и первоначальной судьбѣ Бакоты. Первое лѣтописное извѣстіе о ней встрѣчается довольно поздно, въ 1240 году, когда Бакота является уже однимъ изъ важныхъ центровъ Галицкаго княжества, едва-ли не самымъ значительнымъ городомъ Галицкаго Понизья, нынѣшняго Подоліи. Поэтому можно предполагать, что городъ этотъ возникъ гораздо раньше, если къ половинѣ

---

[1]) Считаю необходимымъ оговориться относительно термина *циклопическій*, который я принимаю въ смыслѣ архитектурномъ, безъ хронологическаго оттѣнка. Дѣло въ томъ, что въ южной и западной Европѣ циклопическія постройки относятся къ весьма глубокой древности, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, сравнительно недавнимъ. И въ настоящее время крестьяне въ волынскихъ селахъ обносятъ свои усадьбы циклопическими стѣнами (т. е. сложенными изъ крупныхъ и мелкихъ камней безъ цемента).

XIII в. успѣлъ достигнуть выдающагося значенія. Впрочемъ столицы часто мѣнялись въ Галицкомъ княжествѣ.

Первая половина XIII вѣка и совпадающая съ нею первая половина княженія Даніила Романовича была едва-ли не самымъ тяжелымъ и смутнымъ временемъ въ исторіи Галицкой земли за весь удѣльный періодъ. Между тѣмъ какъ другія южно-русскія области успѣли ко времени татарскаго нашествія болѣе или менѣе уложиться въ тѣ или другія рамки, выработать извѣстныя формы внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, въ Галицкой землѣ все еще шла упорная борьба между различными общественными элементами,—то глухая и скрытая, то ясно прорывавшаяся наружу въ формѣ борьбы княжеской власти съ различными партіями: народной, боярской, иноземной и т. д. То могущественнымъ князьямъ, какъ Владиміръ Володаревичъ и Романъ Мстиславичъ, удавалось, устранивши всѣхъ соперниковъ, подавить всѣ протестующіе элементы, или, выражаясь словами лѣтописца, «погнѣвши пчелъ, вкусити меду», то при малѣйшемъ ослабленіи центральной власти партіи эти снова оживали. Болѣе сильная брала перевѣсъ надъ остальными, изгоняла несимпатичныхъ ей князей и правителей, а иногда даже казнила ихъ и призывала другихъ по своему выбору; бояре захватывали власть въ свои руки и распоряжались краемъ по своему усмотрѣнію. Во время одной изъ такихъ смутъ, самой продолжительной, случившейся по смерти Романа, въ малолѣтство его сыновей, главнѣйшими заправилами были представители боярской партіи: Володиславъ, Судиславъ, Жирославъ и другіе—всѣ, кому удавалось на время создать себѣ сильную партію. Молодые Романовичи принуждены были воспитываться за предѣлами своего княжества и затѣмъ, съ помощью иноземныхъ покровителей, завоевывать обратно отцевское наслѣдство.

Василько Романовичъ скоро сжился съ мирнымъ волынскимъ населеніемъ, но Даніилу пришлось очень тяжело со своими галичанами. Съ неутомимой энергіей и настойчивостью этотъ предпріимчивый князь долженъ былъ по мелочамъ,—городъ за городомъ, округъ за округомъ, приводить подъ свою власть наслѣдственныя отцевскія владѣнія. Большая половина его жизни ушла на то, чтобы округлить свой удѣлъ, но такъ какъ Даніилъ дѣйствовалъ репрессивными мѣрами и не дѣлалъ уступокъ ни одной изъ партій,

то при малѣйшемъ удобномъ случаѣ все шло врозь и приходилось снова обращаться къ иноземной помощи и наемной дружинѣ. По-видимому спокойствіе уже начинало водворяться въ Галицкой землѣ, какъ вдругъ татарское нашествіе 1240 года сразу разрушило плоды многолѣтнихъ усилій и ясно доказало всю непрочность вынужденнаго наружнаго спокойствія среди подавленныхъ элементовъ. Нужно было начинать все дѣло сначала.

Съ приближеніемъ Батыя, какъ извѣстно, страшная паника распространялась въ русскихъ земляхъ: всѣ, кто только могъ, бѣжали, куда глаза глядятъ, отъ грознаго завоевателя; это было общее sauve qui peux. Ничего еще не зная о погромѣ сѣверо-западной Руси, Даніилъ отправился по дѣламъ въ Венгрію. Здѣсь уже онъ услышалъ отъ бѣглецовъ вѣсть о приближеніи татаръ, но не возвратился въ свою землю, чтобы приготовить средства къ ея защитѣ, а напротивъ удалился въ Польшу, гдѣ и оставался со всѣмъ своимъ семействомъ, пока татары не вышли изъ русскихъ предѣловъ. Галицкая земля была спасена отъ конечнаго разоренія только благодаря находчивости тысяцкаго Дмитрія. Общественное мнѣніе не могло простить этого галицкому князю и при его возвращеніи нѣкоторыя вѣча отказывались открыть передъ нимъ ворота своихъ городовъ. Но несомнѣнно всѣми этими обстоятельствами лучше всего съумѣла воспользоваться боярская партія.

Пользуясь отсутствіемъ князя, бояре по удаленіи татаръ захватили власть въ свои руки и попытались овладѣть въ свою пользу разными областями Галицкой земли: «Даніла княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху». При этомъ львиную часть захватили по взаимному соглашенію двое самыхъ сильныхъ въ то время бояръ: Григорій Васильевичъ вокняжился въ горной Перемышльской области, а другой, Доброславъ «вшедъ въ Бакоту, все Понизье прия, безъ княжа повеленія». Всѣмъ остальнымъ на братію досталось только Подгорье. Изъ лѣтописнаго текста можно, кажется, заключить, что въ данное время Бакота была центромъ Понизья, если Доброславъ избралъ ее своею резиденціей и отсюда «все Понизье прия». Занявши край, названные бояре съ группою своихъ приверженцевъ начинаютъ въ немъ хозяйничать по своему усмотрѣнію: «и бысть мятежь великъ въ землѣ и грабежь отъ нихъ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Такъ Доброславъ раздаетъ цѣлые округи

людямъ незнатнаго происхожденія и черниговскимъ боярамъ, очевидно разсчитывая найти въ нихъ поддержку противъ мѣстнаго боярства, и смѣется надъ приказаніями возратившагося князя. Простой народъ повидимому больше симпатизировалъ новымъ правителямъ, нежели своимъ князьямъ и устраивалъ имъ торжественныя встрѣчи.

Вскорѣ однако между ними произошло столкновеніе, такъ какъ Доброславъ, не довольствуясь Подольемъ, пожелалъ овладѣть и Горами. Даніилъ Романовичъ воспользовался раздоромъ своихъ правителей—оба они въ одиночку были схвачены и заточены.

Послѣ того въ 1241 г., Даніилъ послалъ въ Бакоту своего печатника Кирила для разслѣдованія боярской интриги—«исписати грабительства нечестивыхъ бояръ»; посланный успѣлъ «утишити землю», неизвѣстно впрочемъ какими мѣрами. Въ это самое время къ Бакотѣ подступилъ одинъ изъ претендентовъ на Галицкій столъ, Ростиславъ Михайловичъ черниговскій, со своими союзниками Болоховскими князьями и съ горстью принявшихъ его сторону галичанъ. Ростиславъ пытался склонить на свою сторону и Кирила, но послѣдній сперва отвѣчалъ ему укорами, а затѣмъ выступилъ съ пѣхотою изъ города и, обративъ въ бѣгство черниговскаго претендента, удержалъ Бакоту за своимъ княземъ. Даніилъ въ томъ же году опустошилъ Болоховскую землю, въ наказаніе за оказанную Ростиславу поддержку, послѣ чего поѣхалъ въ Бакоту и Колюсь, «хотя уставити землю»; очевидно эти города были главными центрами внутренняго броженія, охватившаго все Понизье.

Вѣроятно ему удалось административными мѣрами на нѣкоторое время водворить порядокъ въ краѣ; но спокойствіе было непрочно, потому что уже въ 1255 г., когда татары, пользуясь отсутствіемъ великаго князя, вторглись въ Подолье и подошли къ Бакотѣ, Милѣй (вѣроятно, представитель городскаго вѣча) тотчасъ «приложися къ нимъ», за что татары назначили его своимъ баскакомъ въ той-же Бакотѣ. Узнавъ о случившемся, Даніилъ, занятый походомъ на Литву, послалъ въ Бакоту своего сына Льва съ отрядомъ войска. Левъ занялъ Бакоту гарнизономъ, самаго Милѣя, захвативъ въ расплохъ, взялъ въ плѣнъ и привелъ къ отцу; но очевидно онъ имѣлъ дѣло съ ловкимъ противникомъ. Милѣй въ самое непродол-

жительное время успѣлъ войти въ довѣренность молодаго, энергичнаго князя и такъ расположилъ его въ свою пользу, что, не смотря на компрометтирующія его обстоятельства, Левъ Даніловичъ поручился передъ отцемъ въ его вѣрности. Самъ Даніилъ, не привыкшій стѣсняться съ боярами, пошелъ на уступку: онъ не только далъ свободу Милѣю, но и возвратилъ ему его прежнее положеніе, разсчитывая вѣроятно милостью расположить его къ себѣ и пріобрѣсть въ его лицѣ вѣрнаго слугу и проводника своихъ интересовъ. Милѣй возвратился въ Бакоту, но не оправдалъ довѣрія великаго князя, а напротивъ, при новомъ приближеніи татаръ, измѣнилъ своей клятвѣ и сдалъ имъ Бакоту.

Правдоподобно бакотскихъ жителей и ихъ представителя прельщала участь болоховцевъ, которые платили татарамъ дань хлѣбомъ, но за то пользовались полнѣйшей свободой и покоемъ и не имѣли надъ собою никакихъ бояръ и князей, кромѣ выборныхъ атамановъ.

На этомъ обрываются наши свѣдѣнія о Бакотѣ и наступаетъ продолжительный пробѣлъ почти въ цѣлое столѣтіе.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIV вѣка, завоевавши юго-западную Русь у татаръ, (послѣ 1362 года) великій князь литовскій Ольгердъ, по своему обыкновенію, началъ раздавать на ленныхъ правахъ удѣлы своимъ родственникамъ, въ томъ числѣ подольская земля отдана во владѣніе четыремъ его племянникамъ, братьямъ Коріятовичамъ. При занятіи края новыми владѣльцами оказалось, что въ цѣломъ Подоліи не осталось ни одного укрѣпленнаго города: «а въ тотъ часъ въ подольской землѣ не былъ ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленый, ани каменемъ будованый», такъ какъ всѣ укрѣпленія еще раньше были срыты и уничтожены татарскими темниками. Поэтому Коріятовичи прежде всего занялись постройкой новыхъ укрѣпленій для обороны края. Первыми были укрѣплены наиболѣе важные центры Подолія: Смотричъ и Каменецъ на рѣкѣ Смотричѣ и Бакота на Днѣстрѣ. «И на перное (Коріятовичи) нашли собѣ тверду на рѣцѣ Смотричи и тутъ собі нарадили городъ Смотричъ. Въ другомъ мѣстѣ были черницы въ горѣ и въ томъ мѣстѣ нарядили городъ Бакоту», т. е. оградили фортификаціями существовавшіе еще раньше города. Такимъ образомъ Бакота является однимъ изъ трехъ главнѣйшихъ центровъ Подолія при Коріятовичахъ.

Вслѣдъ за тѣмъ князья, по соглашенію съ народонаселеніемъ, перестали платить татарамъ собираемую съ жителей дань и стали взымать ее въ свою пользу, за что обязывались охранять ихъ отъ нападенія непріятеля. Осѣвшись въ краѣ, новые князья по литовскому обычаю начинаютъ раздавать земли разнымъ лицамъ на условіяхъ ленной зависимости; при этомъ Бакота въ 1388 г. отдана во владѣніе нѣкоему Немирѣ.

При послѣднемъ изъ четырехъ братьевъ, князѣ Ѳеодорѣ Коріятовичѣ, подольская земля перестала было повиноваться великому князю Витовту и пыталась даже совсѣмъ отдѣлиться отъ Литвы, чего конечно Витовтъ не могъ спокойно допустить. Узнавъ о приближеніи великаго князя съ литовскими силами, Коріятовичъ поставилъ въ городахъ гарнизоны изъ волоховъ, а самъ отправился за помощью въ Венгрію; между тѣмъ Витовтъ успѣлъ захватить воеводу Нестака, которому князь Ѳедоръ поручилъ защиту края, овладѣлъ всѣми укрѣпленными городами и посадилъ въ нихъ своихъ старостъ. Вскорѣ всѣ эти города, въ томъ числѣ и Бакоту, Витовтъ уступилъ королю Ягайлу за двадцать тысячъ, а король въ свою очередь, вѣроятно нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ ихъ за ту-же сумму пану Спытку изъ Мельштына, съ обязательствомъ отбывать военную службу въ пользу Витовта, а не короля.

Вскорѣ Спытко погибъ въ одномъ изъ походовъ великаго князя противъ татаръ. Такъ какъ его вдова и малолѣтніе наслѣдники не могли надлежащимъ образомъ защищать край отъ татарскихъ вторженій, то великій князь литовскій, по предложенію короля, выкупилъ обратно проданную имъ юго-западную половину подольской земли и образовалъ изъ нея особое староство, которое отдалъ въ управленіе дворянину Граповскому. Вскорѣ однако Грановскій былъ смѣщенъ и послѣ него въ непродолжительное время смѣнялись одинъ за другимъ четыре старосты литовскаго происхожденія. Послѣдній изъ нихъ, панъ Долгирдъ, до смерти Витовта управлялъ подольскими городами, имѣя резиденцію въ Каменцѣ; но по смерти великаго князя, когда польскій элементъ получилъ перевѣсъ во внутренней политикѣ, польскіе паны, давно уже съ завистью смотрѣвшіе на богатыя подольскія земли, хитростью схватили Долгирда, разграбили его имущество и забрали въ свои руки всѣ города, составлявшіе подольское староство.

Послѣ того Бакота вмѣстѣ съ другими городами, кажется, вошла въ составъ королевскихъ имѣній; это можно заключить изъ различныхъ люстрацій, которыя впрочемъ ни однимъ словомъ не упоминаютъ о замкѣ или какихъ-бы то ни было укрѣпленіяхъ въ Бакотѣ. Вѣроятно укрѣпленіе, воздвигнутое здѣсь при Коріатовичахъ, просуществовало недолго.

Во второй половинѣ XVIII ст. Бакота, уже какъ село, входила въ составъ Ушицкаго староства и нѣкоторое время находилась во владѣніи каменецкихъ базиліанъ, но около 1774 года она обращена въ отдѣльное староство, приносившее чистаго дохода 1900 золотыхъ польскихъ.

Вотъ и все, что удалось собрать по мелочамъ объ одномъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ важныхъ центровъ Подолья въ былыя времена.

Въ настоящее время это—небольшое и повидимому не слишкомъ богатое село съ маленькой, старинной церковью, мало отличающееся своею наружностью отъ прочихъ подольскихъ сель; только недостатокъ лѣса въ окрестностяхъ Бакоты, не смотря на присутствіе садовъ при каждой хатѣ, сообщаетъ селу грустный, какъ-бы сосредоточенный видъ—точно оно склонилось надъ рѣкою у подножія горъ и задумалось надъ превратностями судьбы, припоминая, сколько важныхъ историческихъ событій видѣли эти горы, сколько поколѣній самыхъ различныхъ племенъ и эпохъ прошли по нимъ; каждая эпоха приносила поочередно свои интересы и свою культуру, но отъ иныхъ не сохранилось и слѣда ни на поляхъ бакотскихъ, ни въ народной памяти, ни въ историческихъ матеріалахъ.

Впрочемъ все пережитое не могло не оставить слѣда въ характерѣ и физіономіи мѣстнаго населенія. Дѣйствительно постороннему человѣку сразу бросается въ глаза чрезвычайная сдержанность и осторожность, даже недовѣрчивость въ отношеніи ко всему чужому. Подобное настроеніе является, вѣроятно, отголоскомъ вѣковыхъ традицій; выражается оно чрезвычайнымъ развитіемъ въ народѣ суевѣрія, находящаго поддержку въ многочисленномъ классѣ всевозможныхъ знахарей и знахарокъ, вѣдьмъ, ворожекъ и т. п., которые на всѣ лады эксплуатируютъ довѣріе и благосостояніе населенія не только на мѣстѣ, но и далеко за предѣлами своего уѣзда. По словамъ г. Шиманскаго, едва-ли не половина бакотскихъ жителей, кромѣ обычныхъ крестьянскихъ промысловъ, занимаются въ

большей или меньшей степени некромантіей; особенно крупный процентъ въ этомъ отношеніи падаетъ на женскую половину населенія, при чемъ занятія, кажется, строго дѣлятся по спеціальностямъ: однѣ гадаютъ на картахъ, другія иными способами; есть спеціалистки, которыя лѣчатъ и заговариваютъ болѣзни, открываютъ воровъ, насылаютъ и отгоняютъ всевозможныя несчастья, разлучаютъ супруговъ и влюбленныхъ и наоборотъ возвращаютъ любовь посредствомъ приворотнаго зелья; иныя промышляютъ и ядами, въ особенности чрезвычайно сильными наркотиками изъ мѣстной флоры, тщательно скрывая свой секретъ. Особенно многочисленную практику имѣютъ двѣ послѣднія категоріи,—очевидно родъ человѣческій страдаетъ сильною потребностью жить лирической жизнью и въ тоже время наносить вредъ своимъ подругамъ; наиболѣе обширной и, какъ говорятъ, заслуженной извѣстностью пользуется за свои приворотныя средства одна изъ самыхъ старыхъ знахарокъ, которую всѣ считаютъ вѣдьмой; она даетъ какой-то цвѣтокъ, который сразу возвращаетъ своему обладателю утраченную любовь или поселяетъ новое чувство въ симпатичной ему особѣ, и другой цвѣтокъ, уничтожающій немедленно всякую симпатію. Къ этой женщинѣ пріѣзжаютъ въ большомъ количествѣ даже изъ другихъ уѣздовъ не только люди изъ необразованныхъ классовъ, но зачастую даже представители интеллигенціи въ краѣ; вѣра въ могущество бакотской «вѣдьмы» такъ сильна, что напримѣръ жена, оставившая мужа для кого нибудь другаго, узнавъ, что мужъ ея побывалъ въ Бакотѣ, спѣшитъ возвратиться къ нему сама, не дожидаясь неизбѣжнаго дѣйствія зачарованнаго цвѣтка. Но случаются также весьма трагическіе эпизоды, происходящіе изъ личной вражды. Такъ напримѣръ одна крестьянка, желая отомстить за что-то своему знакомому, запаслась у знахарки зельемъ и поднесла его въ чаркѣ горѣлки, отъ которой несчастный крестьянинъ упалъ замертво и затѣмъ на всю жизнь остался помѣшаннымъ. Не удивительно, что такія ловкія особы успѣваютъ собрать себѣ порядочное состояніе на счетъ чужаго легковѣрія; однако суевѣрный страхъ обезпечиваетъ ихъ имущество отъ всякихъ покушеній среди мѣстнаго населенія. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ назадъ случилось происшествіе, сильно взволновавшее всю Бакоту. Вблизи села проживали нѣсколько человѣкъ великороссовъ, кажется, артель рабочихъ или огородниковъ, что-то въ этомъ

родѣ. Не успѣвъ еще проникнуться мѣстными суевѣріями и провѣдавъ о богатствѣ знахарокъ, русскіе неоднократно похвалялись передъ ними и однажды ночью явились къ одной изъ самыхъ состоятельныхъ, и связавши ее, ограбили на весьма крупную сумму. Участники преступленія вскорѣ были открыты и задержаны, правда при содѣйствіи полицейской власти, а не сверхъ-естественныхъ силъ, и хотя ихъ не постигло никакое сверхъ-естественное наказаніе, однако послѣднее обстоятельство ни мало не поколебало въ крестьянахъ увѣренности въ могуществѣ ихъ вѣдьмъ.

Подобная возведенная въ систему эксплуатація народнаго невѣжества съ одной стороны и такое глубокое суевѣріе съ другой, разумѣется, не могутъ быть дѣломъ одного дня, они создаются весьма продолжительнымъ временемъ, можетъ быть цѣлыми вѣками. При этомъ нельзя обойти молчаніемъ существующее въ польской исторической литературѣ мнѣніе, будто для отравленія Варвары Радзивилловны, жены короля Сигизмунда Августа, была вызвана знахарка изъ подольской земли; нѣкоторыя лица изъ мѣстной польской интеллигенціи увѣряютъ даже, что такая отравительница не могла быть вызвана изъ инаго мѣста, кромѣ Бакоты. Конечно, фактъ этотъ не доказанъ и его можно оспаривать въ частностяхъ, но во всякомъ случаѣ онъ можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что и въ старину въ подольской землѣ было чрезвычайно развито «видемство» и знахарство во всѣхъ его видахъ и что главнымъ ихъ центромъ считается Бакота.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОФРОНІЙ ДОБРАШЕВИЧЪ,

АРХИМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРВІИ.

Мы намѣрены сообщить свѣдѣнія объ этой личности и въ связи съ тѣмъ о судьбѣ новосербскаго преображенскаго монастыря на основаніи просмотрѣнныхъ нами подлинныхъ документовъ въ архивѣ святѣйшаго синода.

Новою Сербіею, какъ извѣстно, названо въ указѣ императрицы Елисаветы Петровны отъ декабря 1751 года пространство мало до того населенной земли, такъ называемаго «Дикаго Поля»; оно предназначено было для поселенія сербскихъ выходцевъ изъ Венгріи, жившихъ тамъ на турецкомъ пограничьи, съ обязательствомъ военной службы, но уже съ 1740 годовъ постепенно преобразуемыхъ въ мирныхъ поселянъ. Новая Сербія простиралась на востокѣ отъ праваго берега Днѣпра до Сипухи, на сѣверѣ граничила съ Польшею, на югѣ соприкасалась съ владѣніями Запорожской Сѣчи. Хотя по смыслу указа бывшіе тамъ до сего жители должны были выселиться въ другія мѣста (не указано, какія), но они остались [1]) и включены были въ составъ военныхъ сербскихъ поселеній. И самыя эти поселенія были *сербскими* только по преобладающему въ нихъ начальственному элементу изъ сер-

---

1) Изъ справки сенатской канцеляріи, съ отъѣзжихъ пажеверъ-подполковника де-Боскета на запросъ синода въ февралѣ 1752 г., видно, что въ 1745 г. тамъ были церкви—одна въ Каменкѣ Потоцкой, одна въ Мошуринѣ Рогѣ, въ Крыловѣ дэѣ, въ Стецовкѣ одна, въ Нестеровкѣ одна, въ хлѣстечкѣ Цибулевѣ одна, въ селѣ Уховкѣ одна, въ селѣ Глинскомъ одна, въ селѣ Таборищѣ одна и Крюковѣ одна. Всѣ эти и другія поселенія зависѣли тогда отъ малороссійскаго

бовъ; на самомъ-же дѣлѣ, какъ и въ указѣ обозначалось, этотъ округъ данъ «приходящимъ народамъ—сербскому, македонскому, болгарскому и волосскому».

Австрійской службы полковникъ, теперь русскій генералъ маіоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ въ 1752 году съ своими единоземцами занялъ отведенныя мѣста, какъ главный начальникъ всего новозаводимаго поселенія, и при рѣкѣ Большой Выси, близь польской границы, устроилъ шанецъ, родъ крѣпости, съ поселеніемъ, кои и составили Новомиргородъ, названный такъ потому, что мѣстность причислялась прежде къ малороссійскому миргородскому полку. Новомиргородъ сдѣлался резиденціею Хорвата и центромъ управленія всего поселенія. Сербовъ и «другихъ единовѣрныхъ народовъ», то есть болгаръ и волоховъ, недостаточно оказалось для заселенія; но права и льготы, какъ и «вольности», восполняли этотъ недостатокъ привлеченіемъ жителей изъ малороссіянъ русскаго и польскаго государствъ, польскихъ шляхтичей, раскольниковъ, евреевъ и проч.

23 марта 1753 года правительствующій сенатъ сообщилъ въ синодъ вѣдѣніемъ слѣдующее.

«Правительствующему сенату генералъ маіоръ Хорватъ поданнымъ доношеніемъ представлялъ: понеже де намѣреніе сво предпринято въ Новой Сербіи при поселеніи первой роты, гдѣ и онъ свое жилище съ фамиліею взялъ, по обѣщанію своему изъ собственного ево коштy построитъ монастырь каменный во имя Николая Чудотворца, къ чему еще прошедшей осени архитекторъ подраженъ, и матеріалами потребными чрезъ проходящую зиму, дабы въ работу съ ближающеюся весною вступить, заготовляется, въ которомъ монастырѣ къ ревности православного извѣстного, подъ высочайшее ея императорскаго величества милосердіе и вѣчное поддавство изъ другихъ державъ прибѣгающаго народа, кой

гетманскаго управленія... «Выше показанныя же церкви увательно состоятъ въ епархіи кіевскаго митрополита. А новске де отъ 1745 году повинѣ увательно въ тѣхъ заднѣпровскихъ мѣстахъ церквей еще нѣсколько построено, но коликое число, о томъ у него подполковника де-Баскета извѣстія не имѣется». О мѣстности и распредѣленіи ротъ Новой Сербіи см. статью священника *Василія Никифорова* «Очерки александрійскаго уѣзда, екатеринославской губерніи» (въ Херсонск. Епарх. Вѣдомостяхъ, за 1876 годъ).—А.

чрезъ то со всѣмъ своимъ усердіемъ поощренъ въ православное отечество къ выѣзду еще лучше будетъ, не инымъ-бы, какъ токмо изъ того православнаго націона, монахомъ, іеромонахомъ и духовнымъ начальнымъ властямъ и управителямъ быть: на что потребно отъ святѣйшаго правительствующаго синода благословеніе и указъ получить, чтобъ быть во оном архимандріи. И выпѣ на первый случай изъ того-жъ народа предъ недавнимъ временемъ выѣхавшаго изъ святой афонской горы Іоанна Предотечева монастыря, называемаго Діонисіцкого, греческой націи, архимандрита Іоакима Ралова учредить, который къ тому желаніе свое имѣетъ и притомъ еще пользу высокому интересу учинить въ приглашеніи и подзовѣ на поселеніе въ Новую Сербію скрытымъ и искуснымъ въ томъ образомъ изъ потребныхъ мѣстъ надобного православного народа (отбывши подъ секретомъ въ прежній свой монастырь) дѣйствительно обѣщаетъ. А пока онъ съ святыхъ горъ прибудетъ, чтобъ смотрѣніе кому около вновь того заводимого монастыря имѣть, и то на кого положить можно, сербославецкой націи находящагось здѣсь, въ Москвѣ, предъ нѣсколькимъ временемъ выѣхавшаго въ Россію игумена Афонасія Милутиновича опредѣлить-бы. Того ради правительствующаго сената онъ генералъ маіоръ Хорватъ просилъ въ начатіи того дѣла и реченнаго архимандрита въ оной монастырь о благословеніи, и что дѣйствительно онъ уже увѣреннымъ остался, въ томъ безъ разглашенія о немъ подъ секретомъ къ присягѣ привесть; о опредѣленіи-жъ въ тотъ монастырь и реченнаго игумена, который-бы въ строеніи того смотрѣніе свое и прилѣжность имѣлъ, и выѣзжающихъ изъ тѣхъ націй для пребыванія въ тотъ монастырь монаховъ содержать до прибытія архимандрита (о которомъ-бы ему игумену знать не дано было) могъ, святѣйшему правительствующему синоду сообщить. А какъ-бы оной монастырь при новости и началѣ еще въ тѣхъ мѣстахъ поселенія и въ недостаточествѣ чтобъ милостынею содержать отъ вновь выѣзжающаго народа, и чтобъ въ неимущемъ себе пропитаніи и нуждѣ при собраніи въ оном братіи въ первомъ случаѣ не признавали, и хочай малое къ содержанію себе удовольствіемъ пожитокъ имѣли, милостивое разсужденіе и разсмотрѣніе учинить, и какъ вновь начинающійся къ прибѣжищу иностраннаго православного

народа духовнымъ чинамъ монастырь всѣми потребными церковными книгами опредѣлить снабдѣть.

Правительствующій сенатъ приказали сообщить вѣдѣніемъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, что предписанное генерала-маіора Хорвата представленіе признаваетъ за весьма полезное и угодное дѣло. Для того святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ по тому ево генерала-маіора Хорвата представленію какъ о построеніи того монастыря и о бытіи въ ономъ архимандріи и о учрежденіи на первой случай выѣхавшаго изъ аѳонской горы архимандрита Іоакима Ралова, такъ и о порученіи нынѣ въ смотрѣніе того монастыря игумену Аѳанасію Милутиновичу, на объявленномъ отъ него Хорвата основаніи, надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинить, и ево генерала-маіора, и еще кого по духовной командѣ слѣдовать будетъ, указами снабдѣть непродолжительно. Притомъ же тотъ монастырь и церковными книгами, сколько какихъ потребно, отъ святѣйшаго правительствующаго синода снабдить, и означеннаго игумена указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода безъ умедленія туда отправить. А что касается содержанія того монастыря хотя малымъ чѣмъ, дабы по новости тамошняго мѣста въ неимущемъ пропитаніи и нуждѣ при собраніи во ономъ братіи въ первомъ случаѣ не признавалъ: того ради какъ оному игумену, такъ и по начатіи прибытія во оной монастырь монаховъ на содержаніе ихъ надлежащею рухою за высочайшее ея императорскаго величества здравіе отпускать денежной казны изъ опредѣленной къ генералу-маіору Глебову на сербовъ суммы до тысячи рублевъ въ годъ. И святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ о томъ вѣдать учинить; а Хорвату посланы указы. Марта 23 дня 1753 года».

Игуменъ Аѳанасій Милутиновичъ былъ уже извѣстенъ синоду и по сообщеніямъ военной коллегіи, и по собственнымъ касательно его распоряженіямъ. Еще 7-го генваря 1752 года коллегія сообщила, на основаніи прошенія Милутиновичева, что «онъ по усердію своему ко всероссійской имперіи, будучи въ введенскомъ славеносербскомъ монастырѣ въ аѳонскихъ горахъ, въ 1741 году вышедшихъ изъ турецкого плѣну россійскихъ солдатъ трехъ человѣкъ своимъ немалымъ коштомъ въ Константинополь къ бывшему тогда послому графу Румянцеву отпесъ, но за то себѣ никакого награж-

денія не получалъ; да и сверхъ того еще онъ между сербскимъ народомъ своими ревностными внушеніями къ пользѣ и славѣ Россійскія имперіи услуги показывалъ. И хотя де онъ потомъ сербскими офицерами на имѣющее между сербскимъ и валахейскимъ народомъ въ Арадѣ порожжее архіерейское мѣсто и выбранъ былъ, однакожъ со стороны римскаго императорскаго двора въ томъ подъ разными претекстами отказано. И тако де онъ, видя православной христіанской вѣры развращеніе, принялъ свое желаніе прибѣгнуть въ здѣшнюю имперію, дабы вѣчно іеромонашескую жизнь свою въ покойномъ благочестіи окончить. И коллегія рекомендуетъ его прилежно святѣйшему синоду».

Въ канцеляріи синода Милутиновичъ показалъ о себѣ, что «онъ — сербянинъ, родился въ цесарской области, въ губерніи темяшварской, гдѣ по желанію своему преосвященнымъ Викентіемъ митрополитомъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона, и жительствовалъ при немъ по 725 годъ, а въ томъ году по смерти его преосвященства пришелъ во аѳонскую гору, гдѣ и принятъ въ братство во введенскій хиландарскій монастырь, и тамъ 732 года преосвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ іерійскимъ, посвященъ въ іеромонаха, а въ 741 году пришедшихъ въ тотъ монастырь изъ турецкого полону россійскихъ солдатъ трехъ человѣкъ своимъ немалымъ коштомъ вывезъ въ Константинополь къ бывшему послу, графу Румянцеву. И послѣ того и самъ онъ въ 742 году былъ въ Россіи для собранія милостыни на тотъ монастырь, и собрано было 600 рублевъ и отослано съ оказіею въ тотъ монастырь. Самъ же за несносными безпокойствы отъ турокъ въ монастырь не возвратился, а остался въ Сербіи при патріархѣ Арсеніи, и между тѣмъ сербскими господами избранъ былъ на архіерейство, но со стороны римскаго императорскаго двора отказано, а вступилъ въ то достоинство уніатъ»... По распоряженію синода былъ онъ 22 января 1753 года отправленъ въ московскую епархію къ митрополиту Платону, который помѣстилъ его сперва въ Чудовѣ монастырѣ, потомъ въ троицкой лаврѣ «съ нѣкоторымъ респектомъ» въ пищѣ и содержаніи. Когда же 8 марта Иванъ Шевичъ съ штабъ и оберъ-офицерами своими, бывши въ Москвѣ, подалъ синоду доносъ, что Милутиновичъ «чинитъ непристойныя разглашенія и пришедшимъ

съ Шевичемъ въ Россію офицерамъ развращенія», то синодъ переве́лъ его въ Петербургъ на троицкое подворье (отъ 18 марта).

5 апрѣля 1753 года синодъ сообщилъ сенату, что онъ «представленіе генерала-маіора Хорвата о построеніи въ Новой Сербіи по обѣщанію ево собственнымъ коштомъ, для пребыванія выѣзжающихъ изъ повелѣнныхъ нацей монаховъ и ради лучшаго выѣзду тамошняго народа, каменнаго монастыря признаваетъ за весьма полезное и угодное дѣло, а посему опредѣлилъ поднесть ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ». Самый докладъ есть повтореніе прошенія Хорвата и справки съ отношенія коллегіи.

Тогда же, должно быть, и Милутиновичъ отправленъ былъ въ Новую Сербію въ распоряженіе Хорвата; но послѣдній, какъ видно, изъ случайнаго въ 1759 году упоминанія «за непостоянное житіе и подозрительное обращеніе съ гайдамаками» выслалъ его очень скоро (не позже 1755 года). Затѣмъ имѣется сообщеніе сената синоду: «отъ 6 мая 1756 года Хорватъ донесъ, что «пока не получая дозволенія о монастырѣ, онъ началъ каменную соборную церковь въ Новомиргородѣ, но что если выйдетъ дозволеніе, то немедленно приступитъ къ постройкѣ монастыря, а между тѣмъ настоятелемъ будущаго монастыря желаетъ имѣть архимандрита Софронія, который и отправленъ имъ въ Петербургъ. А генералъ-лейтенантъ Глебовъ присланнымъ же отъ 27 марта репортомъ объявилъ, что оной архимандритъ Софроній сербской націи выѣхалъ въ 755 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ турецкой области митрополіи валевской [1]) свято-николаевскаго монастыря, желая въ вѣчномъ ея императорскаго величества подданствѣ въ Новой Сербіи остаться и поэтому генералъ-лейтенантъ Хорватъ требовалъ привесть его къ присягѣ и поручить ему устройство въ новомиргородскомъ станцѣ монастыря»... Но какъ уже предположено было имѣть архимандрита Іоакима Ралова, да и о монастырѣ рѣшенія не было, то рѣшили отправить его въ Петербургъ. Сенатъ приспѣ привести его къ присягѣ и впредь до рѣшенія дѣла о монастырѣ, позволить ему, по возвращеніи въ Новую Сербію, служить въ приходскихъ

---

[1]) Валево — городъ въ нынѣшнемъ королевствѣ Сербскомъ, на сѣверъ отъ Ужицы, на рѣкѣ Вербасѣ Колубарѣ.

церквахъ, считаясь архимандритомъ монастыря, который Хорватъ вознамѣрился устроить.

Въ журналѣ синода отъ 1 іюля 1756 года записано опредѣленіе: 1) привесть означеннаго архимандрита Софронія къ присягѣ на вѣрность; 2) взять съ него сказку, сколько есть монаховъ въ Новой Сербіи; 3) отпустить его въ Новую Сербію и дозволить служить въ приходскихъ церквахъ; 4) въ желаемомъ монастырѣ на первый случай довольно судится быть архимандритъ одинъ, іеромонаховъ четыре, іеродіакона три, монашествующихъ и другихъ чиновъ до пятнадцати человѣкъ; а на содержаніе тысячу рублевъ.

Требуемая сказка подана Софроніемъ 3 іюля 1756 г. и въ ней показано слѣдующее: «Во ономъ новонаселенной въ Россіи Сербіи, коя поселеніе имѣетъ близъ Миргорода, состоящаго въ кіевской губерніи, прибывшихъ изъ сербянъ монашествующихъ нынѣ находится іеромонаховъ: изъ монастырей крушедольскаго Прохоръ, изъ Ораховицы Исаія, Леонтій, Захарія, Арсеній, Димитрій, да изъ сербской деревни Даля[1]) бѣлый діаконъ Павелъ. И изъ оныхъ нынѣ обывають іеромонахъ Прохоръ да діаконъ Павелъ въ Миргородѣ для ученія дѣтей въ школахъ магистрами, іеромонахи-жъ Исаія въ кіево-братскомъ, Леонтій въ кіево-межигорскомъ, Захарія въ кіево-греческомъ, Димитрій въ заднѣпровскомъ городищномъ монастыряхъ для пропитанія по позволенію преосвященнаго Тимоѳея, митрополита кіевскаго, Арсеній въ Миргородѣ при пандурскомъ полку, и Іеленій въ Миргородѣ-жъ при полковомъ священникѣ Петрѣ, который имѣется у Хорвата».

Послѣ сего синодъ положилъ привесть въ исполненіе свое опредѣленіе отъ 1 іюля и вмѣстѣ отчислить Новую Сербію отъ кіевской епархіи въ переяславскую. Указомъ 5 іюля 1756 года дано знать Іоанну, епископу переяславскому и борисопольскому, что ему подчинена Новая Сербія, то есть крѣпость св. Елисаветы съ двадцатью тремя слободами Новой Сербіи.

Того-же числа опредѣлено «выдать Софронію изъ синодальной ризницы въ Москвѣ архимандричью шапку изъ находящихся въ ношеніяхъ послѣ духовныхъ персонъ, коя бы не превосходила цѣною свыше ста рублей», а 25 іюля: «въ разсужденіи его иностран-

[1]) Даля—нѣмецко при Дунаѣ, въ Славоніи.

ства дать наперстный крестъ сребряный съ цѣпочкою, и на покупку онаго употребить до тридцати рублевъ», равно выдать для предполагаемаго монастыря десять паръ облаченій священническихъ и діаконскихъ и тридцать четыре богослужебныя книги, кои и поименованы.

Предъ выѣздомъ Софроній прислалъ синоду подтвердительной себѣ грамоты на архимандрію и согласно требованію подалъ о себѣ 2 августа 1756 года сказку, въ которой изъяснялъ: «природою де онъ Софроній обрѣтающагося въ Цесаріи города Осека [1]), въ монашество постриженъ въ Цесаріи жъ, въ монастырѣ называемомъ Крушедолѣ, въ 1740 году; въ бытность въ томъ монастырѣ произведенъ во іеродіакона Георгіемъ Поповичемъ, митрополитомъ темешварскимъ, въ томъ-же году, и во іеромонаха Павломъ Ненадовичемъ, епископомъ плашскимъ [2]), а въ коемъ году, о томъ де онъ архимандритъ Софроній отъ того епископа, да и о постриженіи де въ монашество отъ духовника своего, означеннаго монастыря Крушедола архимандрита Аѳанасія Величкова письменныя аттестаціи имѣетъ, на іеродіаконскій-же чинъ аттестаціи тамо не дается. И въ томъ де монастырѣ Крушедолѣ обывалъ онъ Софроній до 747 г., а во ономъ взятъ онъ ко Іоанну Георгіевичу, епископу осекскому, у коего де бывши въ священнослуженіи чрезъ четыре года по своему желанію, а по увольненію онаго епископа Іоанна, отлучася отъ него, пріѣхалъ въ турецкую область, въ вышеупомяненной валевской епархіи свято-николаевскій монастырь, гдѣ де такожъ въ священнослуженіи іеромонахомъ пребывалъ до 753 года, а въ томъ де году декабря 25 числа произведенъ онъ Софроній въ тотъ свято-николаевскій монастырь архимандритомъ преосвященнымъ Паисіемъ, митрополитомъ валевскимъ, о чемъ де отъ того митрополита за рукою его и свидѣтельствующая о томъ его Софронія во архимандрита произведеніи грамота дана, кою де такожъ и вышеупомянутыя аттестаціи оригинальныя имѣетъ при себѣ, и ежели де повелѣно будетъ, то де онъ архимандритъ Софроній святѣйшему правительствующему синоду объявить имѣетъ неотмѣнно».

---

[1]) Осекъ, это городъ Эссекъ, древняя Mursia. Осекъ нередѣланъ нѣмцами

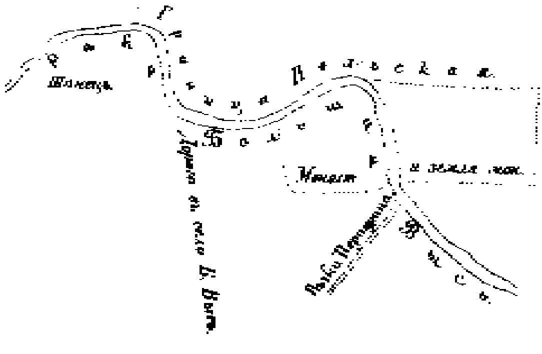
[2]) Плашка, по нѣмецки Карльштадтъ, въ Кроаціи.

18 августа св. синодъ выдалъ ему грамоту, сущность которой въ слѣдующихъ начальныхъ строкахъ:

«Благословили мы свят. прав. всероссійскій синодъ выѣхавшему въ Россію изъ турецкой области, митрополіи валевской святониколаевскаго монастыря архимандриту Софронію въ Новой Сербіи, состоящей въ кіевской губерніи, до воспослѣдованія о построеніи тамо монастыря высочайшаго ея императорскаго величества указа въ приходскихъ находящихся во оной церквахъ священнослуженіе по чиноположенію святыя восточныя греко-россійскія церкви отправлять, наружный на переѣхъ крестъ носить, архимандричью шапку и палицу въ служеніи, также и мантію и жезлъ, по обычаю малороссійскихъ архимандритовъ, употреблять, вниманіе имѣющаго ради о немъ Софроніѣ обстоятельства. Сего 1756 года іюня 21 дня сообщено, что онъ присланъ отъ Хорвата»... и проч. Въ заключеніи грамоты внушается Софронію покорность епархіальному архіерею. Подписали грамоту: «смиренный Сильвестръ, архіепископъ санктпетербургскій и шлюшенбургскій и архимандритъ александро-невскаго троицкаго монастыря. Смиренный Димитрій, епископъ рязанскій и муромскій. Смиренный Веніаминъ, епископъ тверскій и кашинскій. Аѳанасій, архимандритъ свято-троицкія лавры. Варлаамъ, архимандритъ донской».

По предположенію епископа Іоанна изъ тысячи рублей ежегодной милостыни на монастырь архимандритъ имѣлъ получать 350 р., 4 іеромонаха по 35 р., 3 діакона по 26 р., 15 человѣкамъ «служальскимъ» довольно было по 14 р., «предая прочее на разсужденіе его архимандрита». Донося объ этомъ синоду, преосвященный увѣдомилъ, что Хорватъ выдалъ Софронію причитающуюся сумму, какъ на сентябрскую треть 1756, такъ и на весь 1757 г.

При семъ сообщенъ былъ и планъ новомиргородскаго поселенія и отводимой монастырю земли съ поясненіемъ, что монастырь отъ плаца будетъ въ трехъ верстахъ; земли пахатной и сѣнокосной 370 десятинъ, да къ тому изъ лѣсныхъ угодьевъ для пасѣки монастырю изъ полкового лѣсу изъ Чуты 200 десятинъ. Планъ:



Отъ 27 генваря 1759 года епископъ Гервасій, преемникъ Іоанна, донесъ синоду, что 11 генваря настоящаго года архимандритъ Софроній Добрашевичъ доложилъ ему о намѣреніи своемъ «для проживающихъ въ Новой Сербіи и приходящихъ монаховъ къ приличнѣйшему имъ житію въ избранномъ нимъ архимандритомъ Софроніемъ въ лѣсѣ прозываемомъ Чутою до состроенія предбудущаго въ Новой Сербіи монастыря подворье, въ которомъ и церковь во имя Преображенія Господня, построить, о чемъ имѣетъ благословеніе и покойнаго антецессора моего, преосвященнаго Іоанна, епископа переяславскаго, и дозволеніе состоящаго при гусарскихъ полкахъ главнаго командира генералъ-лейтенанта Ивана Самойловича Хорвата». Гервасій говоритъ, что далъ свое благословеніе особенно въ виду непристойности жить монахамъ въ Миргородѣ среди свѣтскихъ персонъ.

Дозволеніе Хорвата выражено было въ двухъ письменныхъ *салвогардіяхъ*: одною, выданною 20 генваря 1757 года на имя іеромонаха Исаака съ тремя другими монахами, дозволялось построить «скитокъ» въ Черномъ лѣсѣ, при рѣчкѣ Рудой, въ дачахъ гусарскаго хорватова полка седмойнадесять роты, въ шанцѣ дмитровскомъ, и ради служенія церковь; другою, отъ 8 марта того-же 1757 года, выданною монаху Іакинеу съ другими, позволялось пользоваться лѣсомъ и землею по отводу командировъ роты и строиться въ Чутѣ, если найдутъ способное къ тому мѣсто.

И вотъ монахи, предположивъ сначала строиться въ Черномъ лѣсѣ, перешли въ Чуту и задумали основаться на мѣстѣ бывшей пасѣки николаевскаго пустынно-медвѣдовскаго монастыря (въ 20

верстахъ отъ Чигирина), неизвѣстно когда заведенной, но теперь (можетъ быть изъ боязни гайдамакъ или по приказу начальства при основаніи Новой Сербіи) брошенной и запустѣлой. Найдя тутъ препятствіе, о которомъ будетъ рѣчь далѣе, они воротились къ Черному лѣсу.

Строить долго впрочемъ не пришлось; уже въ іюлѣ 1759 г. Софроній донесъ преосвященному Гервасію о воспослѣдовавшемъ отъ Хорвата запрещеніи строиться и разореніи построекъ. Гервасій написалъ сгоряча нѣсколько рѣзкое письмо къ Хорвату, на которое получилъ (отъ 5 октября) отвѣтъ. Въ послѣднемъ Хорватъ жалѣетъ, что «такъ безразсмотрительно, не учиня напередъ спошенія», преосвященный нанесъ ему огорченіе. Далѣе онъ пишетъ: «строеніе какъ было, такъ и остается; да и можно-ли думать такъ, когда самъ я о построеніи монастыря того непросилъ благословеніе отъ антецессора вашего и въ отведенной по высочайшему соизволенію и узаконенію изъ капитанской сына моего дачи землю опредѣлилъ, и къ зачатію того деньгами, къ продовольствію монашества мельницею [1], а къ тому и данными сальвогардіями и къ помощи оного вызванными съ Полыни нѣсколькими семьями снабдилъ, гдѣ то подворье въ обзаведеніи своемъ и начало взяло: но за препорученіемъ оного помянутому архимандриту Софронію, по неспокойному ево жительству, какъ монахи за крайнимъ отъ него притѣсненіемъ и побоями неоднократно разогнаны, такъ и сколько пчелы и прочаго, что до ихъ пропитанія и отъ доброхотныхъ дателей присовокуплено, истреблено и распродало. Не можете-ль ваше преосвященство изъ той ево безплотной жалобы посмѣяться напосимыхъ и лживыхъ клеветъ? Какая-жъ ему причина быть могла въ опредѣленнаго столь выгоднаго мѣста то подворье переносить на другое, гдѣ для многихъ причинъ и опасностей, чего до откровенности духовенству и не слѣдуетъ [2], тѣмъ монахамъ и людямъ быть отнюдь невозможно, и въ то мое въ Санктпетербургъ отбытіе воспользоваться у нашего преосвященства? И ваше преосвященство въ то мое отбытіе, учиня

---

[1] Мельница, данная монастырю, находилась на р. Ингулкѣ, при нынѣшней деревнѣ Христофировкѣ.

[2] Т. е. чего, откровенно говоря, духовенству и не подобаетъ; разумѣетъ дружбу съ гайдамаками, коихъ еще не мало находилось въ Чутѣ.

будьто не зная оного, только за извѣстіе ко мнѣ письмо въ Новую Сербію отправили, а онъ съ того учинился было здѣсь самовластнымъ, а потому и удержанъ офицерами [1]) отъ самоуправства въ выборѣ земель и дачъ, кои точно разграничены между полками и ротами до послѣдняго человѣка. Ссылаюсь на совѣсть самого архимандрита Софронія, не чрезъ меня ли онъ высочайшею милостію пользуется, и могъ ли бы онъ по своему въ прежнихъ мѣстахъ обдержанію здѣсь то получить?... Елико жъ принадлежитъ до сво жалованья, оное ему на первый годъ 400 рублевъ, а на другой 500 рублевъ выдано, а на нынѣшній годъ не произведено по причинѣ неимѣнія въ новосербской суммѣ денегъ, почему и воинскіе въ корпусѣ чины за два и за три года жалованья не получили». Въ этомъ же письмѣ Хорватъ тонко намекнулъ, что забота о гражданскомъ благосостояніи края лежитъ на немъ, Хорватѣ, а не на его преосвященствѣ.

При обоюдномъ раздраженіи оба правителя, свѣтскій и духовный, не пришли къ соглашенію. Хорватъ еще разъ (9 декабря) писалъ преосв. Гервасію, съ поясненіемъ, что первая салвогардія дана малороссійскимъ монахамъ, коихъ архимандритъ разогналъ, что «въ Чугѣ никакъ удержаться не можно отъ гайдамакъ», что и въ Черномъ лѣсѣ монахи укрывали гайдамакъ и оружіе, что Софроній такой же ненадежный и непостоянный человѣкъ, какъ и бывшій тутъ прежде игуменъ Мылутиновичъ, и просилъ отправить его куда нибудь въ глубь Россіи. Не получивъ отвѣта, Хорватъ послалъ жалобу въ сенатъ, а послѣдній въ началѣ февраля 1760 г., сообщилъ синоду вѣдѣніемъ о донесеніи Хорвата, что преосвященный Гервасій, епископъ переяславскій, письмомъ своимъ, по напраснымъ и ложнымъ изѣтамъ архимандрита Софронія, безъ всякого перво сношенія и усмотрѣнія справедливости, почитаетъ сво генералалейтенанта противникомъ противу Бога и огорчителемъ Его, и другіе ко обесславленію имени сво Хорвата термины включилъ, и разорителемъ храма Божія почелъ и подвелъ правило [2]), служащее

[1]) Именно, назначивши Алексѣй Константиновъ далъ Софронію знать чрезъ письмо, отъ 6 апрѣля 1759 г., что до пріѣзда Хорвата изъ С.-Петербурга онъ не долженъ предпринять построекъ.

[2]) Преосвященный въ длинномъ своемъ письмѣ привелъ 24 правило IV вселенскаго собора и 13 пр. VII всел., по которымъ разорители церквей, если они духовные, подлежатъ низложенію, а если міряне, то отлученію.

ко отлученію за то отъ церкви: съ котораго ево преосвященного и съ отвѣтного на то отъ него генерала писемъ на разсмотрѣніе приложилъ при томъ доношеніи копіи и просилъ по онымъ рѣшенія. Приказали: о томъ въ святѣйшій правительствующій синодъ сообщить вѣдѣніе, показавъ во оном, что, по данной реченному генералу-лейтенанту Хорвату, за подписаніемъ собственныя ея имп. величества руки, привилегіи, подъ Новую Сербію отведенная земля, съ поселяемымъ на оной повелѣнныхъ нацей народомъ, въ вѣдомствѣ ево генерала-лейтенанта состоитъ, кой о умноженіи тамъ народа стараніе свое прилагать долженъ, и прилагаетъ; для котораго поселяемаго народа онъ о построеніи тамъ и монастыря представлялъ и выбралъ удобное мѣсто, а между тѣмъ монастырь теперь начатъ строиться на новомъ мѣстѣ въ Черномъ лѣсѣ, и потому, предупреждая непорядки, воспретилъ то дѣлать».

Въ этомъ донесеніи Хорватъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторую неточность, сказавши, что архимандритъ вмѣсто избраннаго мѣста, то есть близъ Новомиргорода, началъ самовольно строиться въ Черномъ лѣсѣ, и вовсе умолчавши о своихъ салвогардіяхъ.

Отъ 14 февраля 1760 года синодъ потребовалъ отъ Гервасія разслѣдовать, точно-ли на новомъ мѣстѣ строится монастырь. Но еще 6-го февраля отпущенъ Софроній въ Петербургъ «для лучшаго изъясненія о своихъ обидахъ отъ генерала Хорвата и доставленія обстоятельнѣйшихъ резоновъ по тому своему дѣлу»; и отъ тогоже числа епископомъ Гервасіемъ послано донесеніе синоду такого содержанія.

«Епархіи моей переяславской, Новой Сербіи архимандритъ Софроній Добрашевичъ, минувшаго 1759 года генваря 14 дня, поданнымъ мнѣ доношеніемъ представилъ: минувшаго 1757 года находившіяся въ Новой Сербіи при лѣсѣ Чорномъ монахи даннымъ генералу лейтенанту Хорватову доношеніемъ просили для приличнѣйшаго приходящихъ и проживающихъ при лѣсѣ, называемомъ Чутѣ, монаховъ прожитія подворье, до будущаго въ Новой Сербіи монастыря, и въ томъ подворьи церковь во имя Преображенія Спасова состроить; по которому де доношенію отъ него генерала Хорватова въ Чутѣ либо въ Чорномъ лѣсахъ подворье и церковь состроить и дозволено, якожде о дозволеніи и двѣ салвогардіи за его-жъ генерала рукою даны. А въ дополненіи де къ состроенію

того подворья и церкви въ лѣсѣ Чорномъ о выдачѣ грамматы на испрошеніе милостыни къ моему антецессору, преосвященному Іоанну, отъ него-жъ писано, съ прошеніемъ выдачи книги; да и самъ де онъ генералъ пятдесятъ рублевъ на заложеніе церкви зъ казначейства и мельницу поблизу того подворья, имѣвшагося быть, находившуюся далъ. И понеже де ему архимандритѣ съ монахами при немъ имѣющимися въ Новомъ Миргородѣ жить между мірскими незапристойно, указомъ-же де ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода ко мнѣ прошлаго 757 г. отъ ноября 17 состоявшимся, между прочимъ велѣно, что касается до имѣемаго быть въ Новой Сербіи ему архимандритѣ зъ братіею жительства, о томъ надлежащее разсмотрѣніе и приличное къ монашескому обращенію распоряженіе мнѣ учинить: того ради, представивъ онъ салвогардіи генерала Хорвата, дозволяющіи на состроеніе подворья и въ немъ церкви, просилъ моего на то благословенія. На основаніи таковыхъ обстоятельствъ благословеніе на заложеніе воспоминаемой церкви отъ мене дано ему архимандритѣ того-жъ 759 года генваря, и о томъ тогда-жъ какъ и вашему святѣйшеству отрепортовано, такъ и къ воспоминаемому генералу лейтенанту Хорватову о вспоможеніи въ состроеніи оной церкви писано. Истекшаго-же 1758 года іюля 20 онъ-же архимандритъ Софроній чрезъ поданное мнѣ доношеніе объявилъ: въ томъ де 759 г. доношеніемъ, поданнымъ мнѣ, онъ архимандритъ просилъ благословенія на заложеніе церкви подъ Чорнымъ лѣсомъ при рѣчкѣ Рудой [1]), и хотя де, по тому доношенію получивъ онъ отъ мене благословеніе, церковь Спасова Преображенія заложилъ было, къ состроенію оной уконтрактовавъ обыкновенно майстеровъ [2]) и по надлежащему ихъ деньгами и харчью снабдивъ; но предпомянутый де генералъ Хорватъ, возвратяся того-жъ года изъ Санктпетербурга, не только заложеніе оное разорилъ чрезъ капитана Христа

---

[1]) Мѣстность не при самой рѣчкѣ, а верстахъ въ семи отъ ней, и въ верстѣ отъ р. Ингульца. Руда упомянута для опредѣленности, какъ имѣющая всего теченія не больше десяти верстъ, тогда какъ Ингулецъ — больше 250. Руда впадаетъ въ Ингулецъ.

[2]) Это «бывый житель Цыбулева Ярёма съ помощниками». На подворьѣ еще имѣли хаты Іосифъ и Романъ Соложичи и Трохимъ Гапчаръ.

Герича [1]), майстеровъ его архимандрита съ монахами и живущихъ при томъ подворьи до шести и болѣе хатъ людей разогналъ, луку [2]), принадлежавшую къ тому подворью, отнявъ, священнику шанца Дмитровскаго на хуторъ опредѣлилъ [3]), но уничтожая уже свои салвогардіи и свое въ высоко правительствующій сенатъ представленіе, коимъ просилъ о бытіи въ Новой Сербіи монастырю и въ немъ архимандритѣ съ братіею опредѣленія, чтобъ ни единаго въ томъ подворьи монаха не было, приказалъ, чѣмъ де въ такое онъ архимандритъ приведенъ съ монахами своими разореніе, что и насѣянный тамо хлѣбъ до двадцати дней въ пустошъ и спашъ оставить принуждены. Наковецъ-же де, не довольствуясь и толикими приключеніями обидъ, за собственные его архимандрита деньги наемнаго человѣка для присмотрѣнія и настьбы скота къ пропитанію его архимандриты и братіи имѣющагося, въ услуженіе свое онъ генералъ насильно взялъ, и что безъ надлежащаго смотрѣнія скотъ оставленъ, сомнительно, чтобъ въ цѣлости доселѣ быть могъ. И понеже де, чтобъ по благословенію моему заложенной имъ архимандритомъ церкви строеніе привесть въ совершеніе, при коей до пребудущаго монастыря состроенія можно-бъ съ монахами въ согласія монашескія регулы прожить, препятствуется отъ генерала Хорвата: того ради онъ архимандритъ просилъ моего ему съ братіею въ приключаемыхъ отъ него генерала Хорвата обидахъ защищенія, а о прекращеніи тѣхъ обидъ и о состроеніи къ прожитію ему съ братіею церкви, которая съ благословенія моего уже и заложена, къ вашему святѣйшеству отъ мене представленія. По которому архимандриты доношенію за должность мою въ томъ-же

---

[1]) Христо (Христофоръ) Гричъ есть основатель деревни Христофоровки, нынѣ существующей. Софроній послѣ (въ синодъ) показалъ, что Гричъ позволилъ Солошичамъ и Гапчару оставаться въ своихъ хатахъ «за корову и обязательство робыть панщину ему капитану».

[2]) Лука—малороссійское названіе луга, весною заливаемаго водою; эта лука находилась близъ самаго подворья.

[3]) Въ послѣдствіи въ своихъ неоднократныхъ показаніяхъ на запросы изъ канцеляріи синода, Софроній сознавался, что «сторонностію о томъ заувѣдомлено его». Можетъ быть священникъ Даніилъ и простиралъ свои виды на монастырскую дачу и по примѣру Герича, отнявшаго мельницу, думалъ овладѣть тѣмъ мѣстомъ для своего хутора, но не видно, чтобы Хорватъ даралъ ему или обѣщалъ подарить монастырскую землю и постройки.

759 годѣ іюля дня хотя къ предвоспомяненному генералу Хорвату съ прописаніемъ предвосписанныхъ приключаемыхъ отъ его генерала архимандритѣ обидъ и съ объявленіемъ недобраго за то преслѣдованія и писалъ, зъ совѣтованіемъ и о имени нашего Спасителя прошеніемъ какъ о томъ, чтобъ онъ генералъ отъ приключенія обидъ попресталъ, такъ и заложенной церкви къ прожитію архимандриты зъ братіею строенію не препятствовалъ; но что тогожъ года октября 12 присланнымъ онъ генералъ Хорватъ ко мнѣ письмомъ объявилъ, якобы архимандритъ на его представилъ мнѣ неправедно. Съ опредѣленія моего въ моей консисторіи архимандритъ противъ того письма отвѣты далъ, и яко отъ его архимандриты Софронія отвѣтовъ виновенъ онъ Софроній не оказался, напротивужъ того, каковы ему обиды приключены отъ генерала Хорвата, совершенно изъяснилъ: то по такимъ обстоятельствамъ, хотя объ той жалобѣ архимандриты Софронія вашему святѣйшеству и надлежало отъ мене представить, но и еще я предпринялъ въ разсужденіе себѣ, не пріиметъ-ли онъ генералъ въ раскаяніе себѣ того, сколь онъ безвинно архимандрита и братію изобиждаетъ, и не оставитъ-ли ихъ въ покоѣ? И въ такомъ будучи я разсужденіи, вторично къ нему генералу писалъ съ приличнымъ его чести совѣтованіемъ и о имени Спасителя нашего прошеніемъ объ томъже чрезъ него архимандрита Софронія. А понеже онъ архимандритъ Софроній, за возвращеніемъ своимъ въ катедру, настоящаго 1760 г. января 9 дня чрезъ поданное мнѣ доношеніе объявилъ: 1) Когда де онъ минувшаго 759 года декабря 1 въ Новую Сербію отъ моей катедры къ дому [1]) своему прибылъ и приказалъ бывшему при немъ монаху Исаіи ворота къ уйзду отворить, то въ томъ дворѣ его учрежденные караульные три гарнизонные гранодеры Лазарь Марковичъ, Илія Николичъ и Сладое Стефановичъ, выскочивъ съ избы его съ ружьемъ, къ тому уйзду въ дворъ его архимандриту не допустили, а сказали, что предписанный генералъ пущать ево въ дворъ не велѣлъ. Потомъ де выйшовъ съ тоей-же избы къ нему на улицу капитанъ Алексій Звика, потому-жъ сказалъ, и пошолъ о пріѣздѣ его къ дому своему генералу доложить. А онъ де архи-

---

[1]) То есть въ Новомиргородъ, гдѣ архимандритъ изъ своего жалованья пріобрѣлъ мѣсто за 100 р. и готовую избу за 120 рублей.

мандритъ, дожидаяся извѣстія, чрезъ немалое время на улицѣ холодъ претерпѣвалъ; а потомъ де чрезъ посланнаго отъ него архимандриты въ главную тамошнюю канцелярію іеромонаха Захарію полковой канцеляріи премеръ маіоръ Николай Цветиновичъ сказалъ, чтобъ онъ архимандритъ на какой ни есть квартерѣ, пока отрепортовано будетъ генералу, сталъ, для чего принужденъ онъ архимандритъ стоять съ прошенія своего въ дворѣ тамо жительствующаго гусарина Михаила Кишляды, дожидаясь резолюціи чрезъ дней девять. 2) Понеже де чрезъ показанное время никакой резолюціи не было ему, то того-жъ декабря 9 онъ самъ къ генералу за полученіемъ извѣстія, съ какой причины ему въ домъ свой уѣздъ караульными возбраненъ, явиться принужденъ; и когда де явился, то генералъ съ строгостію точно ему сказалъ, что въ Новой Сербіи монастырю быть вовсе отказано, и заложенной нимъ архимандритомъ въ подворьѣ церкви быть крайне нельзя, понеже де тамо лежащая земля вся отведена на роты; пущай де архіерей въ Малой Россіи отведетъ землю и состроитъ ему монастырь: онъ-же генералъ въ Новой Сербіи ничего дать не имѣетъ. 3) Когда онъ архимандритъ іеродіакона Геннадія спросилъ о данной ему по указу ея императорского величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода архимандричой ризницѣ, которая нимъ въ домѣ его оставлена, гдѣ она находится, то онъ Геннадій сказалъ, что въ дому его архимандриты, а съ приказу генерала, въ церковь *) шанца новомиргородскаго еще до пріѣзду его въ Новую Сербію отсюда забрата. 4) Въ оной-же де архимандричей ризницѣ, изъ святѣйшаго правительствующаго синода данной, каковы и его собственныя **) книги находились, и тѣ тогдажъ съ тою ризницею забраны въ воеписанную шанца миргородскаго церковь». Выясняя, что Хорватъ «безвинно вытѣснилъ» архимандрита изъ Новой Сербіи, преосвященный проситъ защиты.

Въ журналѣ св. Синода отъ 7 апрѣля 1760 года записано предположенное имъ опредѣленіе: «какъ Софроній выславъ Хорва-

*) Это церковь Рождества Пресвятой Богородицы, заложенная въ 1752 г., деревянная; упразднена въ 1825 году по распоряженію военнаго начальства.

**) Изъ собственныхъ книгъ его нынѣ уцѣлѣли этихъ строкъ доводилось видѣть «Розыскъ о Брынской Вѣрѣ» Димитрія ростовскаго, съ записью, что «сія книга принадлежатъ Софронію Доброшевичу, архимандриту Новой Сербіи».

томъ, то дабы ему по иностранству своему не претерпѣвать нужды здѣсь, впредь до разсмотрѣнія имѣетъ пребываніе въ ставропигіальномъ новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ съ прилучнымъ по его иностранству респектомъ». А по сказкѣ 11 апрѣля Софроній показалъ: «изъ Санктпетербурга по отправленіи своемъ въ Новую Сербію выѣхалъ онъ архимандритъ 1756 году въ августѣ мѣсяцѣ, а пріѣхалъ туда въ октябрѣ мѣсяцѣ того-жъ 1756 года, и явясь находящемуся тамо генералу-лейтенанту Хорвату, жительство сталъ имѣть въ Миргородѣ, и потомъ по силѣ данныхъ отъ помянутого генерала-лейтенанта Хорвата о построеніи церкви и для жительства ему архимандриту съ монашествующими скитковъ двухъ салвогардій, по первой въ седмойнадесять ротѣ въ шанцѣ дмитровскомъ, по второй въ лѣсѣ Чутѣ, гдѣ способное мѣсто изберутъ, ѣздилъ онъ архимандритъ въ Переяславль для полученія отъ бывшаго преосвященнаго Іоанна, епископа переяславскаго, на то благословенія, но, за послѣдовавшею его преосвященства тогда кончиною, того благословенія отъ него не получилъ, а просилъ де о томъ уже нынѣшняго преосвященнаго Гервасія епископа, который де и благословилъ ему архимандриту то церковное строеніе начинать по второй салвогардіи въ лѣсѣ Чутѣ, для того, что де онъ архимандритъ увѣдомился, что то, по первой салвогардіи подъ церковное строеніе назначенное, мѣсто означенный Хорватъ, при отъѣздѣ своемъ въ Санктпетербургъ въ 1758 году, отдалъ той седмойнадесять роты шанца дмитровскаго попу Даніилѣ на хуторъ, почему де онъ архимандритъ по пріѣздѣ своемъ изъ Переяславля въ Новую Сербію по означенной второй салвогардіи въ тотъ лѣсъ Чуту ѣздилъ и къ строенію церковному способное мѣсто смотрѣлъ. А какъ потомъ де для закладыванія церкви съ подкалинами пріѣхалъ, то шестеровской роты капитанъ Мержинъ, объявя ему, что въ той Чутѣ послѣ уже данной отъ Хорвата салвогардіи поселена ихъ рота, съ стоявшею тамо командою той церкви заложить не допустилъ. Чего де ради онъ архимандритъ по первой салвогардіи, не объявя помяненному Хорвату, за отбытіемъ его въ Санктпетербургъ, а помянаемой дмитровской роты отъ командировъ, по силѣ данной салвогардіи, вспоможенія не требуя, за небывшею въ томъ тогда нуждою, заложилъ церковь въ дачѣ дмитровской подъ Чорнымъ лѣсомъ, на Уховкѣ, за рѣчкою Рудою, въ разстояніи отъ дмитровской роты въ пяти верстахъ, которое де

мѣсто самъ онъ Хорватъ на подворье имъ опредѣлилъ. И хотя де помяненный попъ Данила въ томъ ему препятствовалъ и его архимандрита бранилъ, однако онъ архимандритъ нанялъ работныхъ людей оное строеніе производить; точію за разогнаніемъ, по приказанію Хорватову, работныхъ людей то строеніе нынѣ оставлено. Итакъ по первой салвогардіи зачатая подъ Чорнымъ лѣсомъ церковь строеніемъ оставлена, а по второй въ Чутѣ за означеннымъ недопущеніемъ и не зачата».

Изъ выставленныхъ документовъ все-таки не уясняется надлежащимъ образомъ причина разлада Хорвата съ новосербскимъ архимандритомъ, имъ-же Хорватомъ, можно сказать, созданнымъ; въ связи съ этимъ разладомъ стоитъ стремленіе Хорвата основать въ Новой Сербіи отдѣльную епископскую каѳедру и имѣть «своего единонаціональнаго епископа». Самая поѣздка его въ Санктпетербургъ въ 1758 году предпринята была, между прочимъ, съ цѣлію достигнуть учрежденія новосербской епархіи и предоставленія каѳедры вызванному имъ для того бывшему далматскому епископу Симеону Концаревичу [1]), и онъ имѣлъ въ томъ успѣхъ по крайней мѣрѣ въ сенатѣ. Ибо правительствующій сенатъ вѣдѣніемъ отъ 30 марта 1759 года сообщилъ синоду, что «по доношенію генералъ-лейтенанта Хорвата, коимъ представлялъ о прибывшемъ сюда изъ Венгріи, княженія Славоніи, епархіи пакрачьо славонской, экзархѣ Геннадіѣ Васичѣ, который объявилъ письменное прошеніе, что онъ желаетъ остаться въ вѣчномъ ея имп. величества подданствѣ въ Новой Сербіи при выѣхавшемъ сюда изъ Далмаціи епископѣ Симеонѣ Концаревичѣ... При чемъ Хорватъ, по нѣкоторымъ въ пользу ея имп. величества интереса причинамъ, представлялъ за нужное означеннаго экзарха въ Новой Сербіи удержать, и для того его при означенномъ епископѣ Концаревичѣ оставить, дабы онъ иногда во время отлучки онаго епископа изъ Новой Сербіи, а притомъ, и по старости лѣтъ его, въ правленіи духовенства и надсмотрѣніи церквей быть могъ. Приказали: означеннаго экзарха Геннадія, по представленію Хорвата и по собственному его желанію, отправить въ Новую Сербію и до будущаго объ немъ опредѣленія быть ему тамо при выше-

[1]) О немъ см. статью Попова въ «Православномъ Обозрѣніи» 1872 года, за мартъ мѣсяцъ. Ср. о немъ-же въ «Странникѣ» 1872 года, за сентябрь.

помянутомъ епископѣ Концаревичѣ, а для его содержанія за выѣздъ сюда въ награжденіе выдать ему сто рублей изъ штатсъ-конторы [1]). А чтобъ онъ Геннадій въ бытность въ Новой Сербіи, за отлучкою иногда епископа Концаревича или и по старости его, исправлять могъ по званію своему должность, о томъ на разсмотрѣніе сообщить въ святѣйшій правительствующій синодъ. И святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ учинить о томъ по ея имп. величества указу».

Итакъ въ сенатѣ не усматривалось препятствій къ исполненію предположенія Хорвата; но синодъ вѣдѣніемъ отъ 3 мая 1759 г. сообщилъ сенату, что «въ показанной Новой Сербіи епархіи не учреждено, и оной безъ имяннаго ея имп. величества указу учредить не возможно, а поселенныя въ той Новой Сербіи слободы и священно-церковно-служители святѣйшимъ синодомъ въ 1756 году, по близости мѣстопребыванія, по духовнымъ дѣламъ въ вѣдомство и управленіе переяславскаго преосвященнаго архіерея поручены. Чего для, также и что помянутый епископъ Концаревичъ самъ отъ бытія тамо отрекся и другихъ ради вины словоній, ему Концаревичу не во оной Новой Сербіи, но до имѣющаго разсмотрѣнія... въ кіево-печерской лаврѣ [2]) быть опредѣлено, и слѣдственно и тому экзарху быть въ той Новой Сербіи несходственно».

Хорватъ съ своей стороны не ослабѣвалъ, и вотъ состоялся формальный приговоръ офицеровъ новосербскаго корпуса въ такой силѣ.

«1760 года февраля 28 дня новосербскаго корпуса гусарскаго Хорватова и учрежденнаго отъ того новомиргородскаго гарнизона и пандурскаго пѣхотнаго полковъ штабъ и оберъ-офицеры, будучи въ собраніи въ главномъ отъ новосербского корпуса мѣстѣ, въ шанцѣ новомиргородскомъ, и имѣя всякъ въ ротахъ учиненныя, въ силу всевысочайшей ея имп. величества имянной привилегіи и указовъ, командующимъ новосербскимъ корпусомъ, господиномъ генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Самойловичемъ Хорватомъ о фундованіи

[1]) Выражаясь по нынѣшнему—изъ государственнаго казначейства.

[2]) Но жилъ въ петропавловскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ 26 августа 1769 года; схороненъ въ монастырской церкви (нынѣ семинарской, гдѣ и понынѣ виднѣется надгробіе ему).

въ здѣшнихъ задунайскихъ мѣстахъ сего, по вызову съ иностранныхъ государствъ, въ Новую Сербію въ службу и вѣчное ея имп. величества подданство вышедшаго вольнаго народа и духовенства и въ строеніи Божіихъ церквей довольными наставленіи и распоряженіи, разсуждая силу оныхъ и нужность поселившемуся народу и духовенству, согласно приговорили:

1) Понеже съ какою силою и основаніемъ сей православной иностранной вольной народъ издавна, по вызову римскихъ императоровъ и по снабдѣнію привилегіею подданными и фазаламъ [1]), въ первой службѣ съ отца, дѣда и прадѣда находился и своихъ единонаціональныхъ епископовъ имѣлъ, а наконецъ, за притѣсненіемъ народа и епископовъ къ уніи и другими въ отмѣну привилегіи приключеніи, какъ въ 1749 году, по окончаніи тогда всѣхъ войнскихъ дѣйствъ, отъ римскаго двора реинкорпорація [2]) объявлена и народъ вольнымъ остался [3]), то въ началѣ означенной господинъ генералъ-лейтенантъ, а съ нимъ, ево-же предводительствомъ и стараніемъ, и протчей народъ, по единовѣрію, во всеславную ея имп. величества россійскую имперію, при немъ-же господинѣ генералъ-лейтенантѣ, оставляя свои жилищи и съ какою крайнею нуждою и разореніемъ выѣхали, а другія, подражая тому, опослѣ прибыли и прибываютъ, и въ вѣчное ея имп. величества подданство подверглись, и въ сыны отечества приняты, и въ здѣшнихъ степныхъ мѣстахъ, по той всевысочайшей ея имп. величества имянной привилегіи, поселены, и какъ тоею-же привилегіею и особыми ея имп. величества указами о содержаніи въ корпусѣ новосербскихъ церквей и духовенства по пропзволу народа подтверждено, о томъ и на какомъ оному основаніи оставаться конфирмовано, высшимъ правительствамъ извѣстно.

---

[1]) Вѣроятно вассалам, то есть дворянству.

[2]) То есть реформированіе военнаго корпуса и приведеніе устройства страны въ общій видъ гражданскаго управленія; въ австрійскомъ оффиціальномъ говорѣ это называлось «Provinzialisirung, Incorporations—Geschaft». Ясно и безпристрастно изложено все это дѣло, какъ и обстоятельства выселенія сербовъ Марошско-тесскихъ въ Россію, въ сочиненіи *Schwicker's*: Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest, 1880.

[3]) То есть народу позволено было вѣнскимъ правительствомъ выселиться, если не хотятъ подчиняться новому устройству своего быта.

2) За помощію-жъ Всевышняго, въ какомъ въ новосербскомъ корпусѣ, къ славѣ и пользѣ отечества, видимомъ вѣчномъ плодѣ процвѣтаемъ и во обширности по-ротно поселеніемъ, зачавъ отъ Днѣпра болѣе дву сотъ верстъ по-надъ польскою границею и отъ турецкой стороны не въ дальнемъ разстояніи, во всегдашней службѣ въ защищеніи и обдержаніи границы остаемся; изъ коего [1]) хоть по новости, однакъ и при арміи немалое число предъ непріятелемъ въ службѣ находится. А къ тому господиномъ генераль-лейтенантомъ Хорватомъ съ корпуса и вновь два полевые гусарскіе, македонской и болгарской, полки формируются. И во всемъ новосербскомъ корпусѣ всѣ сорокъ шанцовъ офундованы и во оныхъ Божіихъ церквей, въ коихъ и служеніе есть, двадцать девять имѣется, и къ тому и прочіе строеніемъ начаты, а и къ другимъ принадлежащіе матеріалы заготовлены. А сверхъ тѣхъ означенныхъ господиномъ генераль-лейтенантомъ къ строенію въ шанцѣ новомиргородскомъ изъ собственного кошта каменной соборной церкви всѣ принадлежащіе матеріалы заготовлены и мастеровые люди подряжены, и въ наступающее лѣто конечно строеніемъ начнется.

3) Намъ-же всѣмъ и до послѣдняго служащаго съ фамиліями и поселенцами чувствительно остается, сколько тѣмъ командующимъ господиномъ генераль-лейтенантомъ Хорватомъ о выгодахъ и полезныхъ ко умноженію сего вѣчного плода произходствахъ, и въ вызовѣ и умноженіи народа и духовенства, есть трудовъ и прилежанія, а напротиву того и въ просимомъ отъ народа, съ представленія ево къ той выгодности и обдержанію, съ высочайшаго ея императорскаго величества материзго милосердія, и полезными отъ высокаго правительства резолюціями снабдѣвались: такъ и нынѣ весь сей иностранный народъ имѣетъ такую горячность и истинное желаніе, чтобъ въ Новой Сербіи, въ началѣ, къ прославленію величества Божія и къ распространенію всемилостивѣйшей монархини славы, быть особой епархіи и при ней единонаціональному, по всевысочайшей привиллегіи, епископу (какіе и въ прежнихъ мѣстахъ всегда изъ такихъ единонаціональныхъ имѣлъ), какъ для лучшаго поощренія къ выходу народа, такъ и къ одержанію въ корпусѣ

[1]) Разумѣется новосербскій корпусъ. «Хоть по новости» — хотя съ недавняго времени.

духовенства и наблюденія церквей и догматовъ, тѣмъ паче, что выходящее духовенство, лишаясь въ прежнихъ мѣстахъ, за несвободнымъ опять[1]) отпускомъ, всего своего имущества, только для единовѣрія, сколько при проходѣ чрезъ два и три государства претерпѣваютъ разоренія и въ крайней нищетѣ и бѣдности сюда прибываютъ, то и отсель принужденными остаются ѣздить, по неблизкому отъ Новой Сербіи разстоянію, къ епархіальнымъ епископамъ къ полученію къ священнодѣйствію благословенія и другихъ усыновительныхъ наставленій... И за нескорымъ, по тому дальному растоянію, надобного полученіемъ всегдашнія священникамъ, кои только отъ народа и содержатся, въ епархіальныя консисторіи бываютъ отлучки, излишніе въ проѣздахъ убытки и волокиты, а за отлучками и что рота отъ роты въ неблизкихъ разстояніяхъ, часто случается народу и въ преподаніи по христіанской должности требъ и во исправленіи надобного упущеніе.

4) По вызову-жъ означеннаго господина генералъ-лейтенанта Хорвата и въ бытность его въ прошломъ 1759 году въ Санктпетербургѣ прибылъ въ Новую Сербію отъ Цесарія, съ княженія Славоніи, бывшій тамо при покойномъ преосвященномъ Софроніи[2]), епископѣ епархіи пакрачко-славонійской, первымъ по немъ къ произведенію въ чинъ епископства, экзархъ Геннадій Васильевичъ (которой въ равномъ чинѣ противъ здѣшнихъ архимандритовъ состоитъ), и отсель отправленъ былъ въ Санктпетербургъ ко оному господину генералъ-лейтенанту Хорвату, а по возвращеніи оттоль для извѣстнаго дѣла[3]) посланъ былъ въ Цесарію, гдѣ хоть ему

---

[1]) Уже въ августѣ 1752 года императрица Марія Терезія издала указъ (Pönal-Patent) противъ тайныхъ перебѣжчиковъ и эмигрантовъ, при коемъ предложенъ былъ списокъ лицъ, коимъ дано дозволеніе перейти въ русскую службу... Въ 1754 году, на просьбу русскихъ послъ о непрепятствованіи желающимъ выселиться, отвѣчено, что позволяется выйти только женатымъ и нежеватымъ сыновьямъ уже переселившихся, а необходимые для нихъ услугъ крѣпостные люди (Knechten) могутъ сопровождать ихъ до польской границы, откуда будутъ возвращены. *Schwicker*, стр. 134—143.

[2]) Софроній умеръ въ 1757 г., такъ вѣрно изъ далней Геннадіевъ сказки о себѣ въ Синодѣ.

[3]) Именно—добыть документы и засвидѣтельствованія о своемъ званіи, какіе послѣ и представлены при сказкѣ, и въ копіяхъ имѣются при дѣлѣ (дѣ-

епископскій чинъ данъ былъ, но онъ, не хотя своего бытія въ Новосербіи, въ вѣчномъ ея императорскаго величества подданствѣ, желанія оставить, сюда возвратился и нынѣ здѣсь находится, и собственное желаніе имѣетъ оставаться въ Новой Сербіи при церквахъ и духовенствѣ въ епископскомъ чинѣ.

5) Посему для описанныхъ тяжестныхъ народу, а паче духовенству обстоятельствъ... какъ всѣ военнослужащіе чины, такъ и поселенцы и ихъ фамиліи искренно просятъ о бытіи тому, остающемуся нынѣ въ чинѣ архимандричьемъ экзарху, всечестному отцу Геннадію (какъ онъ единонаціональный), при новосербскихъ церквахъ и духовенствѣ епископомъ, и по немъ другимъ...

6) До предбудущаго-жъ монастыря построенія (къ чему и онъ экзархъ Геннадій, за полученіемъ по всевысочайшему ея императорскаго величества матернему милосердію того епископскаго чина, прилежные труды, старательство и попеченіе прилагать обязуется) можетъ онъ епископскимъ чиномъ и въ показанной, въ шанцѣ новомиргородскомъ, каменной соборной церкви или и въ другихъ при корпусѣ церквахъ все потребное исполнять, понеже и монастырь въ самой близости того шанца форштата построенъ будетъ... подъ которой, тожъ и на подворье и хуторъ къ содержанію для монастыря и братіи надлежащей экономіи, изъ опредѣленныхъ народу общественныхъ земель дать... (а подворье уже начато и фундуется), а кто̀му дозволить имъ при подворьи и хуторѣ, на опредѣленныхъ отъ народа земляхъ, вызываемыхъ изъ Польши, позашедшихъ [1] туда въ прошлыхъ годѣхъ, бѣглыхъ россійскихъ подданныхъ, малороссіянъ, кои тамъ въ услугахъ у поляковъ напрасно пропадаютъ, для всякихъ монастырскихъ нуждъ, хотя до пятидесяти дворовъ населить.

7) На содержаніе-жъ онаго монастыря епископа, братіи послушниковъ и другихъ служителей, также ево епархіальной консисторіи всѣмъ къ исправности оной потребнымъ, ко опредѣленной,

которыя—въ переводѣ съ нѣмецкихъ подлинниковъ). Это—грамота Софронія Геннадію и свидѣтельства епископскихъ чиновъ о Геннадіѣ.

[1] Господамъ офицерамъ новосербскаго корпуса простительно было не знать, что изъ малороссіяне не зашли въ кіевскую, волынскую и подольскую земли изъ русскаго государства «въ прошлыхъ годѣхъ», а были тамъ коренными жителями.

по ея императорскому величеству указамъ, въ ежегодную дачу на содержаніе монашествующаго здѣсь духовенства, къ тысячѣ рублямъ, по резону, что при епископѣ ево сану многіе духовные чины прибавятся и что сей монастырь противъ другихъ въ Россіи монастырей ни съ какихъ деревень и маетностей, кромѣ доброхотныхъ дателей, доходовъ имѣть не будетъ, съ высочайшей ея императорскаго величества милости и за многолѣтнее ея императорскаго величества здравіе, по крайней необходимости, къ той тысячѣ еще тысячу рублевъ опредѣлить и ту дачу по двѣ тысячи рублевъ ежегодно имъ производить изъ новосербской суммы.

8) Приговоръ къ представленію, куда надлежитъ, и ко непрошенію по оному высочайшей конфирмаціи подать вышереченному господину генералъ лейтенанту Хорвату; а какъ и самъ Геннадій слѣдуетъ въ Санктпетербургъ, то депутатомъ при немъ опредѣлить быть находящемуся нынѣ въ Санктпетербургѣ по другимъ по корпусу дѣламъ поручика Константина Вайду.

Прапорщики:

Андреянъ Никорацъ
Василій Тотовичъ
Андронатей Доше
Лазарь Іовичъ
Степанъ Вучъ
Николай Константиновъ
Василій Ристичъ
Михаилъ Барнатичъ
Иванъ Стоянъ
Петръ Германъ
Георгій Юрьевъ
Николай Тыка
Константинъ Турубжанъ
Сидоръ Якшичъ
Дмитрій Софроніевичъ
Гаврилъ Богдановичъ
Михайла Цветиновичъ.

Поручики:

Павезъ Ердели
Михаилъ Бабикъ
Иванъ Карачунъ
Іосифъ Адлешовской
Константинъ Шаховичъ
Марко Николичъ
Макеимъ Чорба
Самоилъ Хорватъ
Сава Барьяковичъ
Константинъ Георгіевъ
Еремей Горвасій
Сава Станоевичъ
Иванъ Пиварович
Капитанъ лейтенантъ Арсеній Чарноевичъ.

Капитаны:

Стефанъ Пишчевичъ
Георгіе Пишчевичъ
Георгій Поповичъ
Дмитрей Мержанъ
Павелъ Здрохлей

Петръ Божичъ
Алекса Сфика
Григорій Булацель
Симонъ Вуковичъ
Иванъ Радковичъ.

Примеръ Маіоры:

Лазарь Сербуль
Николай Шветиновичъ
Федоръ Чорба
Подполковникъ Алексій Константиновъ.

Приговоръ этотъ сообщенъ былъ изъ сената синоду, которому представилъ и Геннадій свои документы. Изъ синода отъ 6 іюня 1760 послѣдовалъ преосвященному Герасію запросъ: «подлинно-ли съ двадцать девять церквей въ Новой Сербіи имѣется, и оныя съ надлежащаго-ль архіерейскаго благословенія строены?»—Епископъ Герасій отъ 8 ноября тогожъ года донесъ, что «въ Новой Сербіи, въ двухъ протопопіяхъ пандурского и гусарского полковъ церквей, съ надлежащаго архіерейскаго благословенія строенныхъ и въ коихъ священнослуженіе производится, двадцать шесть имѣется; кромѣ того въ протопопіи гусарского полку три съ моего благословенія заложены, а на заложеніе двоихъ благословеніе дано. Кромѣ того въ протопопіи гусарского полку въ шанцѣ Федварь безъ надлежащаго архіерейскаго благословенія въ 1757 году якобы тамо бывшимъ ротнымъ командиромъ, кой въ Пруссіи при арміи умре (а какъ ему имя и рангъ и прозваніе—неизвѣстно), будучи по незнанію и иностранству, церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла заложена и уже теперь въ окончаніе приходитъ».

Святѣйшій синодъ, не считая нужнымъ учреждать особой епархіи для столь малаго числа церквей, опредѣлилъ: «когда ко учрежденію тамо новой епархіи совершенная потреба будетъ настоять, тогда св. синодъ безъ дальняго разсмотрѣнія не оставитъ поступить, какъ святыми правилами и духовнымъ регламентомъ узаконено». Въ связи съ этимъ постановлено именующагося экзархомъ Геннадія Васича «по важнымъ резонамъ» изъ Россіи удалить, архимандрита Софронія вновь отправить въ Новую Сербію и поручить ему достроить заложенную имъ церковь на ежегодный остатокъ въ 232 рубля изъ отпускаемой на монастырь съ братіею суммы въ тысячу рублей, а генералъ-лейтенанту Хорвату дать знать, чтобъ онъ не вмѣшивался въ духовныя дѣла и не отрѣшалъ духовенства своею властію.

Софроній въ августѣ 1760 поѣхалъ на прежнее мѣсто, но что дѣло у него съ Хорватомъ не ладилось, видно изъ донесенія преосвященнаго Герасія отъ 8 февраля 1761 года. Герасій писалъ въ синодъ: «извѣты Хорвата о Софроніѣ о неуживчивости неосновательны, а о переведеніи его на другое, по требованію господина генералъ-лейтенанта, внутрь Россіи мѣсто не нахожу резоннымъ и предаю то почтеннѣйше на высокое вашего святѣйшества благоусмотрѣніе и волю».

Хорватъ удержалъ при себѣ Геннадія Васича и, по личному донесенію новомиргородскаго протопопа Петра Булича Герасію, военное начальство отговаривалось разными резонами отъ высылки его. Преосвященный Герасій представилъ объ этомъ въ синодъ, который въ іюлѣ 1762 года повелѣлъ преосвященному «не допускать Геннадія до священнослуженія».

У Софронія продолжались распри съ военнымъ начальствомъ, особенно на счетъ получки опредѣленныхъ на постройку денегъ, которыя и послѣ удаленія Хорвата въ 1763 году и преобразованія Новой Сербіи не выдавались исправно или и вовсе не выдавались отъ коменданта крѣпости св. Елисаветы, отзывавшагося неполученіемъ указовъ. Софроній строилъ не только келліи, но и церковь на свое жалованье, и въ февралѣ 1766 года преосвященный Герасій донесъ Синоду, что та церковь, не смотря на притѣсненія архимандриту и задержки въ полученіи денегъ, сверхъ ожиданія вышла «велика и коштовна, строеніемъ докончена, кромѣ только, что гонтою глава не побита».—Вѣроятно въ этомъ-же году и освящена церковь самимъ преосвященнымъ Герасіемъ; но письменныхъ документовъ объ этомъ не имѣется. Церковь, кромѣ главнаго престола во имя Преображенія Господня, имѣла и придѣльный—въ честь св. Николая.

Но вотъ къ осени того-же года получается оффиціальное увѣдомленіе, что коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ, вслѣдствіе сношенія съ комендантомъ крѣпости св. Елисаветы, рѣшила «монастырю въ Новой Сербіи быть надобности не предвидится»... Послѣ обычной переписки епархіальнаго архіерея съ синодомъ, въ мартѣ 1767 года состоялось опредѣленіе: «архимандрита Софронія, по его иностранству, сравнить съ грузинскими архимандритами и выдавать ему ежегодно по семидесяти рублей изъ доходовъ коллегіи экономіи,

а застроенной церкви быть приходскою; если-же ей быть не для кого, то упразднить; монаховъ распредѣлить по монастырямъ кіевской епархіи, а архимандритъ можетъ избрать жительство въ какомъ либо монастырѣ въ Кіевѣ или Москвѣ, по желанію».

Между тѣмъ надъ архимандритомъ стряслась новая бѣда. Преосвященный Гервасій получилъ отъ него (отъ 12 мая 1767) донесеніе о постигшемъ его несчастіи и самъ представилъ синоду, что «марта 31 дня противъ 1 апрѣля, нападши на дворъ его, ночью какъ-бы въ третьемъ часу, пять человѣкъ неизвѣстные разбойники съ ружьемъ и набѣжавъ въ избу, его архимандриту подхватили и обнажа до нага, завернувши назадъ руки, связали, а потомъ, взявъ стоявшій въ избѣ его архимандриты собственный обухъ, начали бить немилосердно по головѣ, по плечамъ и по рукамъ, и тѣмъ пробивали ему до крови во многихъ мѣстахъ голову, и лѣвую руку перебили такъ, что оною и дѣйствовать вовсе не можетъ; а на ноги надѣвъ сапоги мужицкіе, жаръ за голенища сыпали и по келіи его въ тѣхъ сапогахъ водили, и тѣмъ ноги жгли, спрашиваясь денегъ. Но какъ де въ его не было болѣе трехъ рублей, то и тѣ послѣдніе и все въ него имѣвшееся бѣдное имущество до рубашки забравъ и не увѣрясь, еще и горше мучили, сѣрку на плечи сыпали и палили. Отъ котораго де бою и мученія онъ изнемогая, принужденъ былъ за нечувственности сказать невинно на другую вдову старуху, не подаль его подворья жительствующую, якобы въ нее его деньги, въ разсужденіи, не оставятъ-ли его мучить. Но оные безчеловѣчные мучители и тутъ его не оставя, нага водили къ той женщинѣ и тамо какъ его, такъ и оную женщину мучили. И ежели-бы не очувствовавсь человѣкъ, тамо случившійся, и не устрашилъ гвалтовнымъ на нихъ нападеніемъ, то бы и въ смерть его архимандрита и оную старуху умучили».

А отъ 30 іюня того-же года, увѣдомясь изъ указа о рѣшеніи синода касательно его, архимандрита, Софроній прислалъ преосвященному Гервасію такое прошеніе: «молю представить въ синодъ... учинить со мною милосердіе, чтобъ по прежнему повелѣно было мнѣ оставаться при состроенной здѣсь въ новороссійской губерніи моимъ трудомъ, за полученное на себе жалованье, церкви и подворьи по смерть мою, и вмѣстѣ продолжить то трех-

сотрублевое прежнее жалованье». Въ представленіи отъ себя Гервасій слезно ходатайствовалъ за добраго старца, страдальца и калѣку. Просьба и ходатайство уважены: указомъ отъ 25 ноября 1768 года дано знать преосвященному Гервасію, что архимандритъ Софроній имѣетъ получать свое жалованье изъ кіевской губернской канцеляріи, о чемъ и посланы туда указы изъ коллегіи.

О дальнѣйшей судьбѣ Софронія можетъ быть и есть какія письменныя указанія, но мы ихъ не знаемъ; слышали только, что помонастырская церковь сдѣлалась приходскою с. Уховки, ставшей 1770 года станицею бугскаго козачьяго войска, что придѣлъ св. Николая въ 1781 году проданъ обществомъ уховскимъ въ Дмитровку за 200 рублей и тамъ передѣланъ въ кладбищенскую церковь, во имя тогоже святителя, что стекавшіеся «въ монастырь» окрестные жители на праздникъ Преображенія видали архимандрита, котораго на носилкахъ провожали въ церковь, и что по смерти архимандрита домъ его, построенный изъ крѣпкаго и толстаго дубового и липового лѣсу, проданъ въ деревню Константиновку помѣщику Константину Харитонову. Самая церковь стояла на мѣстѣ до 1831 года, хотя Уховка еще въ 1825 году, по случаю устройства военныхъ поселеній, переведена въ алешковскій уѣздъ; при церкви оставался священникъ (Несторъ Назаревскій), къ которому, какъ-бы нѣкоему пустынніку, стекались окрестные жители на исповѣдь и для духовныхъ наставленій. Въ 1831 году онъ переведенъ въ село Знаменку, а церковь разобрана по распоряженію военнаго начальства.

Архимандритъ **Арсеній.**

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи.

Въ весьма недавнее время, благодаря счастливой случайности, намъ пришлось ознакомиться съ офиціальною перепискою, производившеюся между низшими и высшими, духовными и свѣтскими властями по дѣлу возникновенія и распространенія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ на югѣ Россіи, сперва между нѣмецкими колонистами, а потомъ и въ православномъ малорусскомъ населеніи, религіознаго ученія, ставшаго извѣстнымъ подъ именемъ штунды.

Переписка эта довольно ясно и послѣдовательно представляетъ намъ обстоятельства первоначальнаго появленія и распространенія штундистскаго ученія и притомъ далеко не въ томъ видѣ, какъ излагались они доселѣ въ нашей печати. Возникновеніе штунды считалось у насъ доселѣ явленіемъ мѣстнымъ, самороднымъ и приписывалось обыкновенно то пробужденію религіознаго сознанія въ нашемъ народѣ послѣ освобожденія его изъ крѣпостной зависимости и при соприкосновеніи его съ протестантизмомъ; то нерадѣнію или невѣжеству нашихъ священниковъ и ихъ вымогательствамъ за исправленіе требъ, то другимъ менѣе важнымъ и также домашнимъ, такъ сказать, причинамъ. Но никто не догадывался, что причинъ отступленія нѣкоторыхъ изъ среды малорусскаго народа отъ вѣры ихъ отцевъ нужно искать внѣ этого народа, вѣковою кровавою борьбою доказавшаго свою непоколебимую преданность ей, и внѣ ея пастырей

съ которыми никогда не было у него разрыва, доводящаго до отступленія отъ церкви. Между тѣмъ бывшая у насъ въ рукахъ переписка до очевидности удостовѣряетъ, что штунда занесена къ намъ извнѣ, что первоначально она появилась въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ херсонской губерніи, что и тамъ она была явленіемъ новымъ, притомъ заноснымъ и что послѣдователи этой секты изъ нѣмцевъ не менѣе чуждаются своихъ кирхъ и пасторовъ, какъ и принявшіе ея ученіе православные чуждаются своей церкви и духовенства. Переписка уясняетъ также, что штунда есть собственно баптизмъ, что въ духѣ этой секты—прозелитизмъ, что послѣдователи этой секты имѣли въ Гамбургѣ особую школу для приготовленія проповѣдниковъ баптизма и что первые миссіонеры этого ученія, принесшіе оное на югъ Россіи, вышли отсюда. Они явились въ херсонскія нѣмецкія колоніи, бывъ посланы туда съ спеціальною цѣлію распространенія своей ереси. Переписка указываетъ имена первыхъ проповѣдниковъ штунды. Это были: Онкенъ, берлинскій книгопродавецъ, и его сотрудники: Ондра, Прицкау, фонъ-Шульцъ, Либигъ и совращенные ими изъ херсонскихъ колонистовъ: Вилеръ, Гибнеръ, Эйдингеръ, Майеръ и другіе. Изъ этихъ послѣднихъ Гибнеръ и Эйдингеръ, съ помощію Прицкау, увлекли въ свою секту изъ среды бывшихъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ малороссіянъ первыхъ послѣдователей и ярыхъ проповѣдниковъ новаго ученія: Ратушнаго, Болобана и Рябошапку, отъ которыхъ штунда стала распространяться въ губерніяхъ херсонской, таврической и кіевской.

Въ виду совершенной новости свѣдѣній, даваемыхъ просмотрѣнною нами перепискою, и несомнѣнной важности ихъ для правильнаго пониманія штунды, мы предлагаемъ эти свѣдѣнія здѣсь—въ сжатомъ, но точномъ извлеченіи, не подвергая ихъ обработкѣ, но расположивъ по времени появленія тѣхъ бумагъ, изъ которыхъ они извлечены, и лишь немногими словами устанавливая внѣшнюю между ними связь.

П. Л—въ.

По свѣдѣніямъ, которыя излагаетъ благочинный херсонской епархіи, священникъ Кіріаковъ, въ своемъ донесеніи преосвященному Димитрію, архіепископу херсонскому отъ 22 октября 1867 г., штунда открылась первоначально между колонистами лютеранскаго исповѣданія. «Во всѣхъ лютеранскихъ колоніяхъ, пишетъ о. Кіріаковъ, существуетъ обычай въ послѣобѣденное время воскресныхъ дней собираться для чтенія св. писанія и для разсужденія о дѣлахъ благочестія. Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ въ эти частныя собранія, называемыя штунде—stunden, вкралось заблужденіе. Стали утверждать, что Богу можно угодить духомъ, а духъ свободенъ и потому молитва должна быть свободна. Молитва-же (богослуженіе) лютеранской церкви заключается въ извѣстныхъ границахъ, совершается по извѣстному чиноположенію и при томъ только пасторомъ, которому одному предоставлено и право проповѣдывать, чѣмъ стѣснена самая молитва, не имѣетъ свободы. Напротивъ, въ нашихъ собраніяхъ, говорятъ они, существуетъ полная свобода. Здѣсь молитва, чтеніе, пѣніе и проповѣдь не заключаются въ извѣстныхъ границахъ, не совершаются по одному и тому-же чиноположенію, а дѣйствующимъ лицемъ можетъ быть каждый членъ общества и даже женщины, за исключеніемъ проповѣди, которая не дозволяется женщинамъ. На основаніи такого умствованія сектанты придаютъ болѣе важности и святости своимъ собраніямъ въ домахъ, нежели собраніямъ для молитвы и богослуженія въ кирхахъ. Члены этого общества могутъ бывать и не бывать въ кирхѣ, но если кто изъ нихъ пропуститъ собраніе нѣсколько разъ сряду, безъ уважительныхъ причинъ, то таковый исключается изъ общества».

«Нѣсколько позже стали прибавлять, что члены ихъ общества получаютъ просвѣщеніе свыше и сопричастны св. Духу. Всѣхъ же находящихся внѣ сего общества, какъ лютеранъ, такъ и лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, эти сектанты считаютъ непросвѣщенными свыше и непричастными св. Духа, а потому смотрятъ на нихъ свысока и съ презрѣніемъ. Между сектантами сего рода нѣтъ ни старшихъ, ни младшихъ, а всѣ другъ другу равны и именуются братьями, и самое общество называется братствомъ. На каждомъ изъ членовъ братства лежитъ обязанность привлекать въ свое общество какъ люте-

ранъ, такъ и лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, чего вовсе нѣтъ ни въ характерѣ, ни въ правилахъ мѣстнаго лютеранства. Однимъ изъ главныхъ требованій отъ сектанта—воздержаніе отъ употребленія горячихъ напитковъ внѣ своего дома».

«Это ученіе въ 40 годахъ существовало уже въ нѣмецкихъ колоніяхъ Бессарабіи, а въ херсонской губерніи первоначально появилось въ колоніи Рорбахъ, сосѣдней съ деревнями Основой и близкой къ мѣстностямъ с. Игнатовки и с. Ряснополя: оттуда оно стало быстро распространяться между лютеранскими колоніями такъ, что въ настоящее время (въ 1867 г.) почти нѣтъ ни одной колоніи въ губерніи, гдѣ не было-бы послѣдователей этой секты. Лютеранскіе пасторы принимаютъ мѣры къ прекращенію раскола, но старанія ихъ остаются безуспѣшными».

Свѣдѣнія эти, какъ проясняется въ своемъ рапортѣ о. Кириаковъ, сообщены ему однимъ лютеранскимъ пасторомъ, котораго онъ не называетъ (но не Бонекемпферомъ, пасторомъ колоніи Рорбахъ, которому обыкновенно приписываютъ участіе въ распространеніи штунды).

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о мѣстѣ, въ которомъ впервые обнаружена штунда и изъ котораго была занесена, а также о первыхъ ея проповѣдникахъ, находимъ въ протоколѣ, составленномъ приставомъ 5-го стана херсонскаго уѣзда Тарасѣвичемъ, 22 іюля 1872 г. По свѣдѣніямъ этого протокола, копія котораго въ свое время была представлена новороссійскому генералъ-губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, новая секта лютеранская появилась въ 1864 году—въ колоніи Новый-Данцигъ, а отсюда занесена изъ меннонитскихъ колоній молочанскаго округа, екатеринославской губерніи. Въ томъ-же году для склоненія совратившихся къ возвращенію въ лютеранскую и въ римско-католическую вѣру и для производства о нихъ дознанія были командированы въ колоніи дѣйств. стат. сов. Брунъ и адъютантъ новороссійскаго генералъ-губернатора, подполковникъ баронъ фонъ-деръ-остенъ-Сакенъ. Въ сентябрѣ того-же года главные распространители и тайные руководители штунды, въ числѣ 5-ти человѣкъ колонистовъ Новаго-Данцига, и между ними Карлъ Эдингеръ и Францъ Лишовскій, были высланы за границу безвозвратно, но послѣдніе два 1-го декабря того-же года прибыли

опять въ Новый-Данцигъ съ турецкими паспортами. По полученіи объ этомъ свѣдѣній Эдингеръ и Липовскій, по распоряженію гражданскаго начальства, были представлены въ херсонское губернское правленіе для ссылки въ Сибирь. Въ тоже время вновь обнаруженные въ колоніи Новый-Данцигъ распространители новой секты—8 человѣкъ мѣстныхъ колонистовъ, и въ числѣ ихъ Георгій Клундъ, по Высочайшему повелѣнію 4-го января 1865 года, были высланы за границу, но предъ отправленіемъ туда они, а также Михель Филкъ, дали подписку въ томъ, что чистосердечно сознаютъ свое заблужденіе, съ полнымъ раскаяніемъ возвращаются къ настоящей своей религіи, обязываясь не только не переходить вновь въ расколъ, но еще споспѣшествовать возвращенію такового и потому просятъ о помилованіи ихъ и объ оставленіи на жительствѣ въ Новомъ-Данцигѣ. Такую-же подписку дали Эдингеръ и Липовскій при слѣдованіи чрезъ Новый-Данцигъ въ Сибирь. Почему общество колонистовъ Новаго-Данцига, составивъ приговоръ объ этомъ, вошло съ ходатайствомъ о помилованіи совратившихся и, въ слѣдствіе ходатайства высшаго начальства, Государь Императоръ въ 19 день мая 1865 года Всемилостивѣйше соизволилъ на прощеніе и оставленіе на прежнемъ жительствѣ всѣхъ отрекшихся отъ анабаптизма. Такимъ образомъ всѣ названные колонисты были возвращены съ пути своего слѣдованія за границу и въ Сибирь. Изъ нихъ Эдингеръ и другіе потомъ выселились за границу добровольно, а Францъ Липовскій, Михель Филкъ и Георгій Клундъ остались на жительствѣ въ Новомъ-Данцигѣ. Нѣсколько лѣтъ въ образѣ ихъ жизни не замѣчалось ничего подозрительнаго; но въ послѣдніе два года (1871 и 1872 г.) ихъ стали вновь подозрѣвать въ принадлежности къ анабаптизму и въ тотъ-же періодъ времени анабаптистское ученіе стало распространяться между православными крестьянами въ д. Константиновкѣ гуляевской волости, въ с. Пескахъ балицковской волости и въ с. Полтавкѣ. Наконецъ Францъ Липовскій, Михель Филкъ и Георгъ Клундъ торжественно заявили себя самыми рьяными послѣдователями анабаптизма. Такъ, напримѣръ, Липовскій открыто ходитъ по домамъ въ Новомъ-Данцигѣ и совращаетъ въ расколъ, а Филкъ также открыто принимаетъ у себя на дому раскольниковъ изъ

нѣмцевъ и православныхъ. 8 мая 1872 года староста колоніи Новый-Данцигъ, Филиппъ Диктаутъ, свѣдомяетъ, что на хуторъ Штейнгутъ прибылъ къ Михелю Филку какой-то неизвѣстный иностранецъ, намѣревающійся совершить въ р. Ингулѣ перекрещиваніе присоединившихся къ расколу,—совмѣстно съ сотскимъ Андреемъ Метомъ и понятыми изъ поселянъ нѣмцевъ, съ приглашеннымъ старостою сосѣдней деревни Потапомъ Самолюкомъ и съ православными крестьянами отправились на хуторъ къ дому Филка, гдѣ оказалось много сектантовъ и среди нихъ прусскій подданный Вильгельмъ Шульцъ что-то проповѣдывалъ. Отправивъ Шульца, какъ неизвѣстную личность, въ богдановскую сельскую расправу, Диктаутъ и Самолюкъ пошли къ дому Липовскаго, чтобы узнать, не скрывается-ли у него какой-либо иностранецъ, но дочь Липовскаго Доротея, 21 года, заперши дверь на замокъ, въ домъ не пустила. Послѣ того хотя отперли дверь, но въ домѣ никого не оказалось, кромѣ самаго Липовскаго. Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхалъ къ Липовскому какой-то неизвѣстный нѣмецъ, который вмѣстѣ съ Шульцемъ совершилъ 11 и 13 іюня перекрещеніе 16 душъ колонистовъ Новаго-Данцига, а затѣмъ этотъ неизвѣстный нѣмецъ, вмѣстѣ съ Шульцемъ, отвезенъ въ г. Николаевъ. Францъ Липовскій объявилъ, что совершавшій перекрещиваніе нѣмецъ былъ анабаптистъ Карлъ Ундра, жительствующій въ одной изъ западныхъ губерній, что онъ давно уже въ с. Раштадтѣ аккерманскаго уѣзда избранъ сектантами въ званіе проповѣдника и еще за два года предъ симъ былъ въ Новомъ-Данцигѣ. Въ началѣ іюня Липовскій, вмѣстѣ съ односельцами Христіаномъ Клюкъ и Іоанномъ Пудвилемъ, бывъ въ с. Старомъ-Данцигѣ одесскаго уѣзда и встрѣтивъ тамъ у анабаптистовъ Карла Ундру, пригласили его въ хуторъ Штейнгутъ и привезли его туда. При этомъ Липовскій заявилъ станковому приставу, что въ с. Старомъ-Данцигѣ имѣется распоряженіе новороссійскаго генералъ-губернатора, чтобы послѣдователей этой секты не трогать и предоставить имъ свободу дѣйствій.

Въ февралѣ 1868 г. проживавшій близъ Николаева въ колоніи Ландау, березанской волости, колонистъ Христоферъ Фишеръ принесъ новороссійскому генералъ-губернатору жалобу, что его односельцы, об-

винивъ его въ отступленіи отъ вѣры, въ январѣ того года, въ числѣ около 20 человѣкъ напали на него въ дорогѣ, потащили къ сельскому старостѣ Шульцу на допросъ, отняли Новый Завѣтъ, осмѣяли, обругали и повели къ мѣстному священнику (Pfarrer), который сказалъ, что мірянамъ воспрещается читать св. писаніе. Когда-же онъ Фишеръ объявилъ, что обѣдню и крестъ не считаетъ заповѣдію, то Шульцъ отвѣтилъ, что прикажетъ сѣчь его доколѣ, пока онъ не оставитъ своихъ глупостей. Потомъ посадили его на телѣгу и повезли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ крестъ: тамъ стали бить его палками по головѣ, затѣмъ понесли въ отцовскій домъ и требовали, чтобы отецъ билъ его. Когда-же отецъ отказался бить, то, поставивъ сына подъ крестомъ, сказали, что будутъ выгонять изъ него діавола, облили съ головы до ногъ водою и поднимая вверхъ, ударяли нѣсколько разъ о земь и били кулаками, при чемъ осыпали насмѣшками и ругательствами въ теченіи 3-хъ часовъ. Затѣмъ отнесли въ холодную комнату, гдѣ мокрая одежда обмерзла на немъ, хотѣли потомъ привязать къ столбу и снова колотили, пока онъ не опустился на землю. Когда-же онъ, Фишеръ попросилъ пить, то насильно влили водки въ ротъ и били веревками такъ, что онъ въ теченіи 10 часовъ оставался безъ чувствъ. Затѣмъ повели къ священнику и заставили насильно принять причастіе. По дознанію, произведенному смотрителемъ колоній, оказалось, что колонистамъ дѣйствительно нанесены Фишеру побои за чтеніе Новаго Завѣта, но не въ такой степени, какъ значилось въ его жалобѣ. Окружной и сельской власти колоніи сдѣлано по сему случаю внушеніе.

Въ 1869 г. херсонскій губернаторъ довелъ новороссійскому генералъ-губернатору, что иностранецъ изъ Гамбурга Оакенъ проѣзжалъ по херсонскому уѣзду съ цѣлію поддержать баптизмъ въ колоніяхъ и отправился въ таврическую губернію, но отъ таврическаго губернатора свѣдѣній о проѣздѣ Оакена не доставлено. Впослѣдствіи Земъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи получено свѣдѣніе, что Карлъ Оакенъ распространяетъ ученіе баптистовъ между православными жителями южной россіи, а главный настоятель секты баптистовъ въ Гамбургѣ Оакенъ издаетъ миссіонерскую газету, въ которой напечатано извлеченіе изъ отчета баптиста,

дѣйствующаго въ южной Россіи, гдѣ подтверждаются успѣхи пропаганды въ средѣ южно-русскаго православнаго населенія и говорится, что совращенные устраиваютъ свою баптисту и что крещеніе и богослуженіе по обряду баптистовъ совершается открыто.

13 іюня 1870 г. либентальскій окружный приказъ представилъ въ комитетъ колоній иностранца Ондру, анабаптистскаго проповѣдника, съ заявленіемъ, что онъ проповѣдывалъ въ колоніи Гофнунсбургъ, основанной колонистами на собственной землѣ, и что въ слѣдствіе его проповѣди нѣсколько душъ колонистовъ 10-го іюня присоединились къ этой сектѣ и пожелали креститься. Комитетъ препроводилъ Ондру въ одесское полицейское управленіе для поступленія съ нимъ по законамъ; но полицейское управленіе, ссылаясь на то, что предварительное слѣдствіе по дѣламъ о совращеніи изъ христіанской вѣры начинается не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства (ст. 1006 устав. уголов. судопр.), возвратило Ондру комитету, а комитетъ отдалъ его на поручительство двумъ жителямъ г. Одессы—хортицкому меннониту Вилеру и австрійскому подданному Клюеру и сообщилъ пробсту евангелическо-лютеранскихъ церквей южной Россіи Беннигу о пропагандѣ Ондры, какъ составляющей отступленіе отъ лютеранской вѣры. Но какъ въ предложеніи г. исправляющаго должность новороссійскаго генералъ-губернатора Бутурлина отъ 10 іюня 1870 г. было сказано, что «иностранцу Ондрѣ, если-бы онъ пожелалъ выѣхать за границу, можетъ быть это дозволено, буде не предвидится препятствій»: то комитетъ не препятствовалъ Ондрѣ удалиться изъ г. Одессы на мѣсто его жительства въ с. Роговку, волынской губерніи [1]...

Александрійскій исправникъ донесъ Комебу, что въ селахъ бывшихъ колонистовъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, грунадской волости, появился прусско-подданный Отто-Вильгельмъ Шульцъ съ цѣлію распространять ученіе баптистовъ между поселянами, для чего принималъ въ своей квартирѣ всѣхъ желающихъ слушать его проповѣдь, объявляя, что онъ намѣренъ распространять это ученіе со всею энергіею и сожалѣетъ только о томъ, что не знаніе русскаго языка не можетъ

[1] Донес. попечит. комитета по стр. колоній южн. Россіи генералъ-губернатора Комебу отъ 30 іюня 1871 г., № 2,913.

начать пропаганду и между русскими. А въ письмѣ пастора евангелическо-лютеранскаго прихода Штрауса къ екатеринославскому губернатору отъ 22 февраля 1873 года прописано, что «около 3-хъ недѣль назадъ тому старшина с. Вицкера доставилъ къ нему, пастору Штраусу, странствующаго проповѣдника, который, собравъ всѣхъ жителей этой деревни, проповѣдывалъ имъ евангеліе. Проповѣдникъ этотъ показалъ паспортъ, въ которомъ значилось, что онъ прусско-подданный пасторъ Шульцъ, самъ-же онъ говорилъ, что онъ не пасторъ, а эмиссаръ секты баптистовъ и прибылъ въ Россію именно за тѣмъ, чтобы упражнять прозелитизмъ въ пользу своей секты, утверждая, что каждому дано право проповѣдывать. На вопросъ Штрауса: относится-ли его миссія и къ православной церкви, Шульцъ отвѣтилъ, что въ окрестностяхъ г. Одессы онъ проповѣдывалъ и въ собраніи православныхъ. Въ билетѣ Шульца значилось, что онъ выданъ 8 февраля 1869 г. волынскимъ губернаторомъ на свободное проживаніе въ россійской имперіи въ теченіи одного года, на основаніи отставленнаго при немъ правительственнаго акта, выданнаго прусскимъ консуломъ въ Аккерманѣ 5-го сентября 1868 г., мѣсто рожденія его Кенигсбергъ, женатъ, 38 лѣтъ, средняго роста, волосы темные, глаза голубые, носъ обыкновенный. Хотя пасторъ Штраусъ чрезъ волостного старшину предложилъ нѣсколь деревенскимъ старостамъ наблюдать, чтобы проповѣдь Шульца не повторялась въ районѣ его прихода, но Шульцъ все таки проповѣдывалъ въ селѣ Бѣлорошѣ—въ молитвенномъ домѣ и успѣлъ привлечь нѣсколько лицъ въ частномъ домѣ. Потомъ онъ перешелъ въ землю донскихъ казаковъ, гдѣ проповѣдывалъ нѣсколь дней недѣли. Своимъ ученіемъ онъ нарушилъ согласіе многихъ семействъ въ разныхъ мѣстахъ и снова появился въ трубежскомъ приходѣ, гдѣ былъ немедленно арестованъ. Отвѣты его были дерзки, по его словамъ и «Его Величество принадлежитъ къ сектѣ баптистовъ» и «надо въ семъ дѣлѣ слушаться только Бога, не обращая вниманія на порядки, установленные людьми». Въ ученіи своемъ онъ допускалъ пренебрежительное отношеніе къ существующимъ порядкамъ и наставникамъ какъ церковнымъ учителямъ и таинствамъ.—Министръ внутреннихъ дѣлъ, признавъ дѣятельность Шульца вредною, нашелъ необходимымъ выслать его изъ Россіи, о чемъ далъ

знать новороссійскому генералъ-губернатору отъ 5-го іюля 1873 года. Въ слѣдствіе чего Шульцъ препровожденъ херсонскимъ губернаторомъ къ одесскому градоначальнику на дальнѣйшее распоряженіе.

Въ 1871 г. въ мартѣ с.-петербургская евангелическо-лютеранская консисторія донесла министру внутреннихъ дѣлъ, что въ колоніи Альтъ-Данцигъ баптисты завладѣли домомъ, выстроеннымъ для лютеранской школы и слушаютъ здѣсь проповѣди баптистскаго проповѣдника Прицкау, обучавшагося въ Гамбургѣ, а въ ноябрѣ того-же года евангелическо-лютеранская консисторія сообщила новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу, что въ колоніи Альтъ-Данцигъ баптисты увлекли въ свою секту жену колониста Якова Вормсбахера и окрестили ее, для чего призванъ былъ изъ Одессы нѣкто Шульцъ, которому главнымъ образомъ содѣйствовалъ учитель Прицкау.—22 октября 1872 г. поселянинъ с. Альтъ-Данцигъ елисаветградскаго уѣзда Іоганъ Прицкау совершилъ крещеніе надъ мѣстными колонистами Людвикомъ Вагнеромъ, Іосифомъ Энгелемъ и его женой Агатой, а становому приставу Прицкау объявилъ, что ему положительно извѣстно, что въ старо-данцигскомъ сельскомъ управленіи имѣется распоряженіе генералъ-губернатора о томъ, чтобы баптистовъ не преслѣдовать. Поводъ такъ думать возымѣлъ Прицкау изъ того, что когда нѣсколько поселянъ колоніи Ландау одесскаго уѣзда, соовратившихся изъ католичества въ баптизмъ, обратились къ ген. Коцебу съ жалобой на преслѣдованія, коимъ они подвергаются со стороны духовенства и поселянъ римско-католическаго исповѣданія, то Коцебу отъ 6-го мая 1872 г. далъ знать херсонскому губернатору, что секта баптистовъ можетъ быть терпима и не должна быть преслѣдуема, доколѣ послѣдователи ея будутъ исполнять гражданскія обязанности, а жалобщикамъ въ тоже время была дана вымѣтка о семъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора [1]. Въ 1873 г. Іоганъ Прицкау подалъ прошеніе херсонскому губернатору, въ которомъ утверждалъ, что братство баптистовъ не есть какая нибудь вредная секта, и представляя письменное изложеніе вѣроисповѣданія баптистовъ,

---

[1] Херсонскій губернаторъ разъяснилъ *Прицкау и Липовскому*, что все таки они не имѣютъ права проповѣдывать.

просилъ исходатайствовать свободу ихъ религіи и предохранить ихъ отъ притѣсненій.

По донесенію русскаго вице-консула въ г. Тульчѣ министерству иностранныхъ исповѣданій въ 1870 году, баптисты, изгнанные изъ Россіи за прозелитизмъ, поселились въ Добруджѣ. Устроивъ здѣсь колонію Каталуй, они не перестаютъ вести дѣятельныя сношенія съ своими единомышленниками въ Россіи. Въ колоніяхъ южнаго края они въ особенности хлопочутъ о пропагандѣ между русскимъ населеніемъ, толкуя имъ евангеліе. Изъ колоній они перешли въ Одессу, гдѣ образовали общину. Главные баптистскіе дѣятели: Вилеръ, Ондра и другіе. Характеръ ихъ дѣятельности довольно видѣнъ изъ нижеслѣдующей переписки ихъ между собою, сообщенной г. вице-консуломъ Юзефовичемъ новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу въ 1870 году.

Письмо № 1 [1]. *Вилера къ Клундту.*

Одесса, 20 мая 1870 г.

Дорогой братъ во І. Христѣ Клундтъ!

Нынѣ былъ у меня братъ *Ланге* изъ Плоцка, посланный братомъ *Лееромъ* частью для передачи мнѣ одного сообщенія, а частью для того, чтобы получить отъ меня совѣтъ въ весьма важномъ обстоятельствѣ, а именно, когда вы съ *Израилемъ* [2]) вновь перешли изъ заграницы въ Россію, то послѣдній безъ всякаго повода чистосердечно открылъ одному врагу нашего общества, притворившемуся собратомъ, кто онъ, что съ нимъ случилось и какимъ способомъ онъ перешелъ за границу. Я не постигаю, что побудило этого молодого человѣка расказать свою исторію этому человѣку, чужому для меня и для тебя. Послѣдствіемъ сего было то, что этотъ человѣкъ вездѣ говоритъ о семъ и всѣ колоніи это знаютъ, такъ что неминуемо будетъ слѣдствіе. Тогда братьямъ придется давать ложныя показанія, и каковъ будетъ конецъ?—Сибирь.—Сколько я не уговаривалъ молодого человѣка держать языкъ за зубами и никому не сообщать ни о чемъ, но онъ вездѣ проболтался, и мы теперь подвергнемся чрезъ него не только стыду, но и изгнанію.

---

[1]) Рѣчь идетъ о молодомъ евреѣ, совращенномъ Рябошапкою въ баптизмъ и уведенномъ нѣмцами-баптистами въ Добруджу.

Въ случаѣ производства дознанія мы попытали-бы устроить дѣло такъ: тотчасъ по полученіи сего письма вашей колоніи слѣдуетъ постановить общественный приговоръ, будто мальчуганъ, бывшій въ Плоцкѣ и т. д., есть турецко-подданный и колонистъ вашей колоніи (желательно, чтобы на всякій случай онъ перемѣнилъ свою фамилію). Этотъ общественный приговоръ долженъ быть засвидѣтельствованъ нашей—россійскимъ консуломъ. Когда-же здѣшній инспекторъ потребуетъ отъ турецкихъ властей, то этотъ документъ можетъ быть высланъ въ оправданіе собратій, иначе дѣло можетъ выйти плохо. Сообщите мнѣ по полученіи сего, снабженъ-ли Израиль турецкимъ паспортомъ и принялъ-ли другую фамилію. Въ *Любомірѣ*, гдѣ Израиль находился сначала у *Рябошапки*, уже былъ произведенъ строгій допросъ и будетъ слѣдствіе. Всѣмъ намъ придется плохо; но кто могъ предполагать, что имѣемъ дѣло съ такимъ легкомысленнымъ болтуномъ? Пожалуй, его потребуютъ обратно и съ нимъ поступлено будетъ строжайше по закону, что конечно ему не понравится. Онъ вообще любитъ говорить много, отъ чего нужно его отучить.

Я просилъ васъ писать также и *Лейеру*, чтобы успокоить людей, которые слишкомъ уже тревожатся. Такъ какъ братъ *Августъ-Либихъ* не находится тамъ, то я прошу васъ о слѣдующемъ: сестра *Шлиссъ* мнѣ сказала, что тамъ есть еще много нѣмецкихъ трактатовъ, которые не были прочтены или, лучше сказать, не были распространены. Если таковыхъ есть довольно, то не можете-ли мнѣ ихъ доставить? Еще одно: *Флюгель* просилъ меня распространить его русскія пѣсни. Но здѣсь вотъ препятствіе—цензура не пропускаетъ; однако не можете-ли доставить мнѣ около 400 экзем.? Увѣдомьте меня относительно этихъ пунктовъ. Адресуйте нѣмецкіе трактаты купцу *Карлу Шуцу* въ Одессѣ для передачи *I. W.* Кланяйтесь всѣмъ дѣтямъ о Господѣ, которые меня знаютъ. Съ самой Пасхи я нездоровъ и вѣроятно отправлюсь въ госпиталь. Съ вами во І. Христѣ соединенный

Н. Вилеръ (Wieler).

Письмо № 2. Либера къ Либиху.

Одесса, 13 іюля 1870 г.

Миръ вамъ дорогой братъ о І. Христѣ!

Только что получилъ для васъ письмо отъ брата *Прицкау*, доставить которое онъ проситъ. Я намѣренъ былъ самъ пріѣхать въ *Каталуй*, но дѣла все еще не позволяютъ мнѣ этого, и потому, не имѣя воз-

можности лично вручить вамъ письмо, я принужденъ доставить его вамъ обыкновеннымъ путемъ. Братъ *Циммерманъ* опять у насъ и я еще не знаю, что выйдетъ изъ всего этого дѣла. *Плоцкіе* въ недоумѣніи, такъ какъ пасторы будто угрожаютъ доносомъ, направленнымъ въ особенности на брата *Лейера*, который своей оппозиціей для нихъ бѣльмо на глазу и теперь они думаютъ, что настало время разъ навсегда ему отомстить. Пасторъ *Велькеръ* объявилъ его во всѣхъ колоніяхъ дурнымъ человѣкомъ и не будь Оберъ-Шульцъ собратомъ и не поддержи его инспекторъ, вышло-бы дурно. Я тоже долженъ осторожно держаться въ этомъ дѣлѣ, но я вѣрую себя Богу.

Отъ гомеопатической аптеки мнѣ придется потерять 25 рублей, потому что она была назначена другому, отъ котораго я получилъ деньги, чтобы заплатить за нее. Теперь я имѣю возвратить эти деньги, а таможня не выдаетъ ему этой аптеки и не высылаетъ ее.

Здѣсь въ Одессѣ дѣло идетъ печально. *Мейеръ* состоитъ старшиною у братьевъ и меня преслѣдуетъ. Писать вамъ обстоятельнѣе о ходѣ спора не хочу начать бумагу. Очень желательно, чтобы вы прибыли сюда, разсмотрѣли дѣло и ввели, гдѣ нужно, измѣненія. Непріязнь *Шликъ* я навлекъ на себя тѣмъ, что не хотѣлъ съ нимъ принять причастія прежде, чѣмъ его дѣло будетъ рѣшено общественнымъ приговоромъ, хотя я не подавалъ голоса за его исключеніе. Словомъ здѣсь *баптистское* движеніе принимаетъ очень неудовлетворительный видъ и очень нора-бы что нибудь сдѣлать. Если только найдете возможность прибыть сюда, то поставьте это себѣ непремѣннымъ долгомъ. Какъ-бы желательно, чтобы оттуда я получилъ русскія книги пѣсней отъ *Флоріана*. Онъ полагалъ, что я могъ-бы получить ихъ отъ васъ. Прислать-ли вамъ прежде деньги? Сколько стоитъ тамъ 100 экземпляровъ, считая по 10 коп. за экземпляръ? Сколько прислать денегъ? Отправлены-ли для меня нѣмецкіе трактаты. Кланяйтесь всѣмъ сестрамъ, меня знающимъ и незнающимъ. Съ вами въ Богѣ соединенный

І. Вилеръ.

Адресъ: Г-ну Вилеру, на углу Прохоровской и Степной улицъ, домъ Ткаченковой, № 46. Одесса.

P. S. Поклонъ брату *Клундту*. Русскія книги пѣсней не должны быть отправлены пароходомъ потому, что здѣсь цензура не пропускаетъ русскихъ книгъ религіознаго содержанія, отпечатанныхъ заграницей.

Письмо № 3. Иринку къ Либину.

Альтъ-Давидъ. 2 іюля 1870 г.

Добрый братъ Либингъ!

По пріѣздѣ въ Одессу я получилъ твое и брата *Фрица* письма. Я полагалъ, что письмо мое къ Фрицу было потеряно, такъ какъ столько времени я тщетно ждалъ отвѣта. Тебѣ-же съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у тебя, я нѣсколько разъ писалъ, но, какъ видно изъ твоего письма, этихъ писемъ ты не получилъ. Что касается семейства *Шлинъ*, то я напомнилъ имъ отдать свои билеты на званіе членовъ; но они говорятъ, что таковыхъ не получали. О случившемся съ нимъ было совѣщаніе въ засѣданіи общины и рѣшено его не исключать, я-же одинъ былъ противъ этого рѣшенія. Что ты думаешь, дорогой братъ, о подобномъ случаѣ? Насколько мнѣ извѣстно, въ Германіи такой грѣхъ строго наказывается. Впрочемъ здѣсь это былъ особенный случай. Братъ *Шлинъ* объявилъ, что онъ имѣлъ уже раскаяніе а такъ какъ въ Одессѣ не было общины, то онъ открылъ это своей женѣ, и они вмѣстѣ молились о прощеніи грѣха. Это поощрило его и другихъ, имѣющихъ съ нимъ связи. Если-бы его не исключили, то спрашивается, на сколько времени? Такъ какъ мы исключаемъ до тѣхъ поръ, пока послѣдуетъ раскаяніе, а нѣ ему вѣрили, что онъ имѣлъ уже раскаяніе, потому исключить его было-бы напрасно. При всемъ томъ я нахожу, что слишкомъ легко такъ дѣлать, и сознаюсь, что это во 1-хъ произведетъ дурное вліяніе, а во 2-хъ что многіе на будущее время будутъ на это ссылаться. Я право не зналъ, что дѣлать и предложилъ отсрочить дѣло, пока у кого нибудь найдемъ совѣтъ, но собратія желали кончить это дѣло и такъ сдѣлали.

Тебѣ конечно неизвѣстно, что теперь въ Одессѣ есть самостоятельная община. Во время моего проѣзда здѣсь (въ Одессѣ) были крещены 4 брата, а въ *Анненталѣ* близъ Одессы еще нѣсколько. Затѣмъ братъ *Онбра*, который былъ у насъ о Троицѣ, при проѣздѣ еще нѣсколькихъ крестилъ, такъ что тамъ есть уже порядочное число и они избрали пресвитеромъ (Hovstedter) своимъ брата *Майера* (Mayer), который также живетъ въ Одессѣ и двухъ діаконовъ—брата *Вунша* и нѣкоего *Бильбрунъ*. Мы здѣсь имѣли пышное празднество въ праздникъ Троицы, подробности коего ты узнаешь изъ «Миссіоннаго Листка». Много братій изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ прибыли сюда и между прочими и

братъ *Ондра*. Собраніе имѣло мѣсто въ церкви, такъ какъ это всегда бываетъ теперь; поющіе стояли у олтаря и подъ конецъ пропѣли еще нѣсколько пѣсней. На второй день Троицы я праздновалъ свой бракъ въ школѣ и въ молитвенномъ домѣ. Обрядъ былъ совершенъ братомъ *Ондрой* въ присутствіи многихъ свидѣтелей. Слѣдовательно съ Троицы я женатый человѣкъ и имѣю сожительство съ моею женою *Дороѳеею Гибсъ*, дочерью здѣшняго брата Гидса, въ домѣ школы.

Наша *русская община* уже порядочно увеличилась и мы насчитываемъ до 70 членовъ.

Получилъ-ли братъ *Клундтъ* мое письмо? Кланяюсь тебѣ, твоей женѣ и всей общинѣ. Присовокупляю, что ты обрадуешь отвѣтнымъ письмомъ твоего собрата.

І. Прицкау (Pritzkau).

Письмо № 4. Клундта къ Вилеру.

Катауй, 4 августа 1870 г.

Дорогой во Христѣ братъ Вилеръ!

Только что получилъ ваше письмо съ мнѣніемъ, чтобы братъ *Израиль* остался здѣсь, но получилъ очень поздо: уже три недѣли назадъ тому онъ взятъ отсюда. *Плоцкіе* братья отправили сюда человѣка, снабженнаго нужными деньгами, который взялъ его, чтобы доставить въ ваши руки въ Одессу. Я полагалъ, что выслать его въ Россію по общественному приговору не идетъ, потому что здѣсь не существуетъ общественныхъ приговоровъ, здѣсь сельская община не имѣетъ никакихъ правъ. А принять *Израиля* было бы очень легко потому, что здѣсь въ Турціи для этого не нужно никакого общественнаго приговора. Надѣюсь скоро выѣхать въ *Молдавію* и оттуда вышлю вамъ въ *Плоцкъ* русскія книги пѣсней, которыя вы достанете въ Одессу. Такимъ способомъ я уже вывезъ въ Россію книги. Затѣмъ я вамъ сообщу, какъ вы должны высылать деньги.

О братѣ Б. А. *Либихѣ* я не могу писать вамъ многаго, такъ какъ отъ него уже 6 недѣль не имѣемъ свѣдѣній.

При семъ посылаю вамъ маленькій ящикъ съ трактатами. Въ случаѣ понадобятся вамъ еще таковые, пишите сюда; мы можемъ выслать сколько угодно. Сообщите намъ поскорѣе, какъ вышло дѣло съ *Израилемъ*. Кланяйтесь всѣмъ дѣтямъ Господнимъ и особенно брату *Мейеру*. Затѣмъ желаемъ вамъ Божіей помощи. Вамъ преданный братъ

І. Клундтъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Библіографія.

Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича. 1731—1785 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей рос. при московскомъ университетѣ, подъ ред. дѣйств. члена Ник. Новик. Москва. 1884 г. II+361.

Важность вопроса о колонизаціи въ русской исторіи достаточно опредѣлена появленіемъ въ свѣтъ ряда серьезныхъ изслѣдованій, касающихся разныхъ областей нашего отечества, и лишь по отношенію къ новороссійскому краю онъ не дождался еще разносторонняго разсмотрѣнія. Только въ самое послѣднее время обращено вниманіе на народную колонизацію Новороссіи и только теперь эта сторона дѣла стала на очередь; болѣе разработана колонизація иностранная, но и тутъ найдется не мало пробѣловъ, на столько существенно-важныхъ, что самая оцѣнка колонизаціоннаго движенія можетъ довольно круто измѣниться, когда явятся дополненія фактическія. Прежніе изслѣдователи не охотно выходили изъ круга матеріаловъ оффиціальныхъ, не всегда и ими даже пользуясь въ ихъ настоящей полнотѣ и съ желательной тщательностью, матеріалы же частнаго характера совсѣмъ почти не затронуты. Тѣмъ цѣннѣе книга, заглавіе которой выписано нами въ началѣ статьи, и тѣмъ важнѣе для юга Россіи заслуга московскаго общества исторіи и древностей, издавшаго ее. «Извѣстіе о похожденіи С. С. Пишчевича» заключаетъ въ себѣ автобіографію одного изъ участниковъ сербской колонизаціи прошлаго столѣтія и по своимъ достоинствамъ представляетъ матеріалъ большой поизны. Напрасно было бы требовать достоинствъ литературныхъ отъ автора, въ зрѣломъ уже возрастѣ научившагося русскому языку и совсѣмъ не подготовленнаго къ литературнымъ занятіямъ: разсказъ многорѣчивъ и останавливается слишкомъ долго на личныхъ

обстоятельствахъ жизни повѣствователя, но тамъ, гдѣ рѣчь касается Новой Сербіи, Хорвата и его отношеній и дѣлъ, словомъ фактовъ и личностей историческихъ, именно эта словоохотливость обращается въ достоинство: съ полной откровенностью раскрываетъ авторъ намъ домашнюю сторону выселенія и быта колонистовъ и показываетъ руководителей дѣла во всей ихъ природной наготѣ, а при случаѣ и про свои «похожденія» повѣствуетъ съ такою святою простотой, которой хотя и нельзя завидовать, но за которую надо быть благодарнымъ ему. Честность и добросовѣстность—качества, несомнѣнно отличающія трудъ Пишчевича, и даже въ неблагопріятныхъ отзывахъ его о Хорватѣ, съ которымъ водились у него личныя неудовольствія, трудно заподозрить правдивость его: онъ не умѣетъ сойти съ фактической почвы и никогда не покидаетъ того наивнаго отношенія къ своему труду, которымъ запечатлѣна вся его книга.

Допросимъ же нашего автора—колонизатора о томъ, какія побужденія заставили его оставить австрійскую службу и перебраться въ Россію? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ категорически—ясно: «болѣе ничто не побудило во мнѣ желанность просить аншита, какъ что только хочу еще свѣтъ видѣть и свое счастіе далѣ пробовать» (91 стр.). О побужденіяхъ другаго порядка и рѣчи быть не можетъ. Впрочемъ, Пишчевичъ говоритъ о своей любви къ новому отечеству, Россіи, но какъ своеобразно понималъ онъ эту любовь, показываетъ передаваемая имъ исторія «черногорской коммиссіи». Дѣло было вотъ въ чемъ. Черногорскій владыка Василій Петровичъ, прибывшій за милостыней въ Москву, соблазнился выгодностью славянской колонизаціи въ Россіи и, не думая долго, подалъ въ сенатъ прозитъ о переселеніи въ Россію черногорцевъ, увѣряя, что своимъ призывомъ къ выходу въ Россію можетъ поднять весь народъ черногорскій, подъ однимъ лишь условіемъ—казенной ассигновки. По этому заявленію и составлена была черногорская коммиссія, въ составъ которой вошелъ также Пишчевичъ. Какъ же выполнилъ свое обѣщаніе черногорскій владыка и какъ дѣйствовала его коммиссія? Вызовъ владыки на мѣстѣ встрѣченъ былъ чрезвычайно недоброжелательно. «Владыка, разсказываетъ Пишчевичъ, ...видя, что его никто не послушалъ, а дѣло такое безъ согласія народа самъ собою зачалъ, которое исполнить должно, то и зачалъ приглашать своихъ свойственниковъ и нѣкоторыхъ попосъ, что вдовцами были, далъ имъ благословеніе обрить бороды, наградя деньгами и назначивъ ихъ чинами офицерскими и тѣмъ привлекъ на свою сторону». И членовъ оппозиціи старался онъ привлечь разными средствами: одному обѣщалъ небывалый чинъ и огромную власть, другому сосватать сестру; одного,

успѣхъ оказался плохой. Между тѣмъ члены коммиссіи поджидали черногорцевъ на австрійскихъ карантинахъ. Глава ея, маіоръ Степанъ Петровичъ, убѣдившись въ безуспѣшности дѣла, завелъ сношенія съ синдикомъ города Карловицъ, Иваномъ Балевичемъ, и вмѣстѣ съ нимъ соорудилъ такой проэктъ: въ Карловицѣ и окрестностяхъ его проживало довольное число такъ называемыхъ бетяровъ, т. е. людей, пришедшихъ изъ разныхъ мѣстъ на заработки и остававшихся здѣсь подолгу, иногда по цѣлому году; рѣшено было тайно уговорить ихъ выселиться въ Россію подъ именемъ черногорцевъ, а Балевичъ, какъ синдикъ, обѣщалъ выдать имъ свидѣтельства, что они—выходцы изъ Черногоріи. Сказано—сдѣлано. Набралось человѣкъ пятьдесятъ. Петровичъ хлопоталъ объ этихъ черногорцахъ представилъ русскому послу въ Вѣнѣ и выхлопоталъ для нихъ паспорты; но на бѣду двое бетяровъ съ дороги бѣжали, явились въ Петроварденъ и объявили, какъ дѣло было; тогда пришла очередь Балевича выселиться и колонизовать наши степи; спасая голову, явился онъ къ Пишчевичу и со слезами, стоя передъ нимъ на колѣнахъ, просилъ помочь ему; тотъ сначала отказалъ, не желая впутываться въ дѣло столь деликатнаго свойства, но потомъ, сдавшись на ходатайство какого-то важнаго лица, которое по имени не называетъ, послалъ Балевича въ Вѣну, откуда тотъ, переодѣвшись купцомъ—грекомъ, успѣлъ бѣжать въ Россію. Но и самъ Пишчевичъ дѣйствовалъ въ Митровицѣ въ томъ же направленіи и съ подобнымъ успѣхомъ. «Мнѣ, говоритъ онъ, вся та пограничность довольно была еще прежде извѣстна, а при томъ были на нѣкоторыхъ мѣстахъ по границѣ цесарской люде такіе, кои доводилысь мнѣ несколко въ свойстве, а кому и другіе знакомые добрые пріятелы, и своихъ я зналъ на ково положитца можно, то и наполъ я такихъ, что по пріятелски мнѣ въ моемъ предпріятіи учинилы помочь. Я чрезъ оныхъ (продолжаетъ онъ) секретно на ту сторону (р. Савы) въ турецкую сторону, въ лежащіе по границе на реке Саве места далъ о себѣ знать, что нахожусь я въ городѣ Митровице, дожидаясь для пріему приходящихъ черногорцевъ, и что въ томъ числѣ будетъ можно подъ именемъ тѣхъ черногорцевъ принять и другихъ людей, вышедшихъ изъ турецкой области къ себе въ каманду, для чего ежелы кто желаетъ, то чтобы выходили и являлисбы на учрежденомъ по границе цесарскомъ карауле, где кому способно, откуда приведены будутъ въ карантинъ и тамъ всю содержаные будетъ отъ меня имъ давано. Меня, замѣчаетъ Пишчевичъ, къ сему предпріятыю ничто больше не побудыло, какъ только одна ревность и усердые къ моей присяге, и тѣмъ оказать услугу Россіи (кою уже я своимъ отечествомъ называю и потомковъ своихъ въ ономъ въ пользу оставить намеренъ), то

для того приложилъ я свой трудъ и стараные, чтобы сей случай учинытъ полезнымъ и вывесть людей въ Россію» (стр. 257—258). Такимъ способомъ набралось у Пишчевича 62 человѣка, кромѣ того ему прислано изъ Тріеста 27 лже-черногорцевъ, а что это были за люди, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «...ясно воръ наголо и пияницы прегоркіе; наволочъ то такая была, что хуже сискать нигде не можно: между имыжь были оружейние лѣсовые настоящіи разбойники» и т. д. (стр. 261).

Познакомившись со способами переселенія славянъ въ Россію, посмотримъ теперь на ихъ житье-бытье на новыхъ мѣстахъ. Появившись въ Россіи, руководители движенія первымъ дѣломъ перессорились: ни Шевичъ, ни Райко-Прерадовичъ не соглашались поступить подъ начальство Хорвата, ссылаясь на то, что въ австрійской службѣ было выше его по службѣ, и въ этомъ смыслѣ сдѣлали представленіе начальству. Хорватъ, желая удержать первенство за собою, самъ указываетъ на свои заслуги, какъ зачинщика переселенія, и порочитъ соотечественниковъ, утверждая, напр., что Райко вывелъ въ Россію только одну свою семью... Судили—рядили о сербахъ въ сенатѣ, и рѣшили разселить ихъ особо. Тогда Хорватъ подсылаетъ въ Кіевъ своихъ офицеровъ, подъ предлогомъ закупки сукна на полкъ, а на дѣлѣ для того, чтобы стороною подговаривать людей Шевича и Прерадовича переходить къ нему, Хорвату; опытъ удался отчасти, но Хорвату помѣшало то, что имъ была не довольна военная коллегія, въ подчиненіи у которой не пожелалъ онъ быть.

Сочиненіе Пишчевича знакомитъ съ Хорватомъ ближе, чѣмъ съ другими руководителями сербскаго движенія, такъ какъ съ нимъ авторъ нашъ входилъ въ разнообразныя отношенія—служебныя и частныя. Послѣ поѣздки въ Венгрію для закупки лошадей русскому двору, Пишчевичъ, исполнивъ порученіе, проживалъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, въ ожиданіи наградъ, мысль о коихъ занимала его вообще болѣе всего другаго, и велъ праздную, хотя и веселую для него жизнь: посѣщалъ придворные балы, навѣдывался къ сильнымъ міра, разъѣзжалъ въ придворной каретѣ. Хорватъ, бывшій также въ Петербургѣ, узналъ о Пишчевичѣ и постарался привлечь его на службу къ себѣ, и тотъ, послѣ продолжительнаго упорства, соблазнившись обѣщаннымъ ему подполковничьимъ чиномъ, сдался наконецъ на капитуляцію. Выпросивъ у Пишчевича 400 р. на дорогу, Хорватъ выѣхалъ въ Новую Сербію, оставивъ Пишчевича хлопотать по своимъ дѣламъ. Проживъ въ Петербургѣ еще два мѣсяца, Пишчевичъ также отправился въ путь, въ сопровожденіи одного вахтмистра Хорвата. И вотъ что разсказывалъ ему вахтмистръ дорогою о своемъ начальникѣ: «ви де сударь отъ Хорвата обманути,

ибо онъ, какъ приехалъ въ Новую Сербыю, смѣялся, и я слышилъ часто, гдѣ онъ за столомъ объ васъ говоритъ, какъ онъ васъ умѣлъ словомы привесть на свою руку, и какъ еще завидовалъ тому, что вы на придворной каретѣ съ людмы къ нему приежали и что вскоре вы того еквипажа лышилысь и принуждены были на свои денги карету волную себѣ наныматъ, и денги издерживатъ, да и о денгахъ упомыналъ и говорилъ часто съ капитаномъ Булацеломъ и порутчикомъ Вайдою, какъ хитро оны умѣлы выманитъ взаймы у васъ денги на дорогу, какие имъ ни мало не надобни были, а толко де для того здѣлалы, чтобь васъ лышитъ оныхъ» (стр. 397). Узналъ Пишчевичъ и о судьбѣ «черногорцевъ»: Хорвату удалось добыть указъ о поступленіи подъ свою команду «черногорцевъ» и вмѣстѣ съ ними Пишчевича, а такъ какъ многіе изъ нихъ не рѣшались отправиться въ Новую Сербію безъ Пишчевича, то Хорватъ «штрафовалъ ихъ палками, и въ колодки забивъ привезъ въ Новую Сербыю» (ibid.); другіе не захотѣли совсѣмъ оставаться въ Россіи и оставили ее. Приведенныхъ же съ собою Хорватъ опредѣлилъ частію въ македонскій гусарскій полкъ, частію въ такъ называемый миргородскій гарнизонъ, представивъ въ сенатъ, что послѣдній сформированъ изъ людей, выведенныхъ изъ Венгріи «дворяниномъ Иваномъ Хорватомъ», которому, въ награду за то, выпрашивалъ подполковничій чинъ; этотъ «дворянинъ» былъ никто иной, какъ шестилѣтній сынъ самаго Хорвата; тотъ же чинъ за такой же выводъ нѣсколькихъ сотъ сербовъ получили и два другихъ сына его, старшему изъ коихъ считалось всего 12 лѣтъ. По пріѣздѣ въ резиденцію Хорвата, Новомиргородъ, Пишчевичу никакими средствами не удалось получить своего долга. Подъ рукой, отъ одного служащаго онъ узнаетъ, что Хорватъ вообще имѣетъ обыкновеніе вытягивать деньги у тѣхъ изъ подчиненныхъ, у кого они водятся, и дѣлаетъ это за тѣмъ, что безденежные люди покорнѣе и уживчивѣе; выходя изъ той же мысли, онъ завелъ агентовъ для доставки вещей на обмундировку: всѣ принадлежности аммуниціи доставлялись изъ Австріи въ три дорога, и самъ начальникъ Новой Сербіи не оставался въ убыткѣ. Все это разсказывалъ Пишчевичу нѣкто маіоръ Шмитъ, начальникъ «разсчетной коммиссіи», въ которую поступали всѣ суммы—какъ на выводъ новыхъ переселенцевъ, такъ и на содержаніе поселенія: «она де то есть самая преисподняя глубина Хорвата воровства», объяснилъ Шмитъ.

Пишчевичу очень хотѣлось назначенія въ дѣйствующую армію, но Хорватъ поручилъ ему формированіе новаго болгарскаго полка и за этимъ отправилъ за Кременчугъ, въ мѣстечко Манжелею. Полкъ формировался никѣмъ инымъ, какъ австрійскими и прусскими дезертирами

на польской Украйнѣ. «Я съ сими людми съ перваго зачала превеликое мученіе и трудъ имѣлъ», разсказываетъ Пшичевичъ; «всю то было строптиво, развращено, пияно и всякой день происходилы между ими и съ обывателями драки и соры, и такое то сборище людей было, которые по нѣсколько разъ изъ одного государства въ другое переходилы и служилы и потомъ уходилы, а на послѣдокъ дошлы въ Россію и ко мнѣ въ команду» (стр. 416). Не лучше былъ и недавно сформированный македонскій полкъ: «а въ македонскомъ полку слышу я», повѣствуетъ Пшичевичъ, «что происходитъ очень дурно и здѣлалысь тои зимы чрезъвычайно великие побеги, къ чему оны способъ имѣлы, какъ Днѣпръ замерзъ, и уводилы лошадей, а другие пѣшкомъ уносилы мундиры и амуницію съ собою въ Полшу за границу» (стр. 428). Такимъ образомъ бѣжало въ Польшу изъ одного македонскаго полка болѣе 200 человѣкъ, съ амуниціей и съ ружьями (стр. 424).

Вотъ картинка, представляющая обращеніе Хорвата съ подвластными. Миргородскій гарнизонъ, сформированный, какъ мы видѣли, шестилѣтнимъ Иваномъ Хорватомъ, не получалъ ни жалованья, ни провіанта. Истощивъ терпѣніе, голодные и полунагіе, «черногорцы» рѣшились обратиться лично къ Хорвату съ просьбою облегчить существованіе ихъ, и съ этою цѣлью собрались всѣ передъ городомъ. Хорватъ узналъ объ этомъ и велѣлъ стрѣлять въ толпу изъ пушки картечью: нѣсколько человѣкъ остались убитыми, остальные бѣжали; одинъ изъ труповъ, по приказу Хорвата, выставленъ былъ возлѣ большой дороги, на колесѣ; «другихъ-же изъ тѣхъ людей содержалъ иныхъ въ желѣзахъ, а иныхъ публично безъ милосердія сѣкъ батожьемъ, а одного, бивъ кнутомъ, сослалъ въ ссылку въ Сибирь, и тѣмъ ихъ застрашилъ, что они ужъ остались, яко рабы, подъ его властію, и довелъ до того и въ такой страхъ, что никто ни вчемъ и ни о какой своей нуждѣ говорить не смѣлы и повиновался всякъ его власты съ великимъ раболѣпствіемъ» (стр. 425). Другая сцена: Хорватъ послалъ подъ карауль одного прапорщика. Чаки: спустя нѣкоторое время послѣ арестованія его, Хорватъ проходилъ мимо караульни по улицѣ, Чаки вышелъ къ нему и просилъ освободить его; въ отвѣтъ на просьбу, Хорватъ нанесъ ему нѣсколько пощечинъ, потомъ схватилъ за волосы, таскалъ по землѣ, топталъ ногами и наконецъ недовольный и всѣмъ этимъ, приказалъ барабанщикамъ принести палокъ и, раздѣвъ офицера, немилосердно наказалъ его палками (ibid). Передадимъ еще исторію съ дипломатическимъ оттѣнкомъ: быть можетъ, она напомнитъ читателю упреки, дѣлаемые запорожцамъ, въ непониманіи и неуваженіи международнаго права. Услыхавъ, что вдоль границы, какъ не разъ это бывало и прежде, небольшой польскій отрядъ дѣлаетъ

объѣздъ. Хорватъ снаряжаетъ сотню гусаръ въ пограничный пикетъ и приказываетъ, при первомъ его распоряженіи, напасть на поляковъ; отправляется туда и самъ онъ, велитъ готовить обѣдъ, на который приглашаетъ и польскаго полковника, начальствовавшаго этимъ отрядомъ; когда тотъ явился, люди его пустили лошадей на траву, а сами—кто легъ спать, кто дожидался начальника; вдругъ, по приказанію Хорвата, нападаютъ на нихъ гусары и открываютъ пальбу. Разумѣется, сраженіе кончилось побѣдоносно для Хорвата: многіе изъ поляковъ убиты, другіе, кто успѣлъ, бѣжали, гость-полковникъ арестованъ и отвезенъ въ Новомиргородъ. Хорватъ донесъ сенату (онъ подчинился непосредственно сенату), что поляки напали на гусаръ, что тѣ вынуждены были обороняться и—одолѣли.

Изложеннаго считаемъ достаточнымъ для того, чтобы поставить на очередь вопросъ о значеніи иностранной колонизаціи въ Новороссіи или, вѣрнѣе, военныхъ поселеній Хорвата, Шевича и Прерадовича. Мы видѣли, что сербскіе колонизаторы, въ томъ числѣ и самъ Шевичъ, были ничѣмъ инымъ, какъ авантюристами въ самомъ грубомъ смыслѣ слова. Для того чтобы показать, какъ они ловили фортуну, разскажемъ въ заключеніе еще слѣдующую исторію, передаваемую нашимъ авторомъ. Когда пришелъ въ Новую Сербію манифестъ о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны, Хорватъ не медля отправляется въ Петербургъ и тамъ, разузнавъ, кто у новаго государя въ силѣ, начинаетъ дѣлать визиты; кончается тѣмъ, что онъ вручаетъ по мѣшечку золота камердинеру государя и адъютанту его Гудовичу; къ душевному его прискорбію, оба они въ тотъ-же день передали все золото самому государю: государь приказалъ сдѣлать Хорвату публичный выговоръ, возвратить ему деньги и выслать изъ Петербурга. Три года спустя наряжено было надъ нимъ слѣдствіе и Хорватъ, какъ извѣстно, сосланъ. Но думаемъ, что въ данномъ случаѣ исторія могла-бы не ограничивать своего суда только личностями, руководившими дѣломъ. Дѣйствительно, что сдѣлано военными поселеніями для обереженія границъ—главной цѣли, ради которой учреждались они? Что добраго внесли сербы, черногорцы и пр. въ соціальный бытъ Новороссіи? Какіе слѣды ихъ уцѣлѣли до насъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ разорившихся и разоряющихся потомковъ ихъ? Наконецъ, гдѣ слѣды этнографическихъ особенностей сербовъ въ населеніи юга Россіи? Все потонуло въ русскомъ населеніи, все забыто имъ. Поселеніе Хорвата и его товарищей просуществовало какой-нибудь десятокъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ переформировано и скоро потомъ

слито вполнѣ съ общими порядками имперіи. Спрашивается, не была-ли простымъ недоразумѣніемъ славянская и вообще иностранная колонизація въ Новороссіи? Пора-бы отвѣчать уже на эти вопросы.

В. Я.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммиссіею, томъ осьмый. С.-Петербургъ, 1884 г.

Новый томъ Исторической Библіотеки заключаетъ въ себѣ памятники самаго разнообразнаго содержанія. На первомъ планѣ помѣщены весьма интересные документы, извлеченные профессоромъ новороссійскаго университета Ѳ. И. Успенскимъ изъ разныхъ архивовъ и библіотекъ италіанскихъ: римскихъ, флорентійскихъ, венеціанскихъ и др. Изъ нихъ всего болѣе заслуживаютъ вниманія письма и донесенія о первомъ самозванцѣ и вообще о событіяхъ смутной эпохи въ московскомъ государствѣ. Далѣе слѣдуютъ матеріалы, добытые въ русскихъ государственныхъ архивахъ: акты о выѣздахъ въ Россію иноземцевъ купцевъ, врачей, аптекарей, мастеровъ и т. под. (1600—1640 гг.); акты относящіеся къ исторіи Сибири съ 1625 по 1630 г., а также вѣдомость о ясачныхъ, десятинныхъ, денежныхъ, хлѣбныхъ и соляныхъ доходахъ и расходахъ въ сибирскихъ городахъ за 1698 и 1699 гг.; акты о возобновленіи г. Олонца, истребленнаго пожаромъ 1668 г.; челобитныя разныхъ московскихъ дворянъ (конца XVII в.) о дозволеніи имъ писаться двойными прозвищами. Кромѣ того новый томъ Исторической Библіотеки заключаетъ въ себѣ нѣсколько драгоцѣнныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, о которыхъ скажемъ подробнѣе. Подъ № 13 помѣщено производившееся въ Малороссійскомъ Приказѣ въ 1676—1677 гг. дѣло объ убіеніи одного новгородсѣверскаго мѣщанина Ивана Москаленка стрѣльцемъ Останкой Кузьминымъ, ѣхавшимъ въ Москву гонцомъ изъ Кіева. Убійство произошло вслѣдствіе ссоры изъ-за подводъ, которыхъ Кузьминъ требовалъ въ большемъ противъ положеннаго количествѣ. Этотъ случай подалъ новгородсѣверскому сотнику и тамошнимъ мѣщанамъ и козакамъ поводъ жаловаться царю Ѳедору Алексѣевичу о безчинствахъ, производимыхъ въ малороссійскихъ городахъ московскими гонцами. «Отъ многихъ гонцовъ (жаловались они) и отъ всякихъ проѣзжихъ породы московской людей милости намъ нѣтъ. Они высокоуміемъ своимъ насъ, холопей и сиротъ твоихъ, ни во что ставя, дворишки наши разоряютъ и насъ въ городѣ и на дорогѣ, въ провожатыхъ взявъ, до смерти убиваютъ». За новгородсѣверскихъ козаковъ и мѣщанъ

«вступился также гетманъ Самойловичъ и, препроводивъ въ Москву стрѣльца Кузьмина, просилъ, чтобы послѣдній не былъ оставленъ безъ «достойнаго наказанія за свое безчинное дѣло». Московское правительство и само не мирволило своевольцамъ: по приговору бояръ и по указу великаго государя, стрѣлецъ Останка Кузминъ, за убійство въ пьяномъ видѣ «черкашенина», битъ кнутомъ на козлѣ и данъ на поруки. А въ гетману извѣстительной о семъ грамоты посылать не приказано: «велѣно пообождать, что гетманъ учинитъ у себя убойцѣ-жъ Глухова города черкашенину Давыдку Наврецкому, что онъ убилъ московскаго емщика, и что о томъ отпишетъ». Вообще дѣло это представляетъ любопытный образецъ тѣхъ столкновеній, какія часто происходили въ Малороссіи въ XVII в. между мѣстнымъ населеніемъ и людьми «породы московской».

№ 15-й заключаетъ въ себѣ полную опись движимаго имущества, принадлежавшаго гетману Ивану Самойловичу и его сыновьямъ Григорію и Якову и конфискованнаго послѣ низложенія гетмана по случаю обвиненія его съ сыновьями якобы въ государственной измѣнѣ. Чтобы судить о томъ, какъ велико было это имущество достаточно сказать, что настоящая его опись занимаетъ цѣлыхъ *восемь* печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Размѣрамъ этого имущества соотвѣтствовала его громадная цѣнность. Это тѣ знаменитые «*скарбы*» Самойловича, которые, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, онъ «зѣрмлъ вшелякими способами», которыми онъ никакъ «не могъ насытитися» и «маючи надѣю» на нихъ, «о жадной юлъ перемѣнѣ панства своего не помышлялъ»[1]. И точно, нѣтъ числа и мѣры различнымъ драгоцѣнностямъ, какими владѣли когда-то пышный гетманъ—поповичъ и его сыновья: золотые и серебряные кубки, кружки, четвертины, братины, чарки, достоканы, чаши, блюда, поясы, цѣпи, жемчугъ, клейноты и перстни со множествомъ драгоцѣнныхъ камней—все это въ описи исчисляется сотнями отдѣльныхъ предметовъ, а общій вѣсъ опредѣляется десятками пудовъ. Въ числѣ этихъ драгоцѣнностей было не мало образцовыхъ произведеній тогдашняго художества: таковъ напр. кубокъ— «корабль, съ лица и съ серединѣ, и подонокъ, и щосла золоченые сплошь, парусъ окрашенъ красною да зеленою красками, въ серединѣ семь перстунь человѣчьихъ съ ружьемъ, а въ кормѣ 2 купечки на колесахъ» и много, много другихъ металлическихъ издѣлій «съ личинами» человѣческими. Укажемъ и на другіе предметы, свидѣтельствующіе объ извѣстномъ, чисто европейскомъ комфортѣ гетмана-роскошника и его дѣтей. Въ числѣ

[1] Лѣтопись Самов., изданіе 1878 г., стр. 169—170.

ихъ имущества часто упоминаются часы серебряные (карманные), часы мѣдные стѣнные, часы серебряные столовые и часы желѣзные боевые; зеркала разной величины и отдѣлки, мыла турецкія и греческія: гребни черепаховые; шахматы костяные; ящики «съ оптеков» и коробки «съ розными лѣкарствами»; кружева нѣмецкія и какое-то «перо заморское съ зеркаломъ, что по нѣмецки называютъ вогорь»; не есть-ли это der Facher, вѣеръ?) картины нѣмецкія и другія, портреты самихъ Самойловичей; многочисленныя кареты, колясы, сани писанныя золотомъ (Сравн. отзывъ лѣтописца: «съ великою помпою (гетманъ) ѣздилъ: безъ кареты и за мѣсто не пойхалъ, а ни самъ, а ни сыновие его, и у войску усе въ каретѣ») и пр. Къ чести нашего гетмана и его сыновей полковниковъ нужно сказать, что имъ не чужды были интересы науки и книжнаго знанія: въ числѣ ихъ имущества находимъ болѣе 200 томовъ книгъ, изъ коихъ было 89 книгъ славянской и русской печати и письма, а остальное число (152)? составляли книги польскія, латинскія. Не чужды имъ были и высшія эстетическія развлеченія, напр. музыка. И лѣтописецъ упоминаетъ, что гетманъ съ сыновьями любили забавляться «музыкою—позитивами» [1]). И полтинно, въ числѣ ихъ имущества мы находимъ нѣсколько различныхъ музыкальныхъ инструментовъ: 6 *клавикордовъ*, 2 *органи*, *цымбалы нѣмецкіе* и наконецъ національный малороссійскій инструментъ—«*бандуру* изъ розныхъ деревъ, волосами составную, съ кости, о семи струнахъ». Вообще замѣтимъ, что опись имущества Самойловичей представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія домашняго быта и всего житейскаго обихода богатой малороссійской семьи XVII столѣтія.

Наконецъ, послѣдній (179) № новаго тома «Исторической Библіотеки» составляютъ акты о посольствѣ царскаго дворянина Ив. Желябужскаго, отправленнаго въ 1657 г. къ седмиградскому князю Георгію Ракочію и кіевскому козацкому полковнику Антону Ждановичу. Они содержатъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ о дѣятельности Богдана Хмельницкаго въ послѣдній годъ его жизни и въ особенности выясняютъ характеръ его отношеній къ седмиградскому князю и общіе ихъ замыслы уничтожить польское государство и раздѣлить между собою его земли. Этотъ-же документъ подтверждаетъ извѣстіе письма Выговскаго къ воеводѣ Зозину о днѣ смерти Богдана Хмельницкаго 27 іюля, а не въ половинѣ августа, какъ о томъ сообщаютъ позднѣйшіе козацкіе лѣтописи.

О. Л.

---

[1]) *Позитивы*, польск. pozytywy—малые переносные органы.

О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ, 1871 г., 8° 157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ, 1884 г., 8° 131 стр.

Обѣ книжки изданы гр. Гр. А. Милорадовичемъ, владѣльцемъ одного изъ значительныхъ частныхъ архивовъ въ Малороссіи. Въ этихъ книжкахъ на ряду съ біографическими очерками дѣятельныхъ лицъ, принадлежащихъ къ роду Милорадовичей, напечатано не мало и фамильныхъ бумагъ, въ полномъ ихъ видѣ.—Милорадовичи вышли изъ Сербіи при Петрѣ В. и тогда-же два брата изъ нихъ, Михаилъ и Гавріилъ, были назначены, послѣдовательно одинъ за другимъ, гадяцкими полковниками. Въ названныхъ книжкахъ напечатаны біографическіе очерки и бумаги Михаила Милорадовича и его потомковъ. Матеріаловъ для бытовой исторіи Малороссіи по настоящее время издано такъ мало, что всякое изданіе фамильныхъ бумагъ, представляющихъ собою наиболѣе цѣнный матеріалъ для изданія общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ, заслуживаетъ полной благодарности. Напечатанныя въ книжкахъ графа Милорадовича бумаги относятся впрочемъ преимущественно къ концу XVIII в. и поэтому мѣстный интересъ ихъ не особенно великъ; бумагъ, относящихся къ первой половинѣ того-же вѣка, не много; но за то нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ драгоцѣнныя черты изъ тогдашняго быта. Въ этомъ отношеніи особенно интересна записка бунчукового товарища Степана Милорадовича о томъ, какое онъ далъ приданное за своею дочерью Софьей, при выдачѣ ея замужъ за Якима Каневскаго. Записка эта относится къ 1739 г., когда Малороссіей правилъ А. И. Румянцевъ, а его фактическимъ соправителемъ былъ генеральный писарь Безбородко. Значеніе послѣдняго такъ велико было въ это время, что всѣ искавшіе милостей у Румянцева, должны были въ то-же время кланяться и Безбородкѣ.—Перечисляя движимость, данную Каневскому, Степанъ Милорадовичъ замѣчаетъ, что «прочимшляя» зятю какое-нибудь мѣстечко, онъ далъ Румянцеву «пару верховыхъ воней, одинъ сивояблоковатый, а другой—гнѣдой, цѣною въ 70 рублей; а пану А. Безбородку далъ соболій мѣхъ, купленный у Федора Гамалѣи за 75 руб.». Выходитъ, что Безбородкѣ за ходатайство о мѣстѣ нужно было поднести подарокъ такой-же цѣнности, какъ и самому Румянцеву.

Кромѣ бумагъ, напечатанныхъ въ названныхъ двухъ книжкахъ, въ архивѣ гр. Милорадовича сохраняется еще значительное количество юридическихъ актовъ, преимущественно относящихся къ тѣмъ мѣст-

ностямъ Малороссіи, гдѣ находились имѣнія извѣстнаго Павла Полуботка, значительная часть которыхъ перешла потомъ, по браку, къ Милорадовичамъ. Особенно много актовъ сохраняется въ архивѣ графа Милорадовича, относящихся къ м. Любечу и тѣмъ поселеніямъ, которыя при польскомъ владычествѣ принадлежали къ любецкому староству, а потомъ входили въ составъ любецкой сотни, самой обширной въ черниговскомъ полку. Многіе изъ этихъ актовъ относятся къ XVI в. и уже поэтому составляютъ дорогой матеріалъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія, такъ какъ бумагъ, относящихся къ исторіи Малороссіи лѣваго берега Днѣпра за время предшествовавшее эпохѣ Хмѣльницкаго, сохранилось очень мало. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ уже напечатаны въ монографіи гр. Милорадовича о Любечѣ (Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и др. 1871 г., кн. 2), но гораздо большая ихъ часть хранится еще въ рукописяхъ. Нельзя не пожелать, чтобы владѣлецъ ихъ, извѣстный своею любовью къ мѣстной старинѣ, продолжалъ-бы изданіе хранящихся у него историческихъ и юридическихъ актовъ и при томъ не въ отрывочномъ видѣ, а систематическими сборниками, матеріаловъ для которыхъ у него найдется не на одинъ томъ.

А. Лазаревскій.

Сулимовскій Архивъ—фамильныя бумаги Сулимъ, Скоруп и Войцеховичей. Кіевъ, 1884 г. Издатель А. Лазаревскій.

Въ составъ этаго изданія вошли фамильные документы трехъ названныхъ въ заглавіи малороссійскихъ дворянскихъ родовъ. Самая многочисленная группа (109 номеровъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ самая интересная какъ по времени (она восходитъ до первой половины XVII столѣтія), такъ и по полнотѣ—это документы рода Сулимъ, члены котораго занимали важныя должности въ козацкомъ войскѣ и находились въ семейныхъ и личныхъ связяхъ съ многочисленными знатными, современными имъ родами малороссійскихъ старшинъ. Документы Скорупъ (63 номера) и Войцеховичей (11 номеровъ) хотя обнимаютъ нѣсколько менѣе значительный промежутокъ времени и относятся къ менѣе выдававшимся родамъ, представляютъ однако матеріалъ исполненный весьма цѣнныхъ данныхъ для внутренней бытовой исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіи.

Выборъ документовъ для изданія произведенъ весьма умѣло—нѣтъ номера, который-бы не представлялъ той или другой существенной черты для обрисовки бытовой исторіи страны; иначе конечно и не могло случиться, такъ какъ издатель А. М. Лазаревскій, извѣстный многочисленными трудами по исторіи Малороссіи, по всей справедливости долженъ быть признанъ лучшимъ знатокомъ малороссійской исторіи и древностей XVII и XVIII столѣтій.

Не ограничиваясь матеріаломъ сулимовскаго архива, издатель пополнилъ коллекцію нѣкоторыми документами, заимствованными частью изъ собственной богатой коллекціи актовъ, частью изъ малоизвѣстныхъ археографическихъ изданій (напримѣръ «Ukraińne sprawy» Ржыпенскаго. Львовъ. 1842). Затѣмъ въ началѣ изданія приложена весьма цѣнная монографія, въ которой разсказана генеалогія и сведены біографіи лицъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ тремъ названнымъ родамъ. Изданіе иллюстрировано пятью фамильными портретами, сохранившимися вмѣстѣ съ архивомъ въ домѣ Войцеховичей, наслѣдниковъ Сулимъ.

Документы къ генеалогіи Сулимъ начинаются съ перваго извѣстнаго ихъ предка, запорожскаго гетмана, Ивана Сулимы (1628—1635); сыновья его и дальнѣйшіе потомки умѣютъ среди всѣхъ смутъ и превратностей, которымъ подвергалась судьба страны въ XVII столѣтіи, не только сохранить выдающееся положеніе въ казачествѣ, но и значительно упрочить его какъ пріобрѣтеніемъ многочисленныхъ земель и помѣстій, такъ и родственными связями съ большинствомъ чѣстныхъ знатныхъ родовъ. Когда въ XVIII столѣтіи Малороссія достигла наконецъ умиротворенія и общество стало слагаться въ болѣе правильныя нормальныя формы, Сулимы заняли выдающееся положеніе среди дворянской знати и въ концѣ столѣтія весьма отзывчиво вступили на новый путь служебной карьеры, къ которому умѣли во время подготовиться должнымъ образомъ. Въ числѣ послѣднихъ представителей рода, упоминаемыхъ въ документахъ, мы встрѣчаемъ: генералъ-маіора Акима Семеновича, его сыновей: Павла Акимовича, доктора философіи геттингенскаго университета и Акима Акимовича, получившаго образованіе въ московскомъ университетѣ, наконецъ харьковскаго епископа Христофора Сулиму.

Данныя, относящіяся къ роду Скорупъ, обнимаютъ собственно только 2 поколѣнія, жившія въ XVIII столѣтіи—документы относятся къ родоначальнику Григорію Скорупѣ, выходцу изъ Бѣлоруссіи, составившему огромное состояніе удачными торговыми оборотами въ Старобубѣ и по-

томъ скупкою земель, и къ его сыну Павлу, занимавшему уже почетное мѣсто среди козацкой старшины.

Кромѣ данныхъ генеалогическихъ въ сулимовскомъ архивѣ мы находимъ многочисленныя данныя для возстановленія внутренняго быта въ Малороссіи и для обрисовки общественныхъ отношеній, особенно того сословія, которое, пробившись въ началѣ въ ряды козацкой старшины, составило потомъ малороссійское дворянство. Мы встрѣчаемъ многочисленные документы, указывающіе на постепенное скопленіе поземельной собственности въ рукахъ знатныхъ фамилій.—Это жалованные и подтвердительные гетманскіе универсалы, купчія крѣпости, вѣновыя записи, акты раздѣльные и т. д. Затѣмъ встрѣчаемъ рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ и усиленныхъ заботахъ старшинъ о томъ, чтобы добыть для своего рода признаніе въ дворянствѣ: объ этомъ хлопочутъ не только Сулимы, происходившіе правдоподобно отъ боаръ любечскаго замка, но и Скорупы, дворянское происхожденіе которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно; тѣ и другіе прибѣгаютъ ко всевозможнымъ связямъ и сношеніямъ для того, чтобы добыть себѣ дворянство. Сулимы пытаются связать свой родъ съ гербовною легендою польскаго герба «Сулима» и такимъ путемъ вывести свой родъ отъ предполагаемыхъ предковъ—германскихъ рыцарей, затѣмъ они ссылаются на кобилитацію польскимъ сеймомъ 1659 года и даже совершаютъ попытку переименовать своего предка запорожскаго гетмана—въ канцлеры польскаго королевства. Въ свою очередь Павелъ Скорупа предпринимаетъ продолжительные, хотя и безплодные поиски въ книгахъ люблинскаго трибунала съ цѣлью отыскать дворянскіе документы своего рода, подаетъ челобитную русскому правительству объ утвержденіи его въ дворянствѣ и наконецъ добивается завѣтной цѣли путемъ долговременной службы.

Весьма интересны документы, свидѣтельствующіе о семейныхъ отношеніяхъ въ средѣ малороссійскихъ старшинъ XVIII столѣтія; они болѣе всего изобилуютъ изъ многочисленной переписки между родственниками и указываютъ тѣ отношенія, которыя слагались между супругами, старшимъ и младшимъ поколѣніями, а также между родственниками во всѣхъ степеняхъ родства. Вообще семейныя узы являются довольно крѣпкими, хотя нѣсколько формальными; проблески болѣе глубокаго, задушевнаго чувства весьма рѣдко встрѣчаются въ перепискѣ, но большей

части она носитъ характеръ исключительно дѣловой и ограничивается взаимнымъ сообщеніемъ новостей, порученіями и т. п. Браки заключаются, какъ кажется, главнымъ образомъ изъ побужденій экономическихъ и не всегда бываютъ удачны; какъ примѣръ распри между супругами мы встрѣчаемъ скандалёзную тяжбу бунчукового товарища Заборовскаго съ женою (№ 177).—Распри братьевъ между собою составляютъ довольно частое явленіе; образцомъ такого семейнаго раздора можетъ служить жалоба вдовы Ивана Сулимы на сына ея Ивана за притѣсненія, испытываемыя отъ него какъ матерью, такъ и другими членами семейства (№ 41).

Весьма интересную группу данныхъ представляютъ документы, относящіеся къ исторіи просвѣщенія: мы видимъ постоянныя заботы родителей о томъ, чтобы дѣтямъ возможно хорошее по своему времени воспитаніе. Не щадя средствъ, зажиточные люди пріискиваютъ домашнихъ воспитателей и учителей, отдаютъ дочерей въ пансіоны, основанные въ Малороссіи иностранцами, отсылаютъ сыновей учиться въ столицы и за границу, зорко слѣдятъ за ходомъ ихъ воспитанія и гордятся ихъ успѣхами. Слѣдуя духу времени, подъ конецъ XVIII столѣтія они стараются занять превосходство своего образованія пристрастіемъ къ французскому языку, который употребляютъ для переписки, даже въ интимныхъ сношеніяхъ между ближайшими родственниками и въ дневникахъ, которые ведутъ по видимому исключительно для себя. Такое пристрастіе является тѣмъ болѣе страннымъ, что вообще авторы писемъ и записокъ не владѣютъ свободно французскимъ языкомъ, дѣлаютъ грубыя ошибки какъ въ оборотахъ рѣчи, такъ и въ правописаніи, иногда, за недостаткомъ словъ и выраженій, испещряютъ свой текстъ самыми странными комбинаціями словъ французскихъ, русскихъ, малороссійскихъ и латинскихъ или подаютъ поводъ къ самымъ комическимъ невольнымъ каламбурамъ. Лучшій примѣръ такого рода галломаніи представляетъ дневникъ Акима Семеновича Сулимы, напечатанный подъ 109 номеромъ.

Вообще затруднительно было-бы перечислить многочисленныя бытовыя черты, разсѣянныя въ документахъ «Сулимовскаго архива»: документы эти читаются съ большимъ интересомъ и въ значительной мѣрѣ дополняютъ скудный запасъ свѣдѣній, изданный понынѣ относительно внутренней бытовой исторіи Малороссіи XVII—XIII столѣтій; они воз-

становляютъ живо и съ полною историческою правдою картину жизни столь еще недавней и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ исчезнувшей и мало извѣстной.—Въ этомъ отношеніи «Сулимовскій Архивъ» стоитъ на равнѣ съ лучшими, доселѣ извѣстными намъ источниками, каковы «Записки Якова Марковича» и «Матеріалы для отечественной исторіи Судіенка».

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ОДЕССѢ.

Съ 15 по 30 августа настоящаго года, какъ извѣстно, происходили въ Одессѣ занятія VI археологическаго съѣзда. Каждый изъ такихъ съѣздовъ безспорно имѣетъ большое значеніе для русской науки и слѣдовательно въ полной мѣрѣ заслуживаетъ вниманіе всего просвѣщеннаго общества. Но одесскій съѣздъ для насъ, жителей южной Россіи, имѣетъ преимущественное значеніе, такъ какъ большинство работъ этого, какъ и другихъ съѣздовъ, въ силу установившагося обычая, посвящается мѣстной археологіи и исторіи. Этой частью своихъ занятій закончившійся съѣздъ въ то-же время совпадаетъ съ программою нашего журнала, а потому мы считаемъ умѣстнымъ хотя въ общихъ чертахъ ознакомить читателей съ его занятіями.

Прежде всего мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько критическихъ замѣчаній, побуждаемые къ тому единственно желаніемъ всевозможнаго успѣха будущимъ съѣздамъ. Не касаясь формальной и декоративной, такъ сказать, стороны съѣзда,—церемоніи открытія и закрытія съѣзда, числа и званія съѣхавшихся, взаимныхъ привѣтствій, чествованій, развлеченій и т. д., скажемъ сначала нѣсколько словъ о программѣ съѣзда. Еще на третьемъ съѣздѣ въ Кіевѣ, ровно десять лѣтъ тому назадъ, нѣсколько первыхъ засѣданій было посвящено обсужденію вопросовъ: что такое археологія, каковы ея задачи, какова должна быть программа преподаванія этой науки

въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и проч. Г. Забѣлинъ и гр. Уваровъ читали объ этомъ отдѣльные рефераты, нѣсколько другихъ лицъ принимали участіе въ преніяхъ. Мнѣнія оказались самыя различныя, ни къ какимъ выводамъ не пришли, а съѣзды и по сіе время блуждаютъ въ безграничномъ морѣ «древностей» и «памятниковъ». Между тѣмъ такой хаосъ въ пониманіи объема археологіи весьма невыгодно отражается, какъ на успѣхахъ самой науки, такъ и съ практической стороны—на занятіяхъ съѣздовъ. На одесскомъ напр. съѣздѣ читалось, какъ увидимъ ниже, нѣсколько такихъ рефератовъ, которые не имѣютъ ровно никакого отношенія ни къ археологіи, ни къ съѣзду. Если гг. члены ученаго комитета съѣзда допустили эти рефераты къ чтенію, то сдѣлали это, вѣроятно, изъ нежеланія показаться узкими въ пониманіи объема археологической науки. Приведемъ дѣленіе VI съѣзда по секціямъ. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) обще-археологическіе вопросы, 2) памятники первобытные, 3) памятники языческіе, 4) памятники классическіе, 5) памятники общественнаго и домашняго быта, 6) памятники юридическіе, 7) памятники искусствъ и художествъ, 8) памятники письменности и языка, 9) памятники исторической географіи и этнографіи, 10) памятники византійскіе, 11) памятники восточные. Посмотримъ теперь, какіе рефераты иногда слѣдовали надъ именами разныхъ «памятниковъ». Выпишемъ нѣсколько заглавій: «Историческій очеркъ г. Одессы отъ 1794—1803 г.»; «Матеріалы къ исторіи землевладѣнія въ прилукскомъ уѣздѣ», «О каллипидахъ по Геродоту», «О неизданномъ греческомъ текстѣ, имѣющемъ отношеніе къ русской исторіи», «О ереси мнимо-жидовствующихъ», «Къ хронологіи войнъ Святослава», «О происхожденіи современнаго общиннаго землевладѣнія въ Россіи», «О заселеніи оренбургскаго края» и т. д. и т. д. Если все это археологія, то что-же останется на долю исторіи?...

Намъ кажется, что необходимо прежде всего заняться выработкой яснаго представленія объ объемѣ и задачахъ археологіи,—по крайней мѣрѣ отнюдь не игнорировать какой-бы то ни было работы по этому предмету [1]),—затѣмъ одно изъ двухъ: или съузить

[1]) На VI съѣздѣ почему-то не состоялось чтеніе реф. г. Грота: «О положеніи археологіи въ ряду другихъ наукъ (заглавіе предполагательное). Поговаривали,

занятія съѣздовъ до предѣловъ этого объема, или измѣнить названіе, а вслѣдствіе этого вѣроятно и организацію съѣздовъ.

Помимо неопредѣленности въ пониманіи объема археологіи весьма неблагопріятно отзывается на серьезности занятій съѣзда и то особое отношеніе къ нему нѣкоторыхъ его членовъ, которое стало проглядывать въ послѣднее время. Не приготовивъ для съѣзда чего либо новаго и цѣннаго въ научномъ отношеніи и пускаясь на съѣздъ, быть можетъ, въ виду пріятныхъ встрѣчъ, свиданій, свободнаго и вмѣстѣ полезнаго время-провожденія, пріѣхавшіе какъ-бы для прогулки депутаты и недепутаты почему-то считаютъ для себя дѣломъ неподходящимъ быть только слушателями и судьями читаемыхъ докладовъ, а стараются во что-бы то ни стало сами что нибудь сообщить. И вотъ одинъ напр. *докладываетъ со словъ знакомаго доктора, родомъ эста*, о нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ эстовъ, при чемъ на всѣ вопросы, клонившіеся къ выясненію значенія обычаевъ, отвѣчаетъ крайне спутанно; другой читаетъ *по корректурнымъ листамъ главу изъ имѣющаго выйти въ свѣтъ третьяго тома своей исторіи*, — какъ знаменитый романистъ читаетъ гдѣ либо въ салонѣ главу изъ приготовляемой повѣсти, позволяя избранной публикѣ предвкусить, такъ сказать, наслажденіе, но вызываетъ лишь выраженіе недоумѣнія и справедливое замѣчаніе, что не только ничего новаго и самостоятельнаго въ прочитанномъ не находится, но упущены и добытыя другими историческія данныя по избранному сюжету; третій *повторяетъ напечатанную раньше статью*, точнѣе лекцію о славянскихъ переводахъ евангелія; четвертый *около часу излагаетъ «краткую біографію Готфрида Велькера», нѣмца филолога*, и вызываетъ замѣчаніе одного изъ оппонентовъ, что Велькеръ—филологъ и что самое имя археологіи было ему ненавистно. Если все это позволительно гг. депутатамъ, то разумѣется необходимо допустить и г. Троицкаго читать «о символикѣ на епископской палицѣ», г-ну Будде доказывать, что церковно-славянскій языкъ есть кабинетное измышленіе «великаго филолога» св. Кирилла, г-ну Селиванову дѣлать веселыя «дополненія», г. Добров-

---

что ученый комитетъ именно убоялся отрицательнаго взгляда г. Грета на археологію; отклоненъ-же онъ по причинѣ отвлеченности его воззрѣній.

скому предлагать такія туманныя замѣчанія о славянскомъ языкѣ въ которыхъ и самъ онъ едва-ли что видѣлъ, г-ну А. Иванову опять распинаться за извѣстныя «теоріи» правописанія «грѣческихъ» словъ, г-ну Пренделю продолженіе получаса разсказывать о томъ, что по изслѣдованіи острова Березани тамъ ничего не найдено и пр. и пр. Вообще можно сказать, что если-бы профильтровать все прочитанное, то не менѣе половины рефератовъ отошло-бы къ осадкамъ.

А между тѣмъ масса подобнаго рода чтеній (не допущено свыше 30) беретъ непроизводительно весьма много времени; съѣзды наши тянутся чрезвычайно долго, чего нигдѣ, кромѣ Россіи, не дѣлается. Многіе члены одесскаго съѣзда, не будучи въ состояніи бросать своихъ обычныхъ занятій на столь продолжительное время, принуждены были уѣхать, не дождавшись конца.

Все сказанное, понятно, не исключаетъ и большихъ заслугъ бывшаго съѣзда для отечественной археологіи и исторіи. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ разсмотрѣть подробнѣе работъ съѣзда, поэтому мы ограничимся только перечнемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ югу Россіи.

Всѣхъ рефератовъ этого рода было прочитано около тридцати. Изъ нихъ около третьей части относилось къ «памятникамъ классическимъ», т. е. къ исторіи греческихъ колоній на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей. Работы эти касались большею частію того или другаго частнаго вопроса изъ жизни эллиноскифскаго міра. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: проф. *Юргевича* «Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія»; *Люперсольскаго* «О каллипидахъ по Геродоту»; *Латышева* «Государственное устройство Херсонеса» и «О календаряхъ Ольвіи, Тираса и Херсониса»; *Подшивалова* «Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ»; *Мищенка* «Легенды о царскихъ скиѳахъ у Геродота» и *Андріевскаго М.* «О приповятійской Скиѳіи».

Несравненно болѣе интересны тѣ рефераты, которые относятся къ доисторической эпохѣ нашего края. Первое мѣсто между ними можно отвести докладамъ В. Б. Антоновича. Одинъ изъ докладовъ касался изслѣдованныхъ авторомъ скальныхъ пещеръ въ бассейнѣ р. Днѣстра. Пещеры оказались двухъ родовъ—естественныя

и искусственныя; первыя, судя по открытымъ внутри ихъ костямъ и отбивнымъ каменнымъ орудіямъ, найденнымъ близъ нихъ, служили, по мнѣнію референта, жилищемъ человѣку еще въ палеолитическій періодъ; такія пещеры состоятъ или изъ извилистыхъ коридоровъ, идущихъ то горизонтально, то вверхъ и внизъ, какъ въ пещерѣ между селами Нѣгинымъ и Зарудинымъ, или изъ ряда камеръ, соединенныхъ короткими переходами, какова напр. пещера у м. Студеницы [1]); близъ послѣдней, въ промоинѣ, вмѣстѣ съ кремневыми отбивными орудіями найдены и кости мамонта, что еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе референта. Втораго типа пещеры представляли изъ себя цѣлые монастыри и свидѣтельствуютъ о развитіи въ этой мѣстности пустынножительства уже въ первые вѣка по принятіи христіанства. На стѣнахъ камеръ попадаются рисунки, барельефы и надписи разныхъ временъ. Второй рефератъ проф. Антоновича относился къ раскопкамъ кургановъ, произведеннымъ имъ въ порѣчьяхъ Днѣстра, Буга и Ингула. Ни одинъ изъ типовъ могилъ не былъ древнѣе желѣзнаго вѣка. По даннымъ, добытымъ изъ этихъ раскопокъ, есть возможность прибавить къ извѣстнымъ доселѣ нѣкоторые новые виды погребенныхъ типовъ.

Въ связи съ рефератами профессора Антоновича стоятъ доклады члена краковской академіи наукъ, польскаго археолога г. Оссовскаго. Г. Оссовскій извѣстенъ своими изслѣдованіями въ разныхъ мѣстахъ; онъ дѣлалъ раскопки въ верхнемъ бассейнѣ Днѣстра и въ окрестностяхъ Кракова, въ Галиціи, а также у насъ на Волыни и въ кѣлецкой губерніи. На основаніи раскопокъ по верхнему Днѣстру онъ оспаривалъ мнѣніе профессора Антоновича о слѣдахъ жизни человѣческой, въ изслѣдованныхъ послѣднимъ пещерахъ, въ палеолитическій періодъ; изслѣдованныя-же имъ пещеры около с. Ойцова и г. Кракова дали ему возможность представить вниманію археологовъ весьма остроумный «опытъ хронологической классификаціи каменнаго вѣка». Изслѣдованныя г. Оссовскимъ пещеры имѣли въ себѣ на днѣ напластованія въ три слоя; каждый изъ слоевъ былъ особаго состава и заключалъ соотвѣтственныя издѣлія рукъ человѣческихъ, при чемъ по всѣмъ признакамъ нижній слой былъ самый древній, затѣмъ слѣдовалъ средній

[1]) Объ этомъ см. между прочимъ «Путевые очерки Подолія», «Kiewska Starina», 1884 г., сентябр. кн., стр.

и наконецъ верхній. Г. Оссовскій предложилъ первый слой назвать *машицкимъ* (по имени пещеры), второй *сѣверно-краковскимъ* и третій *мизковскимъ*, и найденныя въ каждомъ слоѣ вещи принять за типы для трехъ различныхъ по древности эпохъ каменнаго вѣка въ восточной Европѣ. Прочитанный г. Оссовскимъ рефератъ по основной мысли своей, научнымъ пріемамъ и ясности изложенія представлялъ высокій интересъ, а работы его по изслѣдованію верхняго Днѣстра, дополняя развѣдки В. Б. Антоновича, помогутъ составить полную картину доисторическаго быта исконно нераздѣльнаго русскаго края.

Непосредственно за изслѣдованіями профессора Антоновича, по важности затронутаго вопроса, слѣдуетъ поставить рефератъ г-жи Мельникъ: «Слѣды мегалитическихъ построекъ на сѣверѣ херсонской губерніи». До сихъ поръ существованіе этихъ построекъ констатировано въ западной Европѣ, въ Крыму, на Кавказѣ и въ Малой Азіи. Если поэтому г-жѣ Мельникъ удастся доказать, что ею были наблюдаемы дѣйствительно остатки мегалитическихъ сооруженій, то область нахожденія ихъ расширится, присоединивъ къ себѣ югъ Россіи; а такое расширеніе дастъ новыя данныя для теоріи разселенія племенъ. Референтка представила сначала географическій обзоръ наблюдаемой мѣстности. Карпатская каменная гряда, простираясь на востокъ, то залегаетъ подъ поверхностью земли, то высовывается изъ подъ нея, образуя пороги на рр. Днѣстрѣ, Бугѣ и Днѣпрѣ. Въ бассейнѣ р. Ингульца, между гранитными обнаженіями, г-жа Мельникъ замѣтила нѣсколько группъ громадныхъ камней, которые повидимому носятъ въ своемъ расположеніи слѣды рукъ человѣческихъ; такія группы ей попались на сѣверѣ херсонской губерніи возлѣ селеній: Спасова, Кащуровки, Пироговки, Дубовой, Лещенки, Чечелѣевки, Лядова и Пагорянъ. Референтка не настаиваетъ на своемъ открытіи, предоставляя будущимъ изслѣдованіямъ подтвердить или отвергнуть ея мнѣніе; тѣмъ не менѣе вопросъ, затронутый ею, весьма важенъ въ наукѣ русской археологіи. Вотъ почему къ реферату г-жи Мельникъ весьма сочувственно отнеслись столь уважаемые ученые, какъ г. Анучинъ и графъ Уваровъ.

Кромѣ приведенныхъ работъ, по тому-же отдѣлу было представлено на съѣздъ и еще нѣсколько докладовъ. Изъ нихъ достойны

упоминанія рефераты: г. *Залѣскаго* «о древностяхъ кубанской области (авторъ нашелъ слѣды дольменовъ и на Кубани), гр. Бобринскаго «о курганахъ близъ м. Смѣлы» и нѣсколько докладовъ г. Самоквасова о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстахъ. Почтенный Д. Я. Самоквасовъ прочелъ и еще рефератъ, подъ заглавіемъ: «Простѣйшія формы общественныхъ отношеній», которому однако лучше было-бы остаться въ его портфелѣ.

Къ городу Одессѣ относилось два реферата: г. Орлова, депутата отъ московскаго архива министерства юстиціи, подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ г. Одессы отъ 1794—1803 г.г.» и г. Маркевича—«Одесса въ народной поэзіи». Первый рефератъ представлялъ сухой экстрактъ весьма обстоятельнаго и вмѣстѣ весьма сыраго труда, ближе подходящаго къ лѣтописи, чѣмъ къ исторіи. Авторъ шагъ за шагомъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, слѣдитъ за смѣною разныхъ должностныхъ лицъ, за застройкой отдѣльныхъ частей города, отмѣчаетъ появленіе церквей, молитвенныхъ домовъ и проч., словомъ, много матеріала и никакой обработки.

Болѣе живой характеръ носилъ рефератъ г. Маркевича. Изъ него оказывается, что Одесса только по мимолетному впечатлѣнію международный городъ, что предмѣстья ея, которыя несравненно болѣе самаго города, населены сплошь русскимъ народомъ, и именно въ значительномъ большинствѣ малороссами, какъ и вся Новороссія. Извѣстно, что область нынѣшней Новороссіи весьма знакома малорусскому племени, которое и въ XVIII вѣкѣ составляло преобладающій элементъ въ колонизаціи края. Естественно, что народная поэзія Новороссіи имѣетъ основный характеръ южно-русскій, потому что всегда была въ тѣснѣйшей связи съ остальнымъ народно-поэтическимъ міромъ остальной части малорусскаго племени; вотъ почему пѣсни, сложенныя въ Новороссіи, разошлись по всей Украинѣ и даже Галиціи. Авторъ пользовался какъ печатнымъ, такъ и рукописнымъ пѣсеннымъ матеріаломъ и извлекъ изъ него все, что только заключаю въ себѣ указанія или хоть намеки на Одессу.

Собственно взглядъ народа на Одессу не представляетъ ничего неожиданнаго. Это, по пѣснямъ, городъ бойкій, разгульный, гдѣ такъ-же легко прокутиться, какъ и обогатиться. Отмѣтимъ любопытную мелочь, свидѣтельствующую о мѣрахъ, какія принимались властями для усвоенія народомъ имени Одессы, вмѣсто мѣстечка Хаджи-

бея, изъ котораго она возникла; при въѣздѣ мужика въ городъ его спрашивали у заставы: куда ѣдетъ? и если ѣхавшій отвѣчалъ: въ Хаджибей, то его сѣкли, приговаривая: въ Одессу, въ Одессу.

Остаются наконецъ рефераты, относящіеся къ болѣе поздней исторіи южной Россіи. Непосредственно къ этому предмету относились чтенія г.г. Лучицкаго, Багалѣя, Эварницкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Г. Лучицкимъ было прочитано два реферата. Одинъ имѣлъ цѣлью ознакомить публику съ современными формами общиннаго землевладѣнія въ районѣ непосредственнаго наблюденія автора, именно въ уѣздахъ: золотоношскомъ, части кременчугскаго, части лубенскаго и переяславскаго; другой былъ направленъ къ доказательству существованія общины въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Вѣроятно оба эти реферата появятся въ печати раньше выхода въ свѣтъ «Трудовъ» VI съѣзда, а потому мы не будемъ передавать ихъ содержанія; скажемъ только, что ими видимо интересовались многіе изъ членовъ съѣзда.

Не меньше интереса возбудилъ собою и рефератъ г. Багалѣя о колонизаціи слободской Украины въ XVII и XVIII вѣкахъ. Авторъ давно занимается этимъ вопросомъ и, какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», не упускаетъ изъ виду ни одного труда, имѣющаго съ нимъ какую-бы то ни было связь. Въ настоящемъ случаѣ чтеніе г. Багалѣя представляло итоги его занятій. Очертивъ кратко состояніе края въ періодъ до и послѣ татарскій, вплоть до XVIII-го вѣка, къ каковому времени изъ этого края исчезло почти все населеніе, референтъ затѣмъ показалъ, какимъ способомъ край былъ населенъ. Черкасы приходили по приглашенію правительства партіями и строили соединенными силами городъ, который и служилъ потомъ центромъ извѣстной мѣстности. Вокругъ города росли маленькія поселенія подъ именемъ слободъ, откуда и названіе Слободской Украины. Слободы окружались хуторами. Свободная занимка земель была главнымъ стимуломъ колонизаціи. Занимка имѣла или общинный, или личный характеръ. Часто попадается занимка полковая, сотенная и т. д.; сотня, полкъ, какъ юридическая единица, получаетъ жалованныя грамоты на занятыя земли и потомъ дѣлитъ ихъ между слободами, деревнями, хуторами и проч. На ряду съ общинной очень рано появляется личная поземельная собственность, ро-

дившаяся изъ частной занимки, изъ раздѣла общественной земли, по покупкѣ, захвату; послѣднимъ путемъ образовалась крупная собственность дворянъ и монастырей.

Г. Эварницкій явился на съѣздъ, вооруженный громадной коллекціей, составленной имъ впродолженіе трехъ-лѣтняго изученія Запорожья. Онъ нѣсколько разъ предпринималъ туда долгія поѣздки, разными способами переправлялся черезъ пороги и прекрасно изучилъ топографію края. Въ нѣсколькихъ книжкахъ «Кіевской Старины» за текущій годъ печатались его статьи объ этомъ предметѣ. На съѣздѣ г. Эварницкій демонстрировалъ свою коллекцію и въ видѣ комментарій къ ней или разсказывалъ разные эпизоды изъ своихъ путешествій, или «напоминалъ» нѣкоторые моменты изъ исторіи запорожскаго козачества. Публика съ живѣйшимъ интересомъ слушала сообщенія г. Эварницкаго и осматривала его коллекціи.

Если прибавить наконецъ рефератъ г. Перетятковича о переселеніи малорусскихъ громадъ въ оренбургскій край и рефератъ г. Крилова «о старинѣ Донской Области», то будутъ исчерпаны всѣ важнѣйшіе труды, такъ или иначе относившіеся къ южной Россіи. Что касается многихъ другихъ рефератовъ, то, оставаясь въ предѣлахъ намѣченнаго для этой замѣтки плана, мы можемъ сказать только, что съ особеннымъ интересомъ съѣздъ относился къ рефератамъ гр. Уварова, гг. Анучина, Ковалевскаго, Леонтовича, Головацкаго, Кондакова, Прахова и весьма немногихъ другихъ.

Въ заключеніе не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ археологической выставкѣ, бывшей при съѣздѣ: цѣлыхъ двѣ залы были заняты снимками съ фресокъ кіевскихъ,—св. Софіи, кирилловскаго и михайловскаго монастырей, доставленныхъ г. Праховымъ. Умѣлое расположеніе копій, безукоризненное ихъ исполненіе, важность предмета и занимательность объясненій почтеннаго экспонента дѣлали эту часть выставки весьма любопытной. Третья, самая большая зала, вмѣщала въ себѣ множество въ высшей степени интересныхъ вещей. Особенное вниманіе публики обращали на себя коллекціи Эварницкаго, Поля и ученой коммиссіи, ѣздившей въ Константинополь. Коллекціи г. Эварницкаго, какъ и г. Поля страдали нѣкоторой безсистемностью, что затрудняло знакомство съ ними; тотъ же недостатокъ имѣла и богатая коллекція князя Путятина. Коллекція константинопольской коммиссіи, состоявшая въ большинствѣ

изъ разнаго рода снимковъ, фотографій и проч. отличалась особеннымъ обиліемъ и интересомъ. Остальное содержаніе выставки состояло изъ мелкихъ коллекцій разныхъ лицъ, представившихъ ихъ въ подкрѣпленіе къ своимъ рефератамъ.

ДВА СЛУЧАЯ ИЗЪ ВОРЬБЫ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ЕВРЕЯМИ ЗА АРЕНДУ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ евреи все болѣе и болѣе стали наводнять южно-русскую деревню и, конечно, жить на ея счетъ. Здѣсь они захватили въ свои руки торговлю и присосались къ самому корню крестьянскаго благосостоянія—къ землѣ. Послѣднюю еврей особенно полюбилъ и потому всемѣрно старается какъ можно цѣпче, прочнѣе прикрѣпиться къ крестьянской «кормилицѣ». Способъ-же для этого—аренда некрестьянскихъ земель, лежащихъ вблизи того села, гдѣ еврей ведетъ свою торговлю, гдѣ онъ отлично уже знаетъ каждаго обывателя, его семью, его нужду, его слабости, словомъ гдѣ онъ видитъ все насквозь. Чтобы заарендовать такую землю, еврей не стоитъ за цѣной, увѣренный заранѣе въ томъ, что всякая надбавка въ цѣнѣ будетъ вдвое и втрое оплачена нуждающимися въ землѣ крестьянами. Конкурренція съ евреемъ въ такихъ дѣлахъ не только для каждаго въ частности крестьянина, но и для цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ была физически невозможна и всегда почти и вездѣ оканчивалась въ пользу еврея. На сторонѣ его были наличный капиталъ, всегда готовый кредитъ, ловкость, изворотливость, знаніе законовъ и всякихъ формальностей, невѣдомыхъ обыкновенно крестьянамъ. Если въ аренду сдавались земли частныя, владѣльцы ихъ предпочитали еврея крестьянину, какъ болѣе состоятельнаго плательщика, могущаго притомъ быть полезнымъ имъ во многихъ другихъ хозяйственныхъ операціяхъ; при отдачѣ-же казенныхъ земель распорядители ихъ вовсе не имѣли побужденій и даже возможности поддерживать крестьянъ и, исполнивъ разныя формальности, считали свое дѣло законченнымъ.

Ни тѣмъ, ни другимъ дѣла не было до того, а инымъ въ голову не приходило, что еврей-съемщикъ чужой земли въ сущности не арендаторъ-земледѣлецъ, что система его аренды основана не на землѣ и земледѣльческихъ выгодахъ, а на эксплуатаціи че-

ловѣка и человѣческихъ отношеній, что еврей по двойной и тройной цѣнѣ отдаетъ по частямъ заарендованную землю тѣмъ-же крестьянамъ, у которыхъ отбилъ аренду, опутывая ихъ разнаго года обязательствами въ свою пользу, и что практикуемыя имъ при этомъ средства въ одной стороны усиливаютъ мѣру разоренія деревни, сокращаютъ процессъ обѣдненія ея, а съ другой—разжигаютъ ненависть къ нему-же, еврею, среди населенія, неспособнаго тѣмъ-же оружіемъ бороться съ нимъ.

Что оставалось дѣлать крестьянамъ, для которыхъ земля была единственнымъ источникомъ и содержанія и оплаты казенныхъ налоговъ и повинностей? Не будучи въ состояніи конкурировать съ евреями на торгахъ, при отдачѣ въ аренду казенныхъ земель, крестьяне хотя и знали, что казенныя земли безъ торговъ арендовать нельзя,—тѣмъ не менѣе были убѣждены, что начальство можетъ и должно оградить ихъ отъ еврейской эксплуатаціи въ этомъ дѣлѣ, измѣнивъ для этого законъ. Много жалобъ и просьбъ въ этомъ родѣ подавалось крестьянами, куда слѣдовало, пока онѣ достигли своей цѣли; о двухъ изъ нихъ мы хотимъ привести здѣсь архивную справку, рисующую недавнее положеніе нашего крестьянства на югѣ Россіи въ борьбѣ съ еврейскою эксплуатаціею.

2-го октября 1872 года повѣренные крестьянъ с. Калиновки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, подали новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ объясняли, что арендаторъ лежащей близъ ихъ села казенной земли, еврей Янкель Бромбергъ, «привелъ крестьянъ въ крайнее стѣсненіе». Крестьянская земля, писали они, постояннымъ употребленіемъ въ пахоть «пришла уже въ совершенное истощеніе», и крестьяне вынуждены снимать подъ посѣвы землю у Бромберга, а онъ назначаетъ плату весьма возвышенную и несоразмѣрную противъ арендной. Чтобы избавиться отъ этого, «наше общество, заключали просители, за лучшее почло обратиться къ правительственнымъ властямъ съ просьбою объ оставленіи той земли за нами, съ уплатою казнѣ суммы вдвое большей противъ платимой Бромбергомъ аренды, но съ тѣмъ, дабы помянутая земля оставлена была за обществомъ безъ торговъ»; если-же сдѣлать этого нельзя, то «покорнѣйше и усиленнѣйше» просимъ по крайней мѣрѣ назначить новые торги.

Нужно замѣтить, что въ участкѣ оброчной статьи, о которой хлопотали крестьяне, заключалось 1580 десятинъ земли, и Бромбергъ арендовалъ ее по 1 р. 17 к. за десятину, крестьяне-же предлагали по 2 р. 50 коп.

Получивъ упомянутое прошеніе, генералъ-губернаторъ (Коцебу) тотъ-часъ препроводилъ его къ министру государственныхъ имуществъ (Валуеву), замолвивъ и съ своей стороны слово въ пользу крестьянъ. Но въ министерствѣ взглянули на дѣло иначе и въ просьбѣ крестьянамъ отказали. Казенныя земли, отвѣчало министерство, по закону отдаются не иначе, какъ съ торговъ; кромѣ того оно подвело справку, что калиновцамъ отведенъ надѣлъ по 5,26 десятинъ на душу, тогда какъ норма надѣла въ александрійскомъ уѣздѣ въ 3½—4½ десятинъ на душу, и пришло къ заключенію, что калиновскіе крестьяне не могутъ нуждаться въ землѣ. Хотя срокъ аренды Бромберга, писало въ заключеніе министерство, кончается въ 1874 г., и можно-бы назначить тогда торги; но статья должна быть оставлена за Бромбергомъ вновь на 12 лѣтъ, такъ какъ онъ устроилъ на землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, что по контракту даетъ ему право оставить статью за собою.

Отвѣтъ этотъ, для объявленія крестьянамъ, генералъ-губернаторъ Коцебу препроводилъ херсонскому губернатору Абазѣ. Между тѣмъ послѣдній не нашелъ возможнымъ покончить на томъ дѣло и 19 іюня 1873 г. за № 2899 писалъ генералъ-губернатору, что не смотря на отказъ министерства, онъ считаетъ своею обязанностью въ данномъ случаѣ помочь крестьянамъ избавиться отъ тяжелой зависимости Бромберга. Вотъ какъ мотивировалъ Абаза свое заступничество за крестьянъ. Душевые надѣлы въ 5,26 десятинъ не такъ значительны, чтобы, за обезпеченіемъ самыхъ насущныхъ потребностей крестьянина и уплатою лежащихъ на немъ повинностей, могли предоставить ему средство распространить свое хозяйство и улучшить свой бытъ. Поэтому крестьяне вездѣ, гдѣ только представляется возможность, снимаютъ земли у частныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ казенныхъ земель, платя за это высокія цѣны. Предоставленіе казенныхъ земель прежнимъ оброкосодержателямъ на дальнѣйшіе и притомъ продолжительные сроки обусловливается случаемъ, если оброкосодержатель устроитъ на арендуемой землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, и если предложенныя

имъ условія будутъ признаны выгодными. Правда, купецъ Бромбергъ, за которымъ предполагается оставить статью на 12 лѣтъ, съ платою по 3 р. 60 к. за десятину, оставляетъ въ пользу казны небольшой домъ съ загономъ, сараемъ, амбаромъ, клунею и молотилкою, оцѣненными въ 2500 р., въ томъ числѣ молотилка 600 р.; но если принять въ соображеніе, что постройки эти въ теченіи 12-ти лѣтъ прійдутъ въ ветхость, что молотилка вещь совершенно для казны ненужная и что стоимость всѣхъ построекъ (1900 руб., за исключеніемъ молотилки) почти покроется въ теченіи 12 лѣтъ разностью между платою, объявленною Бромбергомъ и предлагаемою крестьянами (послѣдніе уже давали по 3 р. 70 коп. за десятину), то предложенныя Бромбергомъ условія не могутъ быть признаны для казны выгодными, и съ большею вѣроятностью можно допустить, что при торгахъ была-бы достигнута цѣна гораздо выше объявленной Бромбергомъ, тѣмъ болѣе, что крестьяне селенія Калиновки, для которыхъ земля крайне необходима, не допустили-бы искуственнаго установленія цѣнъ, что, какъ извѣстно, на торгахъ бываетъ.

Назначеніе при такихъ обстоятельствахъ торговъ не нарушило-бы, даже по буквѣ, обязательства казны предъ арендаторомъ, обусловленнаго признаніемъ со стороны министерства предложенія его выгоднымъ.

Имѣя въ виду все это и необходимость дать калиновскимъ крестьянамъ возможность выйти изъ разорительной для нихъ зависимости отъ оброкосодержателя Бромберга, я, заключалъ губернаторъ, позволяю себѣ возобновить ходатайство мое въ пользу сихъ крестьянъ, покорнѣйше прося ваше превосходительство поддержать и съ своей стороны ходатайство это предъ министерствомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Абаза представилъ просьбу крестьянъ другаго села—Покровскаго, одинаковаго характера съ просьбою калиновцевъ, и просилъ дать и ей законный ходъ.

По обѣимъ просьбамъ г.-г. Коцебу не замедлилъ снестись съ министромъ государственныхъ имуществъ.

Послѣ отказа въ просьбѣ калиновцевъ, писалъ Коцебу министру, «я не считалъ-бы себя вправѣ вновь возвращаться къ этому вопросу, если-бы не былъ къ тому побуждаемъ необходимостью ограждать поселянъ по мѣрѣ имѣющихся во власти правительства спосо-

бовъ отъ безпощадной эксплуатаціи, которой они нынѣ подвергаются со стороны евреевъ—арендаторовъ.

Не только калиновскіе, но и многіе другіе крестьяне неоднократно обращались къ генералъ-губернатору съ жалобами на евреевъ арендаторовъ земель, требующихъ съ нихъ плату за пахатную землю почти вдвое противъ платимой ими въ казну. Калиновскіе и другіе крестьяне хотя и надѣлены по 5 и болѣе десятинъ на душу, но, съ возрастаніемъ населенія и съ развитіемъ ихъ хозяйства, этотъ надѣлъ оказывается недостаточнымъ, и потому большая часть ихъ по необходимости арендуетъ сосѣднія казенныя или частныя земли. Видя подобное положеніе крестьянъ, евреи перехватываютъ въ аренду съ торговъ казенные участки и отдаютъ ихъ потомъ поселянамъ по возвышенной цѣнѣ, крайне для нихъ обременительной. Сами-же поселяне, за весьма рѣдкими исключеніями, не могутъ конкурировать съ евреями на торгахъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что евреи возвышаютъ цѣны до чрезвычайной степени—въ расчетѣ, что такъ или иначе они выручатъ ихъ потомъ съ поселянъ, которымъ земли эти необходимы».

Въ виду изложеннаго генералъ-губернаторъ вновь просилъ или отдать оброчную калиновскую статью безъ торговъ крестьянамъ, или-же въ крайнемъ случаѣ назначить на нее торги, но не отдавать безъ оныхъ Бромбергу.

Другая представленная въ министерство ген. губ. Коцебу просьба представляла слѣдующее дѣло. Близъ села Покровскаго находилось казенной земли 756 десятинъ, которую арендовалъ купецъ Хаимъ Слободской съ платою по 84 коп. за десятину въ годъ. Въ контрактѣ, заключенномъ имъ съ казною, было также оговорено, что если онъ устроитъ на означенной землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, то земля эта можетъ быть предоставлена ему на дальнѣйшій 12-ти лѣтній срокъ.

Слободской дѣйствительно сдѣлалъ нѣкоторыя постройки и, опираясь на букву контракта, желалъ оставить статью за собою безъ торговъ на новый срокъ, съ платою по 2 р. 48 к. за десятину. На это уже согласилось мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ; но крестьяне села Покровскаго просили оставить ту статью за ними, съ платою по 2 р. 60 коп. отъ десятины.

По собраннымъ губернаторомъ Абазою справкамъ оказалось, что покровскіе крестьяне арендовали землю у Слободскаго на слѣдующихъ условіяхъ: они должны были вспахать, посѣять, снять, сложить и свезти третью часть урожая Слободскому и, кромѣ того, за каждую десятину вспахать для него по 3 сажени. По цѣнѣ всей работы крестьянъ и по стоимости затрачиваемаго зерна выходило, что они платили Слободскому за десятину *minimum* 7 р. 50 коп.!

Конечно, Коцебу имѣлъ полное право назвать такой способъ аренды безпощаднымъ, жидовскимъ. И вотъ, чтобы пособить крестьянамъ, онъ проситъ назначить торги и отрицаетъ право Слободскаго оставить статью за собою безъ торговъ, такъ какъ постройки его, какъ малоцѣнныя (на 226 р. 80 к.), не могли быть приняты въ расчетъ, да къ тому-же они и не соотвѣтствовали тѣмъ хозяйственнымъ и промышленнымъ заведеніямъ, возведеніе которыхъ давало-бы ему право, по смыслу контракта, оставлять статью за собою безъ торговъ.

Въ концѣ 1873 года отъ министерства получено было распоряженіе о назначеніи торговъ на калиновскую и покровскую статьи, и обѣ они остались за крестьянскими обществами. Но мы видѣли, что крестьяне могли добиться этого результата только благодаря дружному и энергичному заступничеству за интересы ихъ такихъ сильныхъ лицъ, какъ губернаторъ и генералъ-губернаторъ, видѣли также, что даже само министерство тормозило это дѣло... Къ счастью подобные случаи не мыслимы теперь, когда, наоборотъ, то-же министерство заявило, что казенныя земли, служа однимъ изъ источниковъ государственнаго дохода, должны составлять вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ средствъ къ увеличенію земледѣльческой производительности страны и доставлять возможность устройства или расширенія своего хозяйства лицамъ, имѣющимъ недостаточное количество земли [1]).

С—ъ.

---

[1]) Циркуляръ министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря Островскаго, отъ 20 іюля 1881 г., о порядкѣ отдачи въ аренду оброчныхъ статей.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДОМИКѢ КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ Г. ПОЛТАВѢ.

Въ статьѣ: «Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» за май мѣсяцъ 1883 года (стр. 146—154), авторъ ея, В. Горленко, въ заключеніи своей статьи, по поводу разсказа С. П. Катранова о томъ, что «домикъ Котляревскаго, далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятыя руки, и теперь еще существуетъ»,—говоритъ о немъ слѣдующее: «этотъ восхитительный lapsus linguae теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, а на мѣстѣ его стоитъ полипивная уродливой новой постройки».

Сообщеніе г. Горленка въ свою очередь невѣрно: очевидно, онъ довѣрился кому-либо изъ мѣстныхъ разсказчиковъ и передаетъ чужое, столько-же невѣрное, сколько и голословное извѣстіе. Смѣемъ увѣрить г. Горленка, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находился прежде и находится въ настоящее время домикъ Котляревскаго, никогда пивной не было и быть не могло, что видно изъ нижеслѣдующей краткой исторіи этого домика.

Домикъ этотъ, какъ извѣстно, находится за соборомъ, надъ самымъ обрывомъ, идущимъ на Подолъ, противъ такъ называемаго *раската* и существовавшей во время полтавской битвы крѣпости. Во времена Петра I онъ принадлежалъ купцу Панченку, потомъ г-жѣ Куровой, отъ которой достался дѣду Котляревскаго. Въ этомъ домѣ Котляревскій родился (29 августа 1769 года) и тамъ-же умеръ (29 октября 1838 года [1]). Такъ какъ Котляревскій не имѣлъ особенно близкихъ родственниковъ, то, по духовному завѣщанію, самый домъ перешелъ въ руки его экономки, вдовы унтеръ-офицера Веклевичевой. Послѣ ея смерти, онъ отдавался подъ постой, и въ немъ помѣщалась часть солдатъ мѣстной гарнизонной команды. Въ настоящее время домикъ Котляревскаго, нѣсколько разъ уже перепроданный, принадлежитъ отставному подполковнику Алексѣю Кузнецову, купленъ имъ въ августѣ 1880 года у жены губер. секретаря Авдотьи Михайловны Салимовской и совершенно передѣланъ въ 1881 году. Домикъ, гдѣ жилъ Котляревскій, заключалъ въ себѣ

---

[1]) «Воскресный Досугъ» 1869 года, № 313, стр. 796.

пять комнатъ съ кухней. На *сволокѣ* этого дома и доселѣ сохранилась надпись, вырѣзанная церковными буквами: «Создася домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, 1705 року, 30 августа».

Сообщ. **В. Е. Бучневичъ.**

ЛЯМЕНТАЦІЯ КІЕВО-БРАТСКИХЪ МОНАХОВЪ КОНЦА XVII В.

Въ рукописныхъ сборникахъ нашихъ прежняго времени нерѣдко можно встрѣтить то краткія замѣтки, то болѣе или менѣе пространныя изложенія мыслей и чувствъ по поводу какого либо общественнаго или частнаго дѣйствія или порока. Замѣтки такого рода писались въ прозѣ и въ стихахъ и не всегда въ видѣ сатиры для общаго употребленія; иногда онѣ писались какъ-бы для памяти, являлись, какъ потребность философствующаго ума или-же лирическаго излія́нія. Замѣтки краткія можно находить на поляхъ и обложкахъ книгъ, не только домашнихъ, но и церковныхъ, на оборотѣ вклеекъ и на отдѣльныхъ листахъ, закладываемыхъ въ книгу. Въ нихъ сказался всегда наблюдательная мысль, возбужденное такъ или иначе чувство и не рѣдко отмѣчаются то крупныя общественныя, то мелкіе факты частной жизни, характеризующіе нравы и обычаи извѣстнаго времени и извѣстной среды. Случайно оброненныя на поляхъ и обложкахъ книгъ замѣтки бываютъ подъ часъ цѣннѣе самыхъ книгъ. Много интересныхъ замѣтокъ, иногда въ двѣ-три строки, находили мы на книгахъ библіотеки кіево-печерской лавры.

Къ числу такихъ замѣтокъ относится и та, произвольное заглавіе которой мы привели въ началѣ. Это не жалоба, не памфлетъ или сатира, предназначенная для обращенія въ публикѣ; это такъ сказать замѣтка про себя, или скорбное излія́ніе наболѣвшей души. На языкѣ современномъ трудно даже прибрать для нея подходящее названіе, и мы по необходимости прибѣгли къ тому термину, который часто употреблялся въ южно-русскомъ книжномъ языкѣ прежняго времени именно въ смыслѣ излія́нія душевной скорби.

Цѣнная въ историческомъ отношеніи, эта замѣтка, какъ видно изъ ея содержанія, писана кѣмъ-то изъ монаховъ кіево-братскаго монастыря, а тогдашніе монахи были по большей части учителями кіево-могилянской коллегіи. Она найдена нами въ обрывкахъ бумагъ архива кіевской консисторіи, на отдѣльномъ листѣ, въ видѣ черновика. Замѣтка имѣетъ очень опредѣленное содержаніе, по которому легко угадать приблизительно время ея составленія. Въ ней упоминается о разореніи полковникомъ польской службы Пивомъ имѣнія кіевской коллегіи Новоселокъ, а это имѣло мѣсто въ 1671 г. (Памятники кіевской коммиссіи, т. II, стр. 268) и падаетъ на послѣдніе годы ректорства въ коллегіи и настоятельства въ кіево-братскомъ монастырѣ архимандрита Варлаама Ясинскаго, впослѣдствіи кіевскаго

митрополита. Замѣтка рисуетъ непригляднoе состояніе, преимущественно въ матеріальномъ отношеніи, и коллегіи, и монастыря и составляетъ какъ-бы обвинительный актъ противъ ректора и вмѣстѣ архимандрита. Обвиненіе изложено по пунктамъ, а ему предшествуетъ общее патетическое выраженіе скорби и плача, хоть тѣмъ-же духомъ проникнуты и нѣкоторые отдѣльные пункты. Къ сожалѣнію, замѣтка не уцѣлѣла вполнѣ и обрывается на 18-мъ пунктѣ. Конечно, замѣтка была читана въ тѣсномъ кружкѣ братіи. Быть можетъ, она была потомъ оформлена и получила дѣловое назначеніе и, если это случилось спустя годъ или болѣе послѣ упоминаемаго въ ней разоренія Новоселокъ, то не въ этомъ-ли лежитъ разгадка того, что Варлаамъ Ясинскій въ 1673 г. отказался отъ ректорства и настоятельства и избралъ скромное положеніе проповѣдника въ кіево-печерской лаврѣ [1]? Насколько Варлаамъ Ясинскій былъ виновенъ въ тѣхъ непорядкахъ, какіе изложены въ замѣткѣ, судить объ этомъ трудно. Извѣстны труды его по возстановленію коллегіи, разрушенной въ 1665 г., извѣстно его окружное посланіе, которыхъ онъ призывалъ всю страну поддержать матеріальное существованіе дорогого училища послѣ того, какъ главный источникъ его содержанія—м. Новоселки было разорено полковникомъ Пивомъ [2]. Но самое это разореніе, вѣрно или не вѣрно, пунктомъ 7-мъ предлагаемой замѣтки ставится въ вину непредусмотрительности ректора-архимандрита. Въ то страшное время, окрещенное именемъ Великой Руины, трудно было разобрать, кто правъ, кто виновать; страна была возмущена и поколеблена въ самыхъ основахъ своихъ, возставали братъ на брата, отецъ на сына, сосѣди разжигали страсти, ловили рыбу въ мутной водѣ. Шла ожесточенная борьба изъ-за митрополіи, было два и три митрополита, и Кіевъ все таки въ это время и долго спустя не имѣлъ главы въ дѣлахъ церковныхъ. Не въ силахъ Ясинскаго было управить утлую ладью кіево-могилянской коллегіи среди бушевавшихъ вокругъ волнъ политической и церковной бури. Приводимая ламентація, давая фактическія данныя о бѣдственномъ состояніи коллегіи и братства того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ намъ тогдашняго ректора Варлаама Ясинскаго совсѣмъ не такимъ, какимъ представляютъ намъ его историки кіевской академіи.

Ламентація написана на польскомъ языкѣ съ примѣсью фразъ латинскихъ; мы приводимъ ее въ русскомъ переводѣ. Извѣстно преобладаніе въ то время польскаго языка въ школѣ и жизни на всемъ пространствѣ южно-русскихъ областей; полонизмы и латынь мало оставляли мѣста рѣчи родной.

«Кажется что сама земля ваша, камни нашего монастыря готовы возвать съ однимъ польскимъ поэтомъ: говорить или молчать? Но пусть молчатъ камни и земля, чтобы не явились они предъ Богомъ

[1]) См. Описаніе кіево-софійскаго собора митр. Евгенія, стр. 268.

[2]) Кіевъ съ его древ. уч., Аскоченскаго, ч. I, стр. 202.

человѣчнѣе насъ. Заговорим мы кровавыми слезами, чтобы небо не сказало намъ: псы безгласные, что-же вы молчите? Говорим по этому, или лучше наша скорбь тяжкая говоритъ за насъ».

ПУНКТЫ:

1) Даютъ отцу ректору деньги на молебны и сорокоусты, но ни молебновъ, ни сорокоустовъ не бываетъ. Будетъ-ли Богъ благословлять за то монастырь нашъ?

2) Подначальная братія не имѣетъ добраго примѣра.

3) Вымышляетъ (ректоръ-настоятель) крайнее убожество и говоритъ: потому я умалчиваю о деньгахъ, чтобы люди давали жертвы на монастырь. А деньги, какъ во всякомъ общежитномъ монастырѣ, должны-бы быть въ *палатѣ;* но ихъ тамъ нѣтъ и братія не имѣетъ необходимыхъ на время зимы шубъ или кожуховъ, а есть такіе, что и сапогъ не имѣютъ.

4) Въ школахъ порядка, да и науки мало, а это потому, что забнетъ Паллада безъ вина (friget sine cerere Pallas), какъ читаемъ въ письмѣ его милости отца Архипастыря [1]). Порціи [2]) учителямъ для ихъ подкрѣпленія нѣтъ, столъ часто бываетъ плохой (trapeza blaba), учителя не имѣютъ самаго необходимаго, а это возбуждаетъ въ нихъ болѣе скорбь, нежели рвеніе къ наукѣ.

5) Нѣкоторые изъ братіи, глядя на старшаго, не часто обиваютъ церковные пороги, а все это дѣлается за отсутствіемъ порядка, который есть душа всего.

6) Въ общинахъ соборы бываютъ, а у насъ ихъ нѣтъ. Но и короли имѣютъ своихъ совѣтниковъ.

7) Что Новоселки погибли, не удивляйся: ибо отецъ ректоръ, разгнѣвавшись и удаливши хорошаго намѣстника, который хорошо обходился съ нашимъ Пивомъ, послалъ въ Новоселки на городничество какого-то забіяку съ другими, которые, въ пьяномъ видѣ гоняясь по полю съ ружьями, вызывали на войну людей Пива, а по ихъ примѣру и ихъ «подданные» однажды тѣхъ побили.

---

[1]) Вѣроятно Лазаря Барановича, управлявшаго тогда кіевскою митрополіею.

[2]) Конечно водочной, давать которую въ трапезѣ было общихъ обычаемъ въ монастыряхъ.

8) Братія на общей радѣ совѣтовала оставить разоренные Новоселки до наступленія покоя, но онъ (т. е. ректоръ), какъ всегда, отвергая совѣты другихъ, возстановлялъ ихъ точно въ огнѣ (въ самый разгаръ войны), и не удивительно, что во время этой реставраціи погибли и подданные и волы.

9) Тамъ въ Новоселкахъ устроилъ онъ какое-то *заточеніе* и разсердившись на монаховъ, туда ихъ посылалъ. Такъ, въ гнѣвѣ послалъ онъ туда діакона, а намѣстника и другаго священника посылалъ по какимъ-то погребамъ, и они тамъ убиты [1]).

10) Родственники его продажею питей и скупщинами владѣютъ.

11) Студенты и родственники что либо утратятъ,—ничего; пусть же чернецъ утратитъ, готовъ камнями его побить.

12) Студентовъ монастырскимъ коштомъ въ Польшу отправляетъ (для высшаго образованія?), а о тѣхъ, что трудятся (учителяхъ), забываетъ; между тѣмъ философы говорятъ, что прежде о себѣ надо заботиться, чѣмъ о чужомъ (prius est ad se, quam ad aliud) и, конечно, иной и здѣсь научился-бы, если-бы учителя были поощряемы.

13) Богослуженіе, а за тѣмъ и обѣдъ бываютъ иногда подъ вечеръ, а это никакъ не можетъ согласоваться съ порядками школы.

14) Митра Могилы заложена еще въ то время, когда Новоселки не были разорены; но братскій монастырь не покупалъ въ то время хлѣба, какъ прочіе монастыри.

15) Медомъ пинкуютъ въ самомъ монастырѣ и сюда приходятъ пить мірскіе люди обоего пола.

16) Колодезь среди монастыря, и къ нему по воду также ходитъ разный полъ.

17) Міряне рядятъ всѣмъ въ монастырѣ, а хорошо-бы то дѣлать, не мѣшая праведнаго съ грѣшнымъ.

18) Которые учились, тѣхъ хочетъ искоренить въ братствѣ, а хочетъ двѣ szkolty (?).

---

[1]) Не это-ли были намѣстникъ Мелетій Николаевичъ, іером. Иннокентій Мужиловскій и іерод. Лазарь, которые убиты за Бѣлогородкой и надъ которыми Исаевскій говорилъ проповѣдь?—Кіевъ съ его др. уч., ч. I, стр. 262.

Записей для прихода и расхода, которыя ведутся въ другихъ монастыряхъ, мы никогда не видали. За прошлый годъ считалось двѣ тысячи (?), но никакого регистрика на тѣ деньги не было. *Права* (грамоты, универсалы, купчія и пр.), которые тщательно сберегали многіе ректора, въ его управленіе...

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВѢДѢНІЕ О БЫВШИХЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ КОЗАКАХЪ [*]).

Спецификація полку гадяцкаго сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пирятинского сотника, коликое число, по указу его императорскаго величества, посылано въ первый канальный ладожскій походъ на роботу козаковъ самихъ господарей, сколко наемныхъ и въ этомъ походѣ сколко и хто и въ которыхъ мѣстахъ на пути и при работѣ волею Божею померло, а сколько по отпуску въ домы своя пришло, о томъ ниже сего значитъ.

Року 1721 въ мѣсяцѣ февралѣ 3 дня въ походъ ладозкый выходило всѣхъ козаковъ сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пирятинского господарей и наемныхъ 122

Туда вдучи, всѣ въ цѣлости дойшли на каналъ, ни единъ зъ нихъ не умеръ, а дошедши на означонное мѣстце, на самой работѣ въ сей сотнѣ полковой гадяцкой померло самыхъ господарей на мѣстцу . . 25

Той-же сотнѣ, повернувшися ку домамъ, померло на пути самыхъ господарей 10

Повернувшихся къ домахъ той-же сотнѣ козаковъ самыхъ наемныхъ на пути померло 11

Той-же сотнѣ полковой гадяцкой господарѣ саміе за мертвыхъ . . . . . .

Оставшіеся на пути болніе. 6

и того 52

---

*) См. «Кіевская Старина», 1884 г., майск. кн., стр. 117—122. «Объясненіе полковника Черняка о работахъ козаковъ на ладожскомъ каналѣ».

Сотникъ полковой гадяцкій Иванъ Пѣрятинскій.

Спецыфикація полку гадяцкого сотни полковой гадяцкой Ивана Пѣрятинского сотника, коликое число по указу его императорскаю высочества послано было другого походу въ Ладогу до каналной работы козаковъ самыхъ господарей, а сколко наемныхъ козаковъ и въ томъ походѣ сколко и хто въ которыхъ мѣстцахъ на пути и при работѣ волею Божіею померло, а сколко по отпуску въ домы свои пришло, въ томъ нижей значитъ.

Въ року 1722 вийшло было козаковъ въ походъ ладозскій зо всей сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пѣрятинского господарей зъ наемными 129

На работѣ умерло господарей 10
— — — наемныхъ 4
На пути умерло господарей 4
— — — наемныхъ 7
За болѣзнью на пути осталось господарей 3
— — — — наемныхъ 2

30

1-й походъ 1721 февраля 3 дня, послано было козаковъ господарей и наемныхъ 82

Умерло при канальной работѣ господарей 6
— — — — наемныхъ. 1
На обратномъ пути умерло господарей 11
— — — — наемныхъ 11
На пути безвѣстно где дѣлись господари 3

32

2-й походъ 1722 г. февраля 15 дня. Всего господарей и наемныхъ отправилось 148

На пути до канала умерло господарей 2
— — — — наемныхъ 1
При работѣ умерло господарей 19
— — — наемныхъ 9
На обратномъ пути умерло господарей 2

— — — — наемныхъ 3
Безвѣстно пропавшихъ господарей. 2

38

Сотня опошанская.

Въ 1-й походъ всѣхъ вышло 232
На пути умерло господарей 2
На работѣ умерло господарей 26
— — — наемныхъ 5
На обратномъ пути господарей. 14
— — — наемныхъ 7
За болѣзнію осталось на пути господарей. 6
— — — — — наемныхъ 6

62

2-я сотня сотника Василія Селецкаго.

2-й походъ всѣхъ вышло 266.
На пути безвѣстно пропавшихъ наемныхъ. 1
На работѣ умерло господарей 16
— — — наемныхъ 12
На обратномъ пути умерло господарей 2
— — — — наемныхъ. 8
За болѣзнію осталось въ дорогѣ господарей 11
— — — — — наемныхъ 9

59

1 я сотня зенковская.

Въ 1-й походъ ладожскій вышло 90.
На пути умерло наемныхъ 1
На работѣ умерло господарей 20
На пути умерло господарей. 12
— — — наемныхъ. 2

35

Во 2-й походъ всѣхъ вышло 79.
На работѣ умерло господарей 9
— — — наемныхъ 15

На возвратномъ пути умерло господарей 2
— — — — наемныхъ 2
За болѣзнію на пути осталось наемныхъ 1
29

2-я сотня зенковская.

Въ 1-й ладожскій походъ вышло 137.
Умерло на работѣ господарей 24
— — — наемныхъ 10
На пути умершихъ господарей 13
— — — наемныхъ 8
Безвѣстно пропавшихъ на пути господарей 2
57

Во 2-й походъ вышло 172.
Умершихъ на работѣ господарей 18
— — — наемныхъ 8
На пути умерло господарей 20
— — — наемныхъ 1
Больныхъ на пути осталось господарей 3
50

Сотня рашавская.

Въ 1-й походъ вышло 20, а возвратилось 13.
Во 1-й — — 35 — — 30.

Сотня груньская.

Въ 1-й походъ вышло 105, а возвратилось 79.
Во 2-й — — 111 — — 91.

Веприцкая сотня.

Въ 1-й походъ вышло 32, а возвратилось 25.
Во 2-й — — 39 — — 31.

Сотня куземинская.

Въ 1-й походъ вышло 98, а возвратилось 54.
Во 2-й — — 68 — — 52.

Сотня лютенская.

Въ 1-й походъ выпло 70, а возвратилось 42.
Во 2-й — — 107 — — 86.

Сотня коваленовская.

Въ 1-й походъ выпло 100, а возвратилось 67.
Во 2-й — — 100 — — 85.

Сотня ноишанская.

Въ 1-й походъ выпло 96, а возвратилось 72.
Во 2-2 — — 146 — — 99.

Сообщ. **Дм. Багалѣй.**

РАСПРОДАЖА ВЪ ВИШНЕВЕЦКОМЪ ЗАМКѢ.

(Корреспонденція «Кіевской Старины»).

Назначенная на 11 сентября распродажа древностей Вишневецкаго замка была остановлена неисполненіемъ какихъ-то формальностей и началась только 13-го. Пріѣхавши въ Вишневецъ на другой день, я засталъ ее еще въ самомъ началѣ.

Мѣстечко Вишневецъ находится въ 20 верстахъ отъ Кременца и въ 40 отъ послѣдней къ Радзивилову станціи юго-западной желѣзной дороги Рудни. Дорога къ нему чрезъ живописный Кременецъ. Почаевъ лежитъ отсюда верстъ на 20 въ сторонѣ.

Вишневецкій замокъ стоитъ на возвышенности. Одною стороною онъ потонулъ въ зелени парка, а съ другой закрытъ развалинами католическаго монастыря, стоящими близъ него. Мѣстечко расположено внизу и по склонамъ возвышенности.

Зданіе замка носитъ чисто царственный характеръ. Выстроенное въ 2½ этажа покоемъ, оно занимаетъ сплошь одну сторону двора и часть двухъ другихъ. Противъ фасада замка, по другую сторону, дворъ окаймленъ одноэтажнымъ хозяйственнымъ корпусомъ. Вкопанныя въ земли мортиры и пушки окружаютъ дворъ. Фронтонъ сѣрой громады замка украшенъ гербомъ. Шумъ деревьевъ парка одинъ нарушаетъ тишину и покой обширнаго зеленаго двора.

Дворецъ построенъ во вкусѣ новаго Лувра и Версаля. Его изящныя, строгія линіи напоминаютъ планы законодателя архитектурнаго вкуса начала XVIII вѣка Мансара; онъ выстроенъ послѣднимъ изъ князей Вишневецкихъ Михаиломъ Серваціемъ въ 1720 г. на мѣстѣ стараго замка, сожженнаго татарами въ концѣ XVII столѣтія. Этотъ князь былъ самъ хорошій архитекторъ и по собственному плану строилъ свой замокъ, также какъ и нѣсколько другихъ, воздвигнутыхъ имъ на Волыни.

По другую сторону замка, выходящую въ садъ, лежитъ терраса, кончающаяся обрывомъ и укрѣпленная контрфорсами. Внизу ея—массы зелени нижняго сада, среди котораго пріютилась маленькая деревянная церковь. Въ просвѣты видны дома обширнаго мѣстечка, длинная усаженная деревьями плотина, рѣка Горынь, извивающаяся узкой лентой, и холмы противуположной стороны, покрытые уходящими за горизонтъ лѣсами. Въ паркѣ—вѣковые липы и дубы, каштановыя чащи, купы елей, стройныя аллеи тополей, все заглохшее и заросшее и сливающееся съ безконечнымъ лѣсомъ. Зелень деревьевъ поникла подъ мелкимъ, «какъ сквозь сито», дождемъ. На всемъ умирающія краски осени. Только высокія чайныя розы на террасѣ храбро борятся съ наступающимъ холодомъ и бодро повернули къ свѣту головки своихъ очаровательныхъ, крупныхъ цвѣтковъ.

Первая комната при входѣ въ замокъ—сѣни колоссальной вышины. Стѣны ихъ покрыты сплошь маленькими изразцами съ синими рисунками по бѣлому фону. Анфилады залъ и комнатъ нижняго и верхняго этажа тянутся по обѣимъ сторонамъ.

Внутри дворецъ носитъ нежилой видъ. Послѣдніе годы онъ былъ необитаемъ, а нѣкоторое опустѣніе его объясняется его исторіей. Въ прежнемъ видѣ можно было видѣть замокъ въ концѣ 50-хъ годовъ, когда онъ принадлежалъ Мнишкамъ. Въ это время два брата Мнишки раздѣлились имѣніями, и одинъ изъ нихъ, живущій и теперь въ Парижѣ, вывезъ изъ Вишневца массу произведеній искусствъ. Тамъ были мраморы и бронзы, старинный, драгоцѣнный фарфоръ, серебряные и золотые сервизы и, что безконечно цѣннѣе, произведенія высокаго искусства: картины кисти Гольбейна, Ванъ-Дика, Рембрандта и 2000 томовъ библіотеки.

Мнишекъ былъ тонкій знатокъ и самъ рисовалъ прекрасно, судя по копіямъ его съ Верне—старшаго, сохранившимся въ замкѣ. Онъ выбралъ вещи умѣло. Слѣдующая владѣлица Вишневца, княгиня Абамелекъ вывезла также не мало, продавая имѣніе графу Платеру. Отъ него, лѣтъ семь назадъ, Вишневецъ перешелъ къ нынѣшнему владѣльцу г. Толли.

Несмотря на разсказанную исторію, замокъ былъ на столько переполненъ предметами искусства, что не мало ихъ осталось и до сихъ поръ. Много старинной, художественной мебели, представляющей такой контрастъ съ современнымъ безвкусіемъ и шаблонностью, не мало интересной «утвари», и главное—обширныя собранія фамильныхъ портретовъ, къ которымъ остались равнодушны всѣ смѣнившіеся владѣльцы Вишневца.

Важнѣйшую часть ихъ, кромѣ уродливаго собранія портретовъ польскихъ королей и еще болѣе безобразной галлереи изображеній монаховъ какого-то монастыря, составляютъ портреты князей Вишневецкихъ и Мнишковъ. Галлерея Мнишковъ составилась разновременно и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ представляетъ копіи, часто очень плохія. Многія лица этой фамиліи были рисованы великими художниками, какъ Гольбейнъ и Ванъ-Дикъ, но эти портреты вывезены изъ Вишневца. Упоминаніе о нихъ сохранилось въ спискѣ предметовъ, вывезенныхъ Мнишкомъ. Къ этой-же коллекціи примыкаютъ портреты лицъ, трагическая судьба которыхъ сообщила такую громкую извѣстность фамиліи Мнишковъ: Марины, ея отца и матери и Самозванца, проживавшаго когда-то въ Вишневцѣ. Оригиналы этихъ портретовъ отданы г. Толли въ московскій музей наслѣдника Цесаревича. Изображенія, находящіяся теперь въ Вишневцѣ, суть копіи, но копіи современныя портретамъ. Въ «зеркальной залѣ Мнишковъ» сохранилась еще любопытная картина, изображающая вѣнчанье Марины и Самозванца.

На второмъ этажѣ замка, за королевскими комнатами, есть зала, лежащая въ самой срединѣ зданія. Изъ оконъ ея открывается далекій видъ на лѣса и паркъ, а одною изъ дверей она примыкаетъ къ библіотекѣ. Это зала князей Вишневецкихъ.

Стѣны залы увѣшаны портретами лицъ этой фамиліи. Всѣ портреты одинаковыхъ размѣра и формы (удлиненный овалъ) боль-

шая часть изображенныхъ лицъ писана въ ростъ. Всѣхъ портретовъ около 20.

Нельзя сказать съ достовѣрностью, которые изъ нихъ писаны съ натуры. Многіе носятъ отпечатокъ какъ-бы одной и той-же кисти и можетъ быть сдѣланы по заказу одного изъ князей Вишневецкихъ, по какимъ-нибудь исчезнувшимъ оригиналамъ. Но если-бы это было и такъ,—они не теряютъ своей исторической цѣнности, такъ какъ это единственныя сохранившіяся изображенія лицъ этого рода.

Здѣсь люди, носившіе всѣ титулы и почести: воеводы волынскіе, кіевскіе, послы въ Турцію, воины и полководцы, до короля включительно. Вотъ православный князь Дмитрій Вишневецкій, черкасскій и каневскій староста, строитель Сѣчи и «повелитель острововъ запорожскихъ». Онъ изображенъ такимъ-же юнымъ, какъ вѣчно юною будетъ въ народной пѣснѣ его память, память полумиѳическаго Байды, героя и мученика... Михаилъ, отецъ Іеремія, Константинъ, воевода русскій, совращенный проповѣдью іезуита Нагаюса и,—на ряду съ другими, но кого ищешь прежде всѣхъ,—«пышный» Іеремія. Знаменитый противникъ Хмельницкаго, талантливый и храбрый защитникъ неправаго дѣла, сынъ, проклятый матерью, неистовый мучитель возставшихъ хлоповъ, онъ смотритъ спокойно и гордо. Лицо его не носитъ слѣдовъ отличавшей его жестокости. Это человѣкъ принципа, безобразнаго шляхетскаго принципа, а не страсти. Рядомъ съ нимъ энергическая фигура нѣжно любимой имъ жены Грисельды, дочери Ѳомы Замойскаго. Изъ женскихъ портретовъ обращаетъ на себя еще вниманіе портретъ дочери австрійскаго императора Генріетты, бывшей въ замужествѣ за Вишневецкимъ. Наружность короля Михаила безцвѣтна, какъ и его царствованіе. Послѣдній изъ Вишневецкихъ, тоже Михаилъ, изображенъ въ нѣсколькихъ видахъ. Въ залѣ Вишневецкихъ два большихъ его портрета, но самый лучшій, носящій всѣ признаки письма съ натуры, виситъ въ другой залѣ.

Нѣсколько портретовъ и картинъ, имѣющихъ интересъ для южно-русской исторіи, встрѣтилось еще въ Вишневцѣ. Таковы портреты крымскаго хана Керимъ-Гирея и молдаванскаго господаря Іереміи Могилы (1593—1607), дяди Петра Могилы и отца матери Іереміи Вишневецкаго, Регины или Раины. Изъ картинъ отмѣтимъ

картину—планъ битвы подъ Хотиномъ и двѣ сцены изъ поѣздки Екатерины II по Днѣпру: встрѣча съ Франциемъ австрійскимъ и Станиславомъ-Августомъ и иллюминація Канева. Обѣ—оригиналы Перлиля.

Изъ предметовъ чисто художественнаго значенія въ Вишневцѣ осталась картина Пальмы—старшаго «Три граціи», сильно вытертая, и гдѣ живопись затмѣвается великолѣпной рѣзной рамой, и портретъ Станислава-Августа, работы венеціанской художницы Розальды, переселившейся въ Парижъ и соперничавшей съ «Латуромъ. Что касается до «Рубенса» (портретъ старика, висанный, якобы, съ Іоанна Скарги, во время пріѣзда художника въ Краковъ), то это то, что на техническомъ языкѣ любителей, называется чистѣйшей *croûte*.

Но истиннымъ перломъ вишневецкихъ коллекцій слѣдуетъ признать четыре фрески, названныя въ каталогѣ и объявленіи «китайскими картинами». Это,—скажемъ на ухо составителю каталога,—фрески въ китайской манерѣ Франсуа Буше, его Chinoiseries, сводившія съ ума XVIII вѣкъ. Двѣ изъ нихъ изображаютъ бытовыя сцены: семья китайцевъ у костра, китайскій концертъ, двѣ другія—птицъ домашнихъ, лѣсныхъ и тропическихъ. Необыкновенная изящность рисунка, ажурные переплеты блѣдной зелени, деревья и цвѣты, не встрѣчающіеся въ природѣ, но правдоподобные въ изысканныхъ краскахъ «живописца граціи», китайскія бесѣдки, сообщающія глубину картинамъ и все непередаваемое кокетство манеры—выдаютъ Буше. «Китай, фантастическая область, о которой грезилъ XVIII вѣкъ, былъ страною химеръ, въ которую Буше любилъ переноситься воображеніемъ. Онъ наслаждался своей мечтой, забывался въ ней и подъ кистью придворнаго живописца г-жи Помпадуръ, Китай превращался въ одинъ изъ уголковъ страны Рококо» [1]).

Изъ предметовъ, имѣющихъ спеціально польскій интересъ, есть въ замкѣ портретъ диктатора 1831 г. Хлопицкаго, работы Родаковскаго. Нѣсколько акварельныхъ видовъ Варшавы, пользующагося большой извѣстностью польскаго акварелиста Фогеля, обманули наши ожиданія.

---

[1]) Edm. de Goncourt. L'Art du XVIII siecle.

Библіотека и архивъ замка еще запечатаны и недоступны къ осмотру. Одна изъ залъ въ замкѣ называется залою Форгача. Въ ней умеръ венгерскій графъ Форгачъ, пользовавшійся гостепріимствомъ князей Вишневецкихъ. По завѣщанію его сюда перенесенъ изъ его венгерскаго замка его портретъ, каминъ съ стоявшимъ на немъ фарфоромъ и большая изразцовая печь.

Пробывъ въ Вишневцѣ всего два дня, я былъ свидѣтелемъ только начала распродажи. Вслѣдствіе выраженной г. Толли готовности уступить предметы, имѣющіе историческое значеніе, какому нибудь общественному кіевскому хранилищу, я предпринялъ поѣздку, чтобъ отмѣтить эти предметы. Указаны мною портреты и картины историческаго значенія, о которыхъ говорено выше.

Въ Вишневцѣ я засталъ нѣсколько антикваріевъ варшавскихъ и вѣнскихъ. Въ еврейской корчмѣ «у Хаима Чернаго», гдѣ мы всѣ ютились, по вечерамъ происходили бесѣды о стиляхъ и школахъ, не совсѣмъ обычныя для обиталища Хаима. При мнѣ куплена была какимъ-то польскимъ помѣщикомъ королевская мебель,—бронзы и часы антикваріями и шли переговоры о драгоцѣнныхъ стѣнныхъ вышивкахъ и картинахъ. Какой-то «знатокъ» изъ Кіева бережно упаковывалъ купленные предметы. Заглянувъ въ ящикъ, я увидѣлъ «портфель неизвѣстнаго гетмана» въ андреевской лентѣ (!) и «закалывающуюся Лукрецію», смотря на которую невольно приходило на умъ—отчего это закалывается она, а не написавшій ее художникъ?

В. Горленко.

КЪ ПОРТРЕТУ КИРИЛЛА ТЕРЛЕЦКАГО.

Въ генварской книгѣ нашего журнала за 1882 г. была помѣщена подробная статья о Терлецкомъ; здѣсь-же напомнимъ читателямъ лишь главнѣйшія біографическія его черты.

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ обѣднѣвшей отрасли нѣкогда знатнаго русско-шляхетскаго рода, имѣвшаго свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ въ Галиціи (с. Терло, Любоховъ и др.). Правдоподобно, родиной Терлецкаго можно считать пинскую область въ Полѣсьи, гдѣ онъ въ г. Пинскѣ первоначально

былъ священникомъ замковой церкви св. Димитрія, при чемъ, по свидѣтельству Іоанна Вишенскаго, былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги «только дьячка за собою волочилъ, которому кермашами пирожными заплату чинилъ». О предшествовавшемъ періодѣ жизни Терлецкаго, главное же о его образованіи не имѣется никакихъ свѣдѣній; то лишь достовѣрно извѣстно, что онъ не былъ обученъ латинскому языку, на которомъ исключительно преподавались науки въ тогдашнихъ школахъ. Въ всякомъ случаѣ онъ видимо былъ человѣкъ весьма способный и обладалъ кое-какими богословскими и юридическими познаніями, пріобрѣтенными путемъ начитанности. Что-же касается нравственной характеристики личности Терлецкаго, то наиболѣе выдающимися чертами его характера нужно признать: хитрость, изворотливость и склонность къ интригамъ и проискамъ: не даромъ тогдашній кіевскій митрополитъ Михаилъ Ратоза въ одномъ письмѣ даетъ ему мѣткое прозвище *«райскаго змія»* и *«коварной лисицы»*; кромѣ того, это былъ человѣкъ безмѣрно честолюбивый, злопамятный и мстительный до жестокости.

Въ 1572—73 гг. Терлецкій изъ протопопа прямо возводится въ санъ епископа пинскаго и туровскаго, при чемъ онъ получаетъ эту каѳедру не по избранію насомыхъ, какъ то бывало до того времени въ юго-западной Руси, а по назначенію со стороны «пановъ радъ», правившихъ тогда польскимъ государствомъ въ междуцарствіе послѣ смерти Сигизмунда-Августа и бѣгства изъ Польши короля Генриха. Но пинская архіерейская каѳедра была довольно бѣдна, и потому Терлецкій, при первой-же открывшейся возможности, выпросилъ себѣ (въ 1585 г.) у короля Стефана Баторія одну изъ самыхъ богатыхъ южно-русскихъ епархій, именно луцкую и острожскую. И въ Пинскѣ, и въ Луцкѣ Терлецкій ознаменовалъ свое управленіе преимущественно заботами о своихъ архіерейскихъ правахъ и неприкосновенности епископскихъ имѣній, разоренныхъ и даже нерѣдко отчужденныхъ его предшественниками. Для возстановленія своихъ владѣльческихъ правъ, Кириллъ Терлецкій велъ безпрестанныя судебныя тяжбы и кромѣ того весьма часто предпринималъ вооруженные наѣзды на имѣнія противниковъ, осаждалъ ихъ замки, разорялъ села, при чемъ нерѣдко лично предводительствовалъ своими гайдуками и дозволялъ имъ совершать разныя жестокости и насилія. Пользуясь богатыми доходами своей

епархіи, Кириллъ Терлецкій жилъ не какъ духовное лицо, а какъ жили магнаты того времени, въ полномъ довольствѣ и роскоши, держалъ въ епископскомъ замкѣ многочисленную толпу слугъ, имѣлъ собственныя пушки и отрядъ вооруженныхъ гайдуковъ, всегда готовыхъ на войну съ врагами своего владыки. Въ короткое время онъ скопилъ большія богатства, занималъ деньги знатнѣйшимъ сановникамъ, въ родѣ, напр., князя Константина Острожскаго, имѣлъ сильную протекцію при королевскомъ дворѣ и пользовался особеннымъ покровительствомъ самого короля Стефана Баторія. Всецѣло преданный мірскимъ благамъ, Терлецкій былъ совершенно равнодушенъ къ своему архипастырскому долгу, предавался излишествамъ богатаго пана и не считалъ нужнымъ сдерживать прихоти и увлеченія своей широкой натуры: современники обвиняли его въ цѣломъ рядѣ позорныхъ преступленій—невоздержаніи, чужеложствѣ, тайныхъ убійствахъ и отравахъ, а въ 1594 г. владыка публично, на судѣ, былъ обвиняемъ въ изнасилованіи крестьянской дѣвушки, хотя обвиненіе это признано было недоказаннымъ.

Когда въ польскихъ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ высшаго западно-русскаго духовенства созрѣла мысль о церковной уніи, Терлецкій немедленно примкнулъ къ уніятской партіи и повидимому былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ ея сторонниковъ. Онъ велъ тайные переговоры съ польскимъ правительствомъ и высшимъ католическимъ духовенствомъ объ условіяхъ введенія на Руси уніи и вмѣстѣ съ владимірскимъ владыкою Ипатіемъ Потѣемъ ѣздилъ въ 1595 г. въ Римъ къ папѣ (откуда вывезъ, между прочимъ, коллекцію картинъ соблазнительнаго содержанія). Но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Терлецкаго не видно и тѣни искренняго убѣжденія въ истинности уніи и пользѣ ея для западно-русской церкви, а проглядываютъ одни лишь своекорыстные расчеты о личныхъ выгодахъ, сопряженныхъ съ церковнымъ переворотомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что когда унія была наконецъ провозглашена на Брестскомъ соборѣ и оффиціально признана со стороны правительства, Терлецкій, равно какъ и другіе архіереи, принявшіе унію вмѣстѣ съ Рагозой и Потѣемъ и въ началѣ по видимому ревновавшіе о ней, скоро какъ-бы забыли о ея существованіи, не проявляли никакой заботливости объ ея упроченіи и спо-

войно проживали въ своихъ епархіяхъ, пользуясь церковными имѣніями, какія на всю ихъ жизнь обезпечилъ за ними король.

Всю остальную часть своей жизни Кириллъ Терлецкій провелъ, предаваясь прежнимъ излюбленнымъ занятіямъ: тяжбамъ, набѣгамъ на сосѣдскія имѣнія и заботамъ о личномъ обогащеніи. Онъ умеръ въ маѣ 1607 г. и былъ похороненъ въ луцкой соборной церкви св. Іоанна Богослова.

ПОПРАВКА И ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ въ «Запискахъ князя Б. И. Куракина», на стр. 127, въ строкѣ 5-й снизу напечатано: «А въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валантера на галерѣ Шаутбейнагта», при чемъ редактировавшимъ эти «Записки» покойнымъ профессоромъ Ф. А. Терновскимъ, рядомъ съ этимъ послѣднимъ словомъ въ скобкахъ поставлены съ вопросительнымъ знакомъ слова: *фамилія Шаубената?*

Считаемъ нужнымъ поэтому поводу сдѣлать необходимую поправку и объясненіе. Слово: *шаубенахтъ* означало чинъ младшаго морскаго генерала, соотвѣтствующій нынѣшнему чину контръ-адмирала. Чинъ шаубенахта взятъ былъ съ голландскаго флота, принятаго Петромъ В. въ образецъ. По голландски *Shaut bis nact* значитъ: *смотри ночью*; названіе это присвоено шаубенахту потому, что онъ всегда почти находился на передовомъ кораблѣ флота и долженъ былъ бдительно смотрѣть впередъ, особенно ночью. Петръ В. самъ нѣкъ этотъ чинъ, бывшій въ нашемъ флотѣ до начала царствованія Елисаветы Петровны.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу вновь вышедшія книги:

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в., съ пятью портретами. Изд. *А. М. Лазаревскій*. Кіевъ. 1884 г. Ц. 2 р.—Выписывающіе изъ редакціи «Кіевской Старины», за пересылку не платятъ.

Исторія южно-русской литературы въ XVII ст. Вып. I-й. Лазарь Барановичъ. *Н. Ѳ. Сумцова*. Харьковъ. 1884. Ц. 1 р. 50 к. — Продается въ книжныхъ магазинахъ «Вѣстника Европы» и «Новаго Времени», въ Петербургѣ и Хавкина и Ив. Куколевскаго въ Харьковѣ.

Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. *П. П. Петрова*. Кіевъ. 1884. Ц. 3 р., на пересылку за 2 ф. Складъ изданія у автора, проф. Н. П. Петрова (Кіевъ, Ильинская улица, *д.* № 4). Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. *М. Чистовича*. Ч. II-я. Спб. 1884 г.

Вышелъ № 8 (августъ) «Извѣстій Спб. Слав. благотвор. Общества». Подписка на «Извѣстія» принимается въ помѣщеніи Общества, площадь Александринскаго театра, № 7-й. Подписная цѣна на годъ за 12 кн. два руб. съ доставкой и пересылкой.

Учреждается въ Харьковѣ Общественная Библіотека по уставу, утвержденному Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 16 іюня с. г. Желающіе содѣйствовать этому учрежденію приглашаются свои пожертвованія деньгами и книжками адресовать на имя Бориса Ивановича Филонова. Харьковъ. Благовѣщенская ул., собств. д. № 15.

часу. Зъ Сѣвска віехавъ въ 9 часу, прибылъ до Товстодубовской почты въ часу 5-мъ пополуночи, а одтоль въ 8-мъ до Есмани.

4. Въ Есмани службы Божой выслушавъ и пообѣдавъ (где розышлось на розницю 12 к.), прибылъ до Глухова въ 1-мъ часу по полдни и тутъ заразъ пошолъ до двора ясневелможного, где засталъ еще при концу обѣда; тутъ же засталъ ихъ милостей: пана Павла Апостола, полковника миргородского (который недавно оженившись въ Смоленску на дочерѣ тамошнего шляхтича Никола Юрьевича Анделярта (Энгельгардта) именемъ Федорѣ, сюда въ сихъ дняхъ прибылъ), пана Петра Апостола, полковника лубенского зъ панею, пана Скоропадского, Богдана Івановича Пасека и прочіихъ многихъ; вручилъ ясневелможному 2 грамоты о присягахъ и о селѣтрѣ и партикулярныя писма, такожъ и другимъ, до которыхъ писма поотдавалъ. Вечеряли въ домѣ ясневелможного многіе, въ томъ числѣ и я. Тутъ же получилъ я вѣдомость, что сынъ мой Петръ преставился въ Стародубѣ прошлого генваря 18, болѣзнію на болячку подъ горломъ.

5. Рано былъ у господина генерала Нарышкина и вручилъ его превосходительству грамоты 2, о томъ же, что и гетману. Сегожъ числа писаны писма до архидіакона катедры кіевской и до отца-брата въ Козелецъ и посланъ чай одъ преосвященного іркутского; одправлены писма и до Славуя.

6. Былъ у господина Пасека, потомъ у полковника лубенского на Бѣлополовцѣ [152]) и у пана обозного генералного; вечеромъ— у пана Бороздны, судіи генералного. Сегожъ числа вручилъ писма господину Мякинину и господину полковнику Радищеву отдалъ чолки, отъ брата его Глѣба Прокофіевича, воеводы клинского, присланные.

7. При суплѣцѣ моей ясневелможному презентовалъ грамоту, данную мнѣ на Перегонъ для записания оной въ войск. енер. канцеляріи и для видачи мнѣ подлугъ оной унѣверсалу. Обѣдалъ у пана полковника лубенского. Розышлось 7 к.

8. Подалъ суплѣку на опредѣленіе мнѣ деревень удостоеныхъ о унѣверсалѣ, чтобъ владѣть ониими до полученія указу и подтверженія противъ посланного въ коллегію иностранную удостоенія.

---

[152]) Предмѣстье г. Глухова.

Въ Москвѣ за притупей лосиній 40 к., за перчатки 60 к., за тертушку мушкатовой галки 4 к.

9. Писалъ писмо до пана дядка въ Козелецъ за жителемъ кіевского полку села Борокъ Юскомъ Слѣпченкомъ. Отъ Москви до Глухова на двѣ почтовые лошадѣ розышлось 5 р. 46 к. Сего числа прибылъ панъ Ігнатъ Данченко зъ возками моими зъ Москви до Глухова. Панеи полковниковой лубенской дана жестянка табаку.

10. Зоставлена у ясневелможного книжка рукописная моя разговоровъ генерала Паткуля зъ министромъ Герцомъ въ царствіи мертвыхъ, а поручена въ диспозицію пана Скоропадского, чтобъ не завалилась. Отобралъ у пана Скоропадского дукатъ и облѣкгъ, а ему надлежитъ переслать реверсъ его. Былъ въ банѣ пана Федора Савича [164]). Розышлось 8 к.

11. Вручилъ господину генералу Нарышкину грамоту въ дѣлѣ моемъ о ранговой маетности и у господина генерала обѣдалъ. Писалъ писма до жены и до Стефана и одправилъ передомъ чрезъ Алексія при двоихъ саняхъ. Емужъ Алексію даны на дорогу 20 к. Асауленку, що когдась ратовалъ мене, 10 к. Розышлось еще 9 к.

12. Отобралъ унѣверсалъ на маетности зъ канцеляріи, виданный на Перегонъ зъ Дешковичами. Обѣдалъ у пана Якова Марковича зъ панею его и дѣтми [165]). На припряжи до саней и проч. пошло 8 к. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ братскій, былъ рано у мене въ квартерѣ. Писано писмо до господина Курбатова въ С. П. Бурхъ зъ обявленіемъ о женитбѣ пана полковника миргородского и зъ благодарствіемъ за показованную мнѣ тамъ милость и благодѣяніе. Левасоду даны 10 к. и платокъ.

13. Писаны писма въ С. П. Бурхъ до пана Павла Апостола, до пана Андрея Горленка, до Козми Якимовича Кричевця, зъ включеніемъ ему и писма до Петра Василєвича Курбатова; писаножъ до Каленика локая, зъ включеніемъ писма отъ Андрея Гудовича до сина его Александра, а всѣ подъ датою 6 числа сего мѣсяца. Писано въ Москву до Уріила, до Николая Павловича о доправленныхъ на Трусевичу 10 р. и до Якумопла, а тые писма одправлены на почтѣ чрезъ Ігната Данченка, въ Москву послан-

[164]) Сынъ генеральнаго писаря Семена Савича.

[165]) Авторъ »Дневныхъ Записокъ«.

ного. Емужъ писмо до графа Гавріла Владиславича належное вручено. Обѣдалъ я у ясневелможного и по обѣдѣ пожекгнавшись его ясневелможности и прочіимъ отклонившись, віехалъ зъ Глухова въ началѣ 5-го часа пополудни и прибылъ въ Новгородокъ

14, въ шестомъ часу пополуночи; тутъ засталъ я одного пана сотника толко. Тутъ же отданы 20 р. вдовѣ Новгородского, одъ сына еи отца Іова, съ С. П. Бурха присланные. Зъ Новгородка віехавъ въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, прибылъ до Гримячого въ полъ 5 часа, а одтоль до Перегону въ 8 часу пополдни и тутъ засталъ жену зъ синомъ Василкомъ.

15. Весь день прожилъ въ Перегонѣ и передъ обѣдомъ ездилъ для осмотреня построенного на Бѣлявицѣ млина, а по обѣдѣ былъ на футорѣ Василювцѣ. На пиво и медъ 9 к.

16. Одъ шинкаря чаусовского Ноздри отобралъ денегъ рублей 19 и ему въ оныхъ до парахупку далъ росписку.

17. Віехалъ зъ Перегону и обѣдалъ у пана Григорія Гамаліи въ Борщовѣ, где изъ поручникомъ інгермоландского полку Яковомъ Любимичомъ Полянскимъ позналіся. По обѣдѣ былъ въ банѣ и позно уже одтоль віехавши, прибылъ о полночи до Стародуба.

18. Подъ часъ обѣдень былъ у полковника и по службѣ у негожъ былъ, а обѣдалъ у пана тестя; у мене зась въ домѣ вечеряли панъ тесть и Романъ Яненко глуховскій [166]).

19. У мене были многіе, чего для весь день пробавилъ въ домѣ, толко вечеромъ былъ у полковника и подалъ листъ ясневелможного въ моемъ інтересѣ о ранговой маетности и о Куровѣ и Чубаровѣ.

20. Первый разъ заездилъ въ канцелярію новопостроенную и тутъ засталъ полковника зъ всею старшиною; одтоль былъ у капи-

[166]) Романъ Яненко — глуховской мѣщанинъ, который женившись на дочери Петра Демьяновича Уманца (сынъ глуховскаго протопопа и внукъ нѣжинскаго полковника Филиппа Уманца) и получивъ часть тестевскихъ земель около села Есмани, поселилъ здѣсь слободу (теперешнее село Яновка), и разбогатѣвъ, при Апостолѣ былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. У Яненка было двѣ дочери, изъ которыхъ одну, Прасковью, онъ выдалъ за Осипа Григоровича Туманскаго, а другую, Евфимію, за польскаго шляхтича Василія Романовскаго, который въ 1756 г. былъ »келеймейстеромъ гетманскаго двора«. Сынъ этого Романовскаго — Николай имѣлъ чинъ уже ротмистра; отъ отца онъ получилъ глуховское село Студенокъ (часть имѣній Петра Уманца), да женившись на дочери Кирилла Осиповича Закревскаго

тана надъ салдатами городъ содержащими команду имѣющого, потомъ у пана Стефана Ширая [167]). Матцѣ Аннушкиной даны 20 к.

21. Былъ въ канцеляріи, а первей у полковника; потомъ въ домѣ былъ у мене присланный отъ пана Андрея Миклашевского панъ Колленскій и отобралъ у мене денги 300 р., а 100 р. себѣ позыкою удержалъ, а на оные далъ облѣкгъ во отдачи тихъ денегъ въ априлѣ мѣсяцѣ остатныхъ чиселъ; о томъ же писалъ и писмо до пана Андрея Миклашевского, на что соизволеніе отъ него получилъ.

22. Музиканту отданы остатные за дворъ купленный денги 18 р. 32 к., а прежде дано ему 20 р. и осмачку жита въ 1 р. 68 к. Итакъ уже ему все уплачено. Посланы при писмѣ до его мил. п. Скоропадского купчая на грунта глуховскіе, отъ дочерей пана Андрея Миклашевского данная, и двѣ раздѣлочные писма чрезъ козака значкового Афанаса Дсятовского; чрезъ тогожъ писалъ и до пана Юркевича и послалъ пашпортъ. Розышлось на розницю 4 к.

23. Отправлены плотники, присланные отъ пана Скоропадского для осмотреня будинковъ пана Федора Ширая, и чрезъ нихъ же дано отвѣтное писмо. Алексію кухару данъ 1 р. 50 к. на его нужды, да двѣ штучки китаю блакитного въ ценѣ 1 р. 40 к.

24. Получилъ писма двѣ отъ пана Скоропадского чрезъ служителя госпожи Толстой, да до пана Скоропадского жъ писалъ інстанціалное писмо за асауломъ. Писалъ чрезъ него жъ и до пана сотника глуховского. Розышлось сими днями на розницю 18 к. Господинъ полковникъ далъ мнѣ два стоги сѣна, которые на степу показаны чрезъ армаша.

25. Были въ обѣдни у Вознесенія Господня; тамъ же и молебень правили, где полковникъ обявилъ мнѣ о поездѣ своемъ до Глухова, куда и отехалъ онъ послѣ обѣда. Розышлось на розницю 75 к.

26. Параскевія Александровна полковниковна дала денги для заплаты за табакерку 1 р. 95 к., которую дѣлалъ чеканщикъ въ Глуховѣ.

Еленѣ, купилъ на деньги послѣдней, въ м. Салтыковой Дѣвицѣ и въ д. Крачковкѣ—1311 крестьянъ обоего пола. Всего у него было крестьянъ 1644 обоего пола.

[167]) Степанъ Спиридоновичъ Ширай—отецъ Федора. См. примѣч. 133.

27. Писалъ письмо до п. Горленка въ С.П.Бурхъ о попу перелюбскомъ, который содержится въ канцеляріи полковой стародубовской. Данъ 1 р. на галіонокъ панеи. За 4 безмены лою 80 к. Віехалъ по полдни зъ Стародуба до Перегону, куда прибылъ въ 9-мъ часу. Даны въ дворѣ на потребы 10 к., Василевѣ 10 к.

28. Вчора надъ отцемъ Стефаномъ Филиповичемъ, священникомъ городискимъ (села Городища) было маслосвятіе. Къ нему сего числа послалъ чаю и сахару. Десять свѣчъ прислалъ Іванъ, погарскій шафаръ (сборщикъ податей) гребелный. Были у мене войты куровскій и чубаровскій зъ громадами.

Мартъ.

1. Присылалъ п. Григорій Гамалія, просячи на именины жены своей до Борщова, куда отпустилъ жену, а самъ остался въ Перегонѣ.

2. Ездилъ до монастыря чолнского и тамъ ночовалъ. Розышлось на розницю 14 к. Писаны писма до п. сотника ічанского (Стороженка) и до Лисаневича, въ Ічню.

5. Зъ монастыря чолнского пріехалъ на обѣдъ въ Перегонъ, где засталъ Круковскую. У Івана Цілогузенка отобралъ за пенку денегъ 5 р. Сего числа по полдни преставился священникъ церкви Воздвиженія Честного Креста городиской отецъ Стефанъ Ігнатіевъ Филимоновичъ осмдесятолѣтный, который былъ родомъ зъ Уманѣ и священствовалъ при помянутой церкви болѣе сорока лѣтъ. Для поминокъ въ домъ того умершого священника станъ горѣлки и денегъ 1 р.

4. Погребали тогожъ отца Стефана въ церкви городиской, на которомъ погребеніи былъ протопопъ погарскій отецъ Петръ Кибальчичъ зъ другими священниками. У мене обѣдали п. Григорій Гамалія, п. Дзевулскій съ сожителницею, п. Григорій Антоновъ Гамалія и п. Косачъ, сотникъ бакланскій. За медъ и пиво у Івана шафара дано 96 к. Въ Перегонѣ-жъ у мене былъ и поруччикъ інгермоланского полку г. Полянскій.

5. Данъ 1 р. матерѣ Наума Евдокименка до рощоту, за взятые у тихъ казанъ и трубы мѣдные. Подрядилъ на цѣлый годъ жителей села Любца за десять возъ для воженя зъ ихъ лѣсу дровъ на футоръ мой, а одъ всякаго воза давать по 30 к.; и того въ

годъ винесетъ 3 р., которымъ любецкимъ жителямъ и даны 1 р. 50 к., а другіе такіе-жъ денги должны имъ отдатися въ полгода, и сей контрактъ здѣланъ зъ цѣлою околицею и отъ нихъ взято писмо. Да сего-жъ числа даны 3 р. того-жъ села Любца жителямъ Кондрату Степанову, Андрею Іванову Протченку и Данилѣ Подорожному на сто дубовъ на шулы, которіе должни оны выстачить, на что дали отъ сего и карту. Покроенъ мнѣ куntишъ зъ сукна французскаго кравцами погарскими, до которого дано на шовкъ 5 к. За 20 локотъ полотна дано 26 к. для подбойки слугамъ.

6. Вієхалъ зъ Перегону и прибывъ въ Борщевъ, первей былъ у поруччика Полянского, потомъ зъ нимъ вмѣстѣ обѣдали у п. Григорія Гамаліи, куда прибылъ и п. Дзевулскій, и по обѣдѣ гуляли тамъ-же, а послѣ въ ночь до позна у поруччика при стрелбѣ. и жестоко были пяны.

7. Мойсею Оршавѣ шевцю даны сафянъ и козелъ для шитя чоботъ мнѣ, а паней черевиковъ, да и старые сапоги червоные даны ему-жъ для переробленя. Въ Борщовѣ у п. Григорія-жъ, поснѣданю, послѣ знову были у поруччика и у него помирили драгуна зъ атаманомъ чаусовскимъ Сосновскимъ, за которого въ доплатку положилъ я своихъ 1 р. 33⅓ к., а онъ заплатилъ своихъ 3 р., потомъ одтоль отехалъ, жестоко подпивший и прибыли въ Случокъ, гдѣ и ночовали у Антона Хоменка.

8. Прибылъ коло обѣдень въ Стародубъ и сегодня вечеромъ, послѣ лазнѣ, посѣщали мы обое невѣстку полковничую Катерину Андріевну, прибывшую изъ Москвы позавчора. Целюрику 3 к., на потребы до жупановъ челядныхъ и дѣвкамъ 10 к.

9. За офарбованс сукна чезяди на черкески, да за 29 аршинъ крашенины дано фарбейнику 1 р. 40 к., шкляру за направу де чого 5 к. Жорову Мойсею случковскому въ задатокъ на грунтъ 2 р. да Рубану 1 р. Писана челобитная и писма до отца архимандрита Романа, до отца Іларіона Погребецкого, типографіи начальника, и до отца Іоиля Савицкого, писаря кіево-печерской лавры, подъ датою сего мѣсяца 5 числа о обидѣ мнѣ показанной отъ Гаврііла, намѣстника монастыря чолнского; также писалъ и до Козми Іакимовича Кричевця.

10. Заплачены цехмистру ткацкому за полотно передъ симъ панеи тканное ровно 2 р. Бондарямъ, що направляли бочки до пива,

меду и до лазнѣ дано 60 к. Сего числа зъ челобитною и писмомъ отправленъ Семенъ Діоминъ до Кіева, чрезъ котораго и до сотника козелецкого Алексія о дачи ему козака до Кіева писано; да ему-жъ Семену данъ и пашпортъ. Полковникъ пріѣхалъ въ Стародубъ зъ Глухова ввечерѣ.

11. Былъ рано у маіора інгермоландского драгунского полку Михаила Петровича Пущина, а потомъ у полковника нашего; послѣ-же обѣднѣ обѣдали у полковника обще зъ маіоромъ. У мене-жъ въ вечеру были п.п. Іванъ Миклашевскій, Скоруна, Ширай, Марко Марковичъ, Горленко и проч.

12. Посланы до Перегона къ Стефану на росходъ дворовый 2 р. Кравцямъ за роботу дано 10 к., слѣсарю 4 к., за 2 штуки крашенины 42 к. На розницю пошло 15 к.

13. За 18 локоть шнурка штучкового дано 72 к., Алексію на его потребы 22 к., Крашенинніику 10 к. На розницю пошло 12 к. Куплено сукна зеленого 11 локоть по 18 шаговъ, и того дано 3 р. 96 к. За крашенину и за фарбоване двохъ матерій крашенинніику еще 82 к.

14. За пудъ соли бѣлой 40 к. За медъ и пиво у Ляшихи набранное 42 к.

15. Івану Данченку за вино, братое у него прошлого году 1731 на крестины Петрусевы, заплатилъ 6 р.

16. За 18 локоть полотна лняного дано 36 к. За возъ лучины 12 к. Писано писмо до сотника варвинского п. Себастіановича[168]) о стадниѣ.

17. За 20 штучокъ вялой рыбы Лавріну дано 30 к. Ему-жъ за набранные безъ мене панею розные вещи 2 р. 49 к. Золотаревѣ Антону въ позыку даны 30 к.

18. Обѣдали мы у панеи матки, а послѣ обѣда у мене былъ

---

[168]) Матвѣй Андреевичъ Себастіановичъ, внукъ прилуцкаго обознаго Василія Севастьяновича (1674 г.) родоначальника Себастіановичей, въ настоящее время уже вымершихъ. Себастіановичамъ принадлежали слѣдующія имѣнія въ прилуцкомъ уѣздѣ: село Гурбинцы и деревня Игнатовка (съ 1674 г.), село Гриковка (съ 1709 г.) и село Брагенцы, поселенное въ началѣ XVIII в. отцомъ Матвѣя Себастіановича—Андреемъ, бывшимъ полковымъ писаремъ. Имѣнія Себастіановичей перешли въ большей части къ Брежинскимъ, по женитьбѣ одного изъ нихъ на дочери Ивана Андреевича Себастіановича.

первей отецъ Патермуфій, городничій лищицкій [169]) и подарилъ мнѣ книжечку Полуставецъ, а послѣ были маіоръ Пущинъ съ женою и поруччикъ Полянскій и вечеряли у мене-жъ. За судацкого вина 2 гарцы 80 к.

19. За двѣ шапки молодецкіе Василю и Іванцю 70 к. За простій шнурокъ да на нитки и на шовкъ 20 к. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к.

20. Писано въ одвѣтъ до п. Пасека [170]) о его дѣлахъ въ судѣ полковомъ имѣючихся, о Гойскомъ и мелнику печеницкомъ. Розышлось на розницю 19 к. Панюй даны 1 р. 40 к.

21. Макринѣ на серпанки и на чоботы 30 к. За зроблене свѣчъ и ставниковъ до Городища до двора нашого 62 к. На нитки, свѣчки и проч. 18 к. На медъ и пиво 6 к. За оправу книжки Тестаменту 20 к. За пудъ лою 90 к.

22. За полсть до ризъ 7 к. За бантайровій пузиментъ до ризъ-же за 26 локоть 1 р. 4 к. За три штучки крашенины 47½ к. Сего числа исповѣдались и причащались обое. Розышлось на розницю 1 р. 20 к. Съ Ляшихою росплата учинена за дуклю, бранную на погребеніе Петруссвѣ, и за хустку, да за шнурокъ до куптуша молодецкого 2 р. 98 к. На корку и шовкъ 4 к.

23. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к. Росплата учинена съ кравцемъ Евтушкомъ; за розную прежнюю роботу дано ему 43 к. да за Алексія ему-жъ заплачено 40 к. За зроблене мнѣ двохъ шапокъ и третей паняи дано Максиму шапошнику 1 р. 5 к. На шовкъ, шнурокъ и свѣчки 11 к.

24. Свѣчарцѣ, що лоіовіи свѣчи дѣлала, 12 к. Отецъ Патермуфій, городничій лищицкій прислалъ куфу пива чрезъ своего служителя, которому и подводчикамъ дано 36 к. Сотники волоскіи, гарцовскій и пятовскій [171]) принесли 3 гусей, 4 курей и полтори копи

---

[169]) Лыщицкая волость (села Лыщичи—суражскаго уѣзда) принадлежала кіевской лаврѣ и управлялась, какъ и другія, монахами-городничими.

[170]) Богданъ Ивановичъ Пассекъ—одинъ изъ членовъ генеральнаго суда, отецъ извѣстнаго бѣлорусскаго генералъ-губернатора Петра Б. Пассека.

[171]) Села Гарцовъ и Пятовскъ—стародубскаго уѣзда. Какъ видно, въ это время еще существовали особые сотники »волоскіе«, вѣдавшіе тѣхъ »волоховъ«, которые, заходя въ Малороссію съ конца XVI в. съ военными отрядами, оставались здѣсь и селились частью между мѣстнымъ народомъ, а частью отдѣльными селами.

яецъ. Панъ сотникъ топальскій 5 паръ оробковъ. Писалъ до п. обозного, полковника стародубовскаго и послалъ указъ ясневелможного, присланный по челобитю п. Валкевича на полковника Дурова Розышлось на розницю 20 к.

25. Въ сей день Свѣтлого Воскресенія и Благовѣщенія на всенощномъ были въ церквѣ нашей приходской; службы Божой слушалъ въ соборѣ и былъ у полковника, обѣдали у панеи матки. Послѣ обѣда были у полковника-жъ, да у маіора Пущина, а послѣ знову у панеи матки.

26. Кравцямъ погарскимъ за роботу двохъ кунтушовъ панеи да мнѣ кунтуша и кафтана и за пошите кунтуша-жъ, да за ризы 2 р. 10 к. Сего числа весь день гуляли у полковника, а послѣ вечеромъ были у п. Федора Ширая, где капитанъ гварнѣзонный зъ офѣцерами інгермоландского полку поссорился. Сего-жъ числа привезенъ мнѣ одъ п. Борковского, при писмѣ, казанъ мѣдный зъ трубами, въ которомъ со всѣмъ вѣсу 53 фунта. Майстратовые и цехы приходили зъ хлѣбомъ святочнимъ, въ томъ числѣ одъ двохъ цеховъ положено 45 к.

27. Весь день были въ домѣ и обѣдали у мене поручникъ и прапорщикъ гварнѣзонные. Ввечеру былъ у п. Стефана Ширая зъ хлѣбомъ.

28. Обѣдали и весь день гуляли у п. Григорія Скорупны. Чрезъ прошедшіе святочные дни розышлось священникамъ, дякамъ и прочіимъ поздравителямъ 3 р. 50 к. Сего-жъ числа присланы чрезъ козака Козла отъ шинкара чаусовского Ноздри шинковыхъ денегъ 5 р.

29. Стефанъ зъ войтами перегоновскимъ и чубаровскимъ пріездилъ зъ поклономъ святочнымъ и положили мнѣ 1 р. 20 к. Да Стефанъ привезъ осѣнныхъ денегъ 3 р. 50 к. и зъ шинку перегонского 1 р. Тимохъ коваль за побой сина его положилъ 50 к. Заплочено за два гарци вина кримского, що передъ симъ на вѣру брали, 80 к. Сего-жъ числа отехалъ до Лищичъ и конѣ здѣлали причину подъ Кустичами, а потомъ прибылъ въ Лищичи и тамъ

› Волохами ‹ поселено въ первой половинѣ XVII село Волосковичи въ Сосницкомъ уѣздѣ; ими-же должно быть поселено и стародубское село Кустичи Волокитины, т. е. Кустичи волошскіе, названное такъ въ отличіе отъ другаго стародубскаго села—Кустичъ Бряновыхъ, поселеннаго должно быть выходцами изъ Брянска.

ночовалъ, да туда-жъ прибыли п.п. Якимовичъ, асаулъ полковый и Михайло Голембіовскій зъ женами.

30. Тамъ-же въ Лищичахъ обѣдали, а по обѣдѣ возвратилъся въ Стародубъ.

31. Рано былъ у полковника и видѣлъся въ первый разъ зъ полковницею, прибывшею зъ Москвы сего мѣсяца 29 дня позно.

Апрель.

1. Были на крестинахъ въ домѣ панеи Березовской, у пана Марка Марковича, сина подскарбіевого, которому синъ родился Іванъ, 28 числа прошедшого мѣсяца, а оному воспріемниками были панъ Федоръ Ширай и панѣ Скоруппина; тамъ дано бабѣ 10 к. Сегожъ числа возвратившійся зъ Кіева Семенъ привезъ ко мнѣ писма отъ отца Негребецкого и писаря печерского отвѣтніе въ дѣлѣ о намѣстнику чолнскомъ, такожъ отъ архидіакона софѣйского.

2. Писаны писма въ Глуховъ за п. Лисаневичемъ до п. Скоропадского и до п. Юркевича зъ комплементомъ. Емужъ данъ 1 р. За возъ уголя дано 14 к. Да взято у Федора Янченка железа 3 каменѣ и 5 фунтовъ.

3. Писаны писма до Урінла подканцеляриста въ Москву, да до Николая Павловича Кристича; при писмѣ посланы 10 р. денегъ, у Трусевича доправленныхъ и одправлены для пересылки до п. Юркевича; такожъ и до п. Скоропадского писалъ зъ посылкою листа одъ п. Валкевича. Сегожъ числа дано срѣбро Антону золотарю на роблене килѣха (чаши) вѣсомъ 21 лотъ и 3 золотника. Да емужъ до прежде данныхъ въ позику 30-ти копѣекъ дано 20 к. въ заработокъ.

4. Писано до графини въ Топаль о видачи цыганки и зъ тимъ писмомъ посланъ Антонъ Донъ. Вчора вечеромъ былъ я на квартерѣ у поруччика інгермонландского полку Ігната Михайловича, зъ которымъ доволно посидѣлъ и розговоровалъ, а сего числа былъ у п. Андрея Миклашевского. За медъ, у Ляшихи передъ симъ братьей, 17 к.

5. Віехалъ зъ Стародуба къ Архиновцѣ [172]) для розыску въ дѣлѣ о млынѣ козаковъ Рубаленковъ и прибылъ въ 9 часу до Буды, маетности п. Корецкого тестя моего. Въ домѣ при отездѣ дано

---

[172]) Село новгородъ-сѣверскаго уѣзда.

25 к. Одтоль віехавъ въ 2 часу по полдни, прибылъ въ Архиповку въ 7-мъ часу и тутъ первей заехалъ до п. Пекаліцкого, потомъ сталъ квартерою у священника архиповского отца Григорія Холинского.

6. Начали производить слѣдствіе и ездили для осмотру греблѣ Рубайленковъ и подтопленныхъ грунтовъ архиповскихъ. Обѣдалъ въ квартерѣ.

7. Обѣдали у п. Пекаліцкого, да сегожъ числа и Мовчанъ допрашиванъ по дѣлу Рубайленковъ о унѣверсалахъ и о протчемъ.

8. По службѣ окончили и подписали слѣдствіе и обѣдали у п. Косовича, где подарено мене и хусткою, потомъ отехали до п. Славуцкого въ Леоновку [173]), у которого и ночовалъ.

9. Рано одтоль віехавши, немного позабавился въ Курковичахъ, а оттуда поехавши, заездилъ въ дворъ п. Миклашевского понуровский, да и въ Буду, и пріехалъ надъ вечери въ Стародубъ; въ той поездцѣ розышлось 36 к.

10. До Стефана писано о Петроку и о протчемъ и до егожъ послалъ денегъ 1 р. на росходъ дворовый. Получилъ писма зъ С. П. Бурха одъ п. Горленка, при которыхъ и одъ графа Гаврила Владиславича до жены его присланное вручилъ п. Кровніцкому, при своемъ особливомъ писмѣ.

11. Розышлось на розницю 23 к.

12. Куплено свитъ двѣ для Параски и для баби, и запаску, дано 94 к.

13. Розышлось на розницю 50 к.

14. За зроблене ключика до клевікорда, которій подарилъ мнѣ п. Іскрицкій, дано 6 к. Данъ до оковки ящикъ на каламаръ, за которого роботу заплачено снѣцарю 8 к., на желѣзо 2 к.

15. Принималъ у себе гварнізонныхъ капитана, поручика и прапорщика зъ женами. Розышлось на мясо 26 к., на вино 86 к., за медъ 38 к., на мило до платя и на проч. 5 к. Ввечерѣ были зъ поручикомъ Полянскимъ у кума Никифора на крестинахъ и дано одъ панеи 30 к., одъ мене 50 к.

16. Писано до п. Юркевича подъ вчерашнимъ числомъ, о томъ, чтобъ далъ вѣдомость, кто зъ Печерского былъ зъ святочнымъ при-

[173]) Деревня стародубскаго уѣзда.

вѣтствіемъ въ Глуховѣ, и включенъ пакетикъ для отсылки къ Москвѣ одъ маіора Пущина. Дано снѣцарю въ зароботокъ 20 к. Умовленъ слюсаръ дѣлать карабиновъ пару за 6 р., а особливо на мосіонзъ давать же коптъ; которому взадатокъ и данъ 1 р.

17. За 9 мѣховъ сѣчки 13 к., за курицю 3 к., на медъ 2 к., Макринѣ на полотно 24 к.

18. Были у мене на обѣдѣ невѣстка полковничая и дочка, такожъ князь Яковъ Александровичъ Щетинъ, капралъ ризского драгунского полку. Розышлось на розницю 5 к. Привезено зъ Перегону денегъ шинковыхъ 6 р., одъ шинкарки перегонской Марьи Олейницы рублей 3, а прежде о святкахъ отъ еижъ привезенъ 1 р. отъ куровского шинкаря Харитона паламаря 2 р. отъ чубаровского шинкаря Степана Клесунового 1 р.

19. Шевчисѣ, що у пана тестя въ дворѣ живетъ, дано 24 к., на мясо 10 к., на медъ 4 к.

20. Даны въ направу Евдашки, слюсара погарского, сыну, шабля, крупички, замковъ 2 нѣмецкихъ отъ дверей, замковъ одъ скринь; и емужъ дано до заработку 50 к., кромѣ зайшлихъ прежде за него 1 р. 30 к. За пошите свиты Парасцѣ 6 к. Даны ткатись цехмистру ткацкому обруси, за которые одъ локтя по 8 к., полотна—одно по 2 осмаки въ 20 пасомъ, другое въ 18 пасомъ, по 1-й к. одъ локтя. Дана отцу Алексію цукру голова и чаю. Маляру за обмаліоване доски до карети 4 к.

21. На мясо и проч. 19 к. Ковалямъ, що оковали коляску открытую, 50 к. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый Галецкій, а послѣ я мился въ лазнѣ у отца Алексія Халкидонского, потомъ у панеи тещи былъ. На медъ 9 к.

22. Обѣдали у полковника нашого зъ маіоромъ Пущинымъ и другими офицерами інгермонландского полку. На мясо дано 10 к. Одправленъ въ Перегонъ мелникъ печениковскій Іванъ, чрезъ которого писалъ я до Стефана.

23. Обѣдали у мене панея матка, да три поруччика інгермоландского полку Полянскій, Толбузинъ и Порошинъ и весь день у мене пробавили, а вечеромъ былъ я на Березовщинѣ [174]) и тамъ видѣлъся зъ п. Андреемъ Миклашевскимъ и панею его, зъ Корса-

[174]) Хуторъ около г. Стародуба, принадлежавшій Миклашевскимъ.

комъ и сестрою его, и велми пяный оттуду пріехалъ. Розышлось на мясо и проч. 29 к. На пиво и медъ 25 к. На вино 20 к.

24. Весь день пролежалъ зъ похмеля и никуда не виходилъ зъ дому, толко заездилъ ко мнѣ пожегнатся поруччикъ Полянскій.

25. Былъ въ канцеляріи и на майстратѣ, а обѣдалъ въ домѣ купно зъ панею маткою.

26. Панѣ Іванова Борознина была у мене въ домѣ и Пузириха за своими дѣлами. Дано за три барки (вальки) до колясокъ 6 к. Антону Дону данъ 1 р. за псалтиръ и на дорогу.

27. Данъ рубль 1 Василю на покупку его нуждъ, да куплено 4 колеса и двѣ оглоблѣ, дано 14 к.

28. По одправленію въ соборѣ молебствія благодарственного о коронаціи ея імператорскаго величества, обѣдали приватно у полковника, а послѣ былъ я зъ женою у маіора господина Пущина и у п. Федора Ширая. На мясо дано 12 к., на пиво 4 к.

29. Панъ Федоръ Ширай, отезжая въ Глуховъ, заездилъ ко мнѣ и простилъся. Послѣ обѣда былъ у мене маіоръ Пущинъ зъ маіоршею, поруччики Бунаковъ и Бурдаковъ да прапорщикъ Скорятинъ и п. Скорупна и долго пробавились. На вино пошло 40 к.

30. Рано былъ у мене Василь Романовичъ, зъ которымъ доволно розговоровали о скупленныхъ въ Случку мужикахъ и о прочемъ; онъ же подалъ мнѣ и писма одъ п. Покорского старого. Прибылъ въ Стародубъ г. генералъ квартермѣйстеръ лейтенантъ фонъ Штофель для заниманія лагеровъ для войскъ въ полку старод. Отъ отца Варсонофія, намѣстника свѣнского, принесъ мнѣ служитель его, финжалъ фарфуровый и мисочку болшіе, гостинця. Розышлось на розницю 5 к., за виправу лисицъ 3 к.

Май.

1. Писано писмо подъ вчерашнею датою до г. Насека въ Глуховъ, зъ благодарствіемъ за неоставленіе корреспонденціею. За обмаліоване клевикорда 12 к.; еще 3 к. Писаны писма въ Глуховъ подъ датою прошлою апр. 27, до п. Скоропадского, до п. Юркевича, и подъ нынѣшнею—до п. Лисаневича.

2. Обѣдали у мене п. тесть и поруччикъ Бунаковъ, а послѣ обѣда былъ я у г. фонъ Штофеля, потомъ у капитана Петровского. Одправлено писмо до отца Варсонофія, намѣсника свѣнского, чрезъ

служителя его съ благодарствіемъ за неоставленіе въ візитѣ и за присилку чашокъ.

3. Въ обѣднѣ были у праздника въ церквѣ Вознесенія Господня, а потомъ заездили до п. Скорупны, а обѣдалъ у мене капитанъ Петровскій съ женою, послѣ обѣдажъ былъ у менежъ г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель. На мясо и проч. пошло 19 к., на вино 20, на пиво и медъ 19 к. Сего числа противъ завтрашнего, по полуночи въ 1-мъ часу, учинилъся пожаръ въ городѣ Стародубѣ, одъ которого многіе домы, въ томъ числѣ и войсковый дворъ и ратушъ згорѣли, а иные, отбороняючи одъ пожара, поломали.

4. У насъ обѣдали п. Валкевичъ и панѣ Тимофіева Жоравкова, которая изъ своими пожитками одъ пожару въ домъ нашъ ввезлася.

5. На мясо пошло 16 к. Кровь пущалъ зашкурную. Дано цѣлюрику 4 к. Посланы писма и крѣпости до п. Скоропадского такожъ писма до п. Юркевича чрезъ Гриневича, сторожа полкового.

6. Нигдѣ съ дому не бывалъ, ради случившейся слабости. На мясо 6 к.

7. Хлопцю полотна на кошулю 9, к. на діоготь 5 к.

8. Послѣ раннего обѣда отехалъ къ Каташинскому манастиру и по дорозѣ былъ въ Нижніомъ и видѣлись съ панею Андріевою, потомъ у графинѣ въ Топалѣ и тамъ одвѣвши, полдень поехали до манастыря и прибыли туда позно, где дали намъ келію у отца Дружины и вечеромъ видѣлься съ отцомъ архимандритомъ тамошнимъ—Давидомъ.

9. По одслушанной позной службѣ, обѣдали въ трапезѣ, а потомъ гуляли въ келіяхъ архимандричихъ, послѣ же и за монастыремъ надъ ліодовнею, а далѣе пожегнавшись, отехали я съ женою до п. Василія Велинского въ Манюки [175]), а прочіе на Топаль. Въ переездѣ до манастыря и въ манастырѣ розышлось 1 р. 50 к.

---

[175]) Село Манюки, новозыбковскаго уѣзда, въ 1708 г., отдано было съ разрѣшенія Мазепы, стародубскому хоружему Федору Скоробогатому, по смерти котораго вдова его продала Манюки генеральному писарю Савичу. Племянникъ Скоробогатаго Василій Велинскій, получивъ урядъ стародубскаго хоружества, сталъ оспаривать Манюки у Савича, но послѣдній не обращалъ вниманія на этотъ споръ, пока не попалъ, по Полуботковскому дѣлу, въ петропавловскую крѣпость; воспольз-

10. Въ Манюкахъ обѣдалъ, где хозяинъ подарилъ сину моему лисицю, а тудажъ по обѣдѣ прибыли отецъ архимандритъ Давидъ и панѣ Скоруппина зъ п. Іскрицкимъ и сожительницею его. Отецъ же архимандритъ подарилъ мнѣ и сину двѣ книжки латинскіе. Одтоль одехавши, ночовали въ Кривцѣ, въ дворѣ п. Федора Савича.

11. По раннемъ обѣдѣ зъ Кривца віехали и прибыли коло обѣда въ Тональ и тамъ позабавились годинъ нѣсколко, отехали до Медведова, где такожъ забавлявшись нѣсколко часовъ, поехали прямо до Стародуба и прибыли въ домъ о 12-мъ часу по полуночномъ. Умовленъ столъ робить и дано въ задатокъ 20 к.

12. Весь день пробавилъ въ домѣ маляра, уговореннаго маліовать тарадайку, и дано ему въ задатокъ 50 к.

13. Въ сей день Пентикостіи (пятидесятницы) набоженства слушали въ церквѣ Святого Духа и обѣдали у панеи-матки, а вечеромъ въ домѣ и прибѣрались для принятія гостей.

14. Послѣ набоженства были въ домѣ моемъ на обѣдѣ полковникъ зъ женою своею, п. Скоруппа зъ женою же и протчіе мужеска и женска полу. Пошло на мясо 75 к., кухару 60 к. За пол-ока бѣлого соку 15 к., за сулейку чорного соку 20 к. Капитану Петровскому даны 2 р. За лой Бразкуну давный 40 к.

15, 16, 17—пробавили канцелярскими дѣлами.

18. Вибравшись послѣ полдня, віехалъ зъ Стародуба до Перегону и заехалъ черней до Левенки, а послѣ прибылъ о полночи въ Перегонъ.

19. Весь день пробавилъ въ Перегонѣ и былъ на Белявицѣ и на футорѣ Василювскомъ.

20. Обѣдали и весь день пробавили въ Борщевѣ у п. Григорія Гамаліи, а одтоль отехавши были за Ворою и осматривали грунту зъ Лукинцями розеханного, тамъ же и жита посѣяннаго осматривали; а ввечеру были у мене Леонтій Галецкій зъ женою и вечеряли.

21. Обѣдали мы у Леонтія Галецкого, а послѣ обѣда пріехалъ ко мнѣ атаманъ погарскій и другіе. На нитки фарбованные дано

зовавшись этимъ моментомъ, Велинскій поѣхалъ за Манюками въ Петербургъ и здѣсь по мировой съ Савичемъ, писанной 25 сентября 1725 г., въ крѣпости, добился, что Манюки были отданы ему, какъ наслѣдство его дяди.

6 к. Сего числа отобралъ я у Ноздры, шинкаря чаусовского, шинковыхъ грошей рублей 12, и квитанція ему дана. Да у Стефана старосты перегонского 3 р. за коня Триносенкомъ приведенного, злодѣйского.

22. Пріездилъ ко мнѣ Петко зъ женою въ Перегонъ, и принесъ сома свѣжого, такожъ былъ попъ николаевскій села Любца, волости дворцовой Артемонъ Федосіевъ о пропажи 28 брусовъ его дубовыхъ. П. Леонтій Галецкій далъ на 26 осмачокъ жита облѣкгъ. Сего числа Мойсея Жорова побилъ Романовичъ въ Случку. Віехалъ зъ Перегону послѣ полдня и тамъ при віездѣ дано 20 к. Ночовалъ въ Случку у бурмистра Хоменка.

23. Одтоль рано віехавъ, прибылъ въ Стародубъ рано и былъ у полковника, которій поехалъ на встрѣчу генерала маіора Артемія Григоріевича Загряжского. Дано маляру, малюючому таратайку, еще 60 к., да слюсару, которій штурмаки дѣлаетъ, еще 1 р. Студентамъ 10 к. Отобрано у ткацкого цехмистра полотно, которое ткалось въ 20 пасомъ локоть $71^1/_2$. Писано писмо до Константія, брата сотника золотоношского, сторони г. генерала лейтнанта квартермейстра Федора фонъ Штофеля.

24. Петру Триносенку данъ въ заплату службы его годовой, що наняли его до двора Куровци, 1 р., а передъ симъ даны емужъ дворовые чоботы. Сего числа заведенъ караулъ въ дворъ п. Миклашевского, где полковникъ стоялъ, и оттоль полковникъ віехалъ въ Андріенковъ дворъ за городъ, а оный дворъ очищенъ и занятъ въ квартеру г. генералу Загряжскому.

25. Отданы 15 р. п. Федору Шираю, которые онъ давалъ мнѣ въ С. П. Бурхъ на покупки, а панеи Скоруппиной отданыжъ 2 р. У Федора Янченка взялъ 5 р. въ задатокъ на пенку. Нанялъ роботниковъ до направки коморы, которымъ давать на день по 8 к. и харчъ, и уже даны имъ 16 к. По полдни въ 4-мъ часу пріехалъ въ Стародубъ г. генералъ маіоръ и кавалеръ и воинскій інспекторъ Артемій Григоріевичъ Загряжскій и сталъ въ дворѣ п. Андрея Миклашевского. Отдана моя пенка въ важницю, которой заважено 7 берковцевъ и два пуды, и отдана на руки Федору Янченку по 5 р. берковецъ, итого за 36 р.

26. Получилъ вчорайшого числа указъ зъ суда войскового енералного о поездѣ въ села монастыря новгородского. Даны маляру

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ. 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ. 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки. 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диттера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылающимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно сверять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.